

№ 5 (81)
2021

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск ИСТОРИЯ ПРАВА — ОТКРЫТАЯ НАУКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 30** *Исаев И. А.*
Симулякры: виртуальная реальность закона

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 91** *Честнов И. Л.*
Историко-правовая наука
в ситуации постпостмодерна
- 97** *Румянцева В. Г.*
История и будущее права:
трансформация идей и образов
- 130** *Бабурин С. Н.*
Значение ценностной динамики
российского конституционализма XX в.
- 188** *Момотов В. В.*
Искусственный интеллект и судопроизводство:
состояние, перспективы использования
- 192** *Королев С. В.*
«Топика и юриспруденция» Т. Фивега
в свете учения Аристотеля



№ 5 (81)
2021

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск

**ИСТОРИЯ ПРАВА — ОТКРЫТАЯ НАУКА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ**

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия



Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственные редакторы выпуска:

ИСАЕВ Игорь Андреевич — заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна — доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 02.08.2021 Объем 19,53 усл. печ. л. (20,82 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункеева

Корректор А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 5 (81)
2021

Edition

**OPEN SCIENCE. LEGAL HISTORY.
INTERDISCIPLINARY APPROACHES**

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Law of Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Head of the Department of International Cooperation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index



© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2021

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Managing Editors of the Issue:

ISAEV Igor Andreevich — Head, Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Distinguished Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor

RUMYANTSEVA Valentina Gennad'evna — Associate Professor, Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	02.08.2021 Volume: 19,53 conventional printer's sheets (20,82 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor	L. A. Munkueva
Proof-reader	A. B. Rybakova
Computer layout	D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	8
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	10
ПРОЕКТЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	21
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Исаев И. А.	
Симулякры: виртуальная реальность закона	30
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Юриспруденция и ее история в социально-политических оценках и суждениях	
Разуваев Н. В.	
История юридической науки в контексте эволюции правового мышления	41
Смыкалин А. С.	
Юридическое религиоведение — новое направление отечественной юриспруденции	52
Биюшкина Н. И.	
Роль и значение полицейстики в истории и теории юридической науки и практики	63
Шамсумова Э. Ф.	
К вопросу о становлении почерковедения как науки (XV — конец XIX в.)	68
Корнев А. В.	
Жанровые формы (источники) в истории политических и правовых учений	78
Честнов И. Л.	
Историко-правовая наука в ситуации постпостмодерна	91
Румянцева В. Г.	
История и будущее права: трансформация идей и образов	97
Конституция как историческая матрица и политический ресурс	
Акишин М. О.	
Конституционные идеи эпохи Просвещения и правовая доктрина Екатерины II	104
Ящук Т. Ф.	
Вопросы территории государства в советских конституциях	111
Астафичев П. А.	
Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г.	116
Чеджемов С. Р.	
Конституционное строительство в Российской Федерации: к вопросу о защите исторической правды	122
Бабурин С. Н.	
Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в.	130

Вышкварцев В. В. Авторские поправки в Конституцию РФ: что не услышала рабочая группа	137
Прагматизм истории: потенциалы и опыт, новые вызовы	
Скоробогатов А. В. Правопонимание как основа юридических исследований в эпоху цифровизации	145
Мирошник С. В. Правовой стимул как элемент правовой культуры	153
Серебренникова А. В. Восток — Запад: гармония и дихотомия	162
Сафронова Е. В., Албутиф М. А. История и будущее исламской правозащитной системы: шаги навстречу	169
Очередько В. П. Развитие судебных органов интеграционных объединений на постсоветском пространстве	179
Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования	188
Иррациональное в рациональном: путь к правовому идеалу	
Королев С. В. «Тописка и юриспруденция» Т. Фивега в свете учения Аристотеля	192
Луковская Д. И., Малышева Н. И., Строгов Н. Д. Г. Кельзен о естественном праве и справедливости: аргумент о праве на сопротивление	198
Саломатин А. Ю. Значение этноконфессиональных факторов для исследования федерализма	207
Багдасарян С. Д. Понятие «бог» в юридико-антропологическом анализе	213
Трибуна молодого ученого	
Братцева Е. А. Самоуправление в дореволюционной России (историко-правовой аспект)	219
Книжная полка	225
Право в историческом преломлении	
Юридическое наследие	
Кистяковский Б. А. Право как социальное явление	227
Постскриптум	
Шпаковский Ю. Г. «Академический солдат»	239

A WORD TO THE READERS	8
UNIVERSITY CHRONICLE IN THE JUBILEE YEAR	10
PROJECTS OF THE DEPARTMENT OF HISTORY OF STATE AND LAW	21
EXPERT OPINION	
Isaev I. A.	
Simulacra: the virtual reality of law	30
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Jurisprudence and its history in socio-political assessments and judgments	
Razuvaev N. V.	
History of legal science in the context of the evolution of legal thinking	41
Smykalin A. S.	
Legal religious studies — a new direction of Russian jurisprudence	52
Biyushkina N. I.	
The role and significance of police studies in the history and theory of legal science and practice	63
Shamsumova E. F.	
On the formation of graphology as a science (15th — late 19th centuries)	68
Kornev A. V.	
Genre forms (sources) in the history of political and legal doctrines	78
Chestnov I. L.	
Historical and legal science in a post-postmodern situation	91
Rumyantseva V. G.	
History and future of law: transformation of ideas and images	97
The Constitution as a historical matrix and a political resource	
Akishin M. O.	
Constitutional ideas of the Enlightenment era and the legal doctrine of Catherine II	104
Yashchuk T. F.	
State territory issues in Soviet constitutions	111
Astafichev P. A.	
Historical truth as a category of modern constitutional law: on 2020 constitutional amendments	116
Chedzhemov S. R.	
Constitutional building in Russia: on protecting historical truth	122
Baburin S. N.	
Significance of value dynamics of the 20th-century Russian constitutionalism	130
Vyshkvartsev V. V.	
Authors' amendments to the Constitution of the Russian Federation: what the working group did not hear	137

Pragmatism of history: potentials and experience, new challenges

Skorobogatov A. V.

Legal consciousness as the basis
of legal research in the digitalization era 145

Miroshnik S. V.

Legal incentive as an element of legal culture 153

Serebrennikova A. V.

East — West: harmony and dichotomy 162

Safronova E. V., Albutif M. A.

History and future of the Islamic human rights system: steps forward 169

Ochered'ko V. P.

Development of judicial bodies
of integration associations in the post-Soviet space 179

Momotov V. V.

Artificial intelligence in litigation: state and prospects for use 188

The irrational in the rational: the path to the legal ideal

Korolev S. V.

T. Fiveg's topics and jurisprudence
in the context of Aristotle's teaching 192

Lukovskaya D. I., Malysheva N. I., Strogov N. D.

G. Kelsen on natural law and justice: an argument on the right to resist 198

Salomatin A. Y.

The importance of ethno-confessional
factors for the study of federalism 207

Bagdasaryan S. D.

The concept of "god" in legal anthropological analysis 213

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Brattseva E. A.

Self-government in pre-revolutionary Russia
(historical and legal aspects) 219

BOOKSHELF 225

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Kistyakovskiy B. A.

Law as a social phenomenon 227

POSTSCRIPT

Shpakovsky Y. G.

"Academic soldier" 239



Дорогие коллеги, партнеры, друзья!

От имени кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) представляем вашему вниманию выпуск журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Тема номера: «История права — открытая наука: междисциплинарные подходы».

История права — открытая наука, призывает к свободе и эвфонии голоса науки в современном мире и направлена на решение политико-правовых и социокультурных задач:

- на развитие и процветание гражданского общества и правового государства;
- содействие духовному росту личности;
- просвещение населения;
- пропаганду гуманизма и научного знания.



Президент России В. В. Путин видит наиболее приоритетными для страны именно междисциплинарные научные направления, фундамируемые изучением различных технологий. Закономерно, что 2021 год объявлен Годом науки и технологий. Постоянные изменения в мире в сфере политики, экономики, администрирования детерминируют трансформацию правовой науки: все отрасли юриспруденции преобразовываются, соотнося свое содержание с современными реалиями. Убеждены, инновации как научные изыскания теоретического и прикладного характера без границ, создающие юридические знания, методики, технологии, невозможны без обогащения гуманистического диалога междисциплинарными подходами на национальном и глобальном уровнях. Это есть новая «кровь».

В то же время сама историко-правовая наука приобретает в настоящий момент весомое политическое значение. В начале 2020 г. Президент России обратил внимание на эту мировую и национальную тенденцию, подчеркнув следующее: «Нельзя, чтобы у нас в общественном сознании, особенно у молодых людей, складывалось впечатление, что можно рассчитывать на хорошее будущее, не зная своего прошлого... Потому что, не зная этого, не понимаешь, куда идти, у людей пропадает самоидентификация, то, чем всегда славилась наша страна и чем всегда она была крепка изнутри». И сегодня, в 2021 г., В. В. Путин подтверждает свою позицию, говоря о том, что «наш народ... в высшей степени духовный народ, народ с очень глубокими историческими и культурными корнями».

Авторский коллектив номера был тщательно подобран и раскрывает перед читателями всю научную красоту и творческую силу истории права.

Историко-правовые исследования, отразившиеся в статьях настоящего номера, движимы гносеологическим прагматизмом и преследуют вполне конкретную цель — дать правовую оценку вызовам современного мира, всем событиям, которые происходят или могут произойти вокруг нас.

Авторы — постоянные участники международных междисциплинарных научно-практических проектов кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), о которых вы можете прочитать в рубрике «Проекты кафедры истории государства и права».

Выбор изданий для рубрики «Книжная полка» отражает научные изыскания в духе Года науки и технологий и продиктован популярностью темы цифровизации: «машина власти», виртуальное пространство государства, иерархии и сети власти и закона.

Превзойдя академический дискурс, история права служит людям, изучая саму жизнь. В дополнение к выпуску журнала работа блистательного русского юриста Б. А. Кистяковского «Право как социальное явление» — веский аргумент изучать право в жизни, «чтобы право не расходилось со справедливостью и чтобы само право было справедливым».

Все многообразие рубрик журнала демонстрирует: история права актуальна как никогда в качестве реального социополитического инструмента. Уникальность науки позволяет умело интегрировать фундаментальные и инновационные знания в юридической области. Каждый аспирант посвящает первую главу исследования истории предмета. Вместе с тем сегодня она становится наукой синтетической, пытающейся включить все новые мировые веяния и течения, что сказывается на междисциплинарной методологии. Подобное эклектическое включение различных элементов имеет свои риски, но в то же время необходимо максимально охватить и объективно отразить современную цивилизационную картину мира. Этот шаг, имеющий огромные последствия, положит начало объединенному открытому научному знанию на основе гуманизма.

Открытая наука истории права открыта для научного общения!

Ответственные редакторы выпуска:

И. А. Исеев,

заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В. Г. Румянцева,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

МГЮА на Петербургском международном юридическом форуме

Петербургский международный юридический форум — это дискуссионные и панельные площадки по актуальным правовым вопросам, на которых собираются признанные эксперты России и зарубежных стран.

21 мая 2021 г. в рамках Петербургского международного юридического форума состоялась дискуссионная сессия «Спортивное право в России и в мире: актуальные вопросы». Модератором мероприятия выступил ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей Виктор Блажеев.



Виктор Блажеев обратился к участникам мероприятия с приветственным словом и подчеркнул, что проблематика спортивного права всегда отличалась особенной актуальностью.

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

«Организация спортивных мероприятий имеет большое значение в современных условиях, когда роль и статус спортивных достижений вышли на мировой уровень», — отметил правовед.

Новые спортивные достижения способствуют не только повышению авторитета государства и нации, но и росту национального здоровья и самосознания, а также продуктивному становлению и полноценному гармоничному развитию личности, приобщенной к спорту и физической культуре:

«Вследствие этого правовое регулирование сферы физической культуры и спорта приобретает в настоящее время особую актуальность и нуждается в дальнейшем развитии в соответствии с современными реалиями российского общества».

Ключевой обсуждаемой проблемой в рамках сессии стала защита прав спортсменов.

«Международные органы несправедливо относятся к спортсменам, потому что они их рассматривают на контрактной основе. Если взять отдельного спортсмена в России или в ЮАР, то к вам будут относиться на тех условиях, на которых вас рассматривает спортивная федерация. Если спортивная федерация не пользуется уважением, то и вы не пользуетесь», — заметил директор Norton Rose Fullbright South Africa Inc Патрик Брэчер.

Председатель Наблюдательного совета Российского антидопингового агентства (РУСАДА) Тамара Шашихина поддержала точку зрения Патрика Брэчера и привела в пример несколько кейсов, которые демонстрируют сложность защиты прав спортсменов сегодня.

«Спортсмены фактически не имеют возможности выбора тех или иных способов защиты, поскольку, став спортсменами и войдя в систему, они автоматически должны присоединиться только лишь к рассмотрению своих дел в рамках Спортивного арбитражного суда в Лозанне», — объяснила Тамара Шашихина.

Заведующий кафедрой спортивного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель генерального секретаря Российского футбольного союза Денис Рогачев остановился на тенденциях развития спортивного законодательства, а также регламентного регулирования спорта как международными федерациями, так и российскими.

Арбитр Арбитражного центра при РСПП, генеральный секретарь Национального центра спортивного арбитража при Автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата» Марина Пак рассказала о роли национального арбитража в развитии спортивного права в России.

«С 2003 г. в России существует спортивный арбитражный суд при Спортивной арбитражной палате. Под руководством Олега Кутафина, а затем Виктора Блажеева суд рассмотрел более 200 дел за исключением антидопинговых споров», — рассказала она.

В настоящее время у российских спортсменов есть уникальная возможность защищать свои права в Национальном центре спортивного арбитража, который, хотя и не считается в прямом смысле юридическим правопреемником прежнего суда, но фактически таковым является.

«Законодатель пошел по пути компромисса, предоставляя возможность в арбитраже рассматривать трудовые споры, однако предоставил льготы для



работников, спортсменов и тренеров в виде освобождения от уплаты арбитражного сбора при подаче иска», — сообщила Марина Пак.

О том, как с этими и другими проблемами борется Министерство спорта РФ, рассказала статс-секретарь — заместитель министра спорта Российской Федерации Ксения Машкова. В частности, она сообщила о готовящемся законопроекте, который направлен на защиту спортсменов и целостность соревнований в традиционных для России видах спорта, например в хоккее.

«Министерство спорта активно занимается законодательной деятельностью. Так, например, принят закон о гармонизации законодательства в области спорта, во всем мире по-разному устроены системы отбора и подготовки спортсменов и спортивного резерва, но мы при формировании учитывали цели и задачи оздоровления нашего населения, от чего будет зависеть качество и количество спортсменов», — рассказала она.

Директор автономной некоммерческой организации «Центр спортивного права», преподаватель кафедры спортивного права МГЮА Александр Орлов выбрал темой выступления проблематику государственного суверенитета в свете антидопингового «Закона Родченкова», который устанавливает ответственность спортсменов за использование допинга в соревнованиях. Закон направлен на финансово-правовой контроль в сфере мирового спорта, на попытку подмены нормами уголовного законодательства США уже существующих норм уголовного права других государств и международных соглашений в сфере спорта.

Подводя итог дискуссионной сессии, Виктор Блажеев отметил, что проблематика, освещенная экспертами сегодня, вызывает озабоченность в нашей стране и в мире, поскольку создается наднациональное право усилиями одного государства, что является тревожной тенденцией.

В рамках мероприятия эксперты обсудили особенности антидопинговых исследований в системе общепризнанных методов доказывания и результаты глобального пересмотра международных документов, регулирующих сферу борьбы с допингом в спорте.

Традиционно МГЮА получало широкое представительство на мероприятиях форума — спикерами и модераторами дискуссий выступили наши эксперты:

- Наталья Соколова, заведующий кафедрой международного права — модератор мастер-класса Министерства юстиции России по вопросам применения законодательства об НКО;
- Алексей Гузнов, профессор кафедры финансового права, директор Юридического департамента — член Совета директоров Банка России — модератор дискуссионной сессии «Защита прав розничного инвестора: непростые решения»;
- Лана Арзуманова, профессор кафедры финансового права, медиатор — спикер дискуссионной сессии «Налоговая медиация: первый опыт и перспектива»;
- Константин Корсик, заведующий кафедрой нотариата, президент Федеральной нотариальной палаты РФ; Юрий Пилипенко, профессор кафедры адвокатуры, президент Федеральной палаты адвокатов РФ — спикеры дискуссионной площадки «Социальные обязательства в цифровую эпоху»;
- Александр Мохов, заведующий кафедрой медицинского права — спикер дискуссионной площадки «Умеют ли роботы хранить секреты? Врачебная тайна в эпоху глобальной цифровизации»;

- Юрий Воронин, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения, главный финансовый уполномоченный России — модератор дискуссионной сессии «Становление и развитие института финансового уполномоченного как эффективного средства правовой защиты граждан»;
- Сергей Пузыревский, заведующий кафедрой конкурентного права — модератор дискуссионной сессии «Антимонопольное регулирование в цифровой экономике»;
- Александр Орлов, преподаватель кафедры спортивного права — спикер дискуссионной сессии «Спортивное право в России и мире: актуальные вопросы»;
- Денис Рогачев, заведующий кафедрой спортивного права, заместитель генерального секретаря Российского футбольного союза — спикер дискуссионной площадки «Спортивное право в России и в мире: актуальные вопросы»;
- Константин Крылов, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, председатель Московского общества трудового права и права социального обеспечения — спикер дискуссионной сессии «Работник и работодатель: партнеры или попутчики?».

В МГЮА обсудили вопросы архитектуры современного научно-образовательного пространства

22 мая 2021 г. В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Педагогический дизайн — современное научно-образовательное пространство». Организатором мероприятия выступила кафедра предпринимательского и корпоративного права. Информационная поддержка была оказана Центром академического развития и образовательных инноваций в рамках деятельности созданного на базе МГЮА консорциума «Инновационная юриспруденция».

С приветственным словом к участникам конференции обратилась заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Инна Ершова. Она подчеркнула важность и актуальность обсуждаемой проблематики в контексте современных вызовов и угроз.



В МГЮА прошел семинар на тему «Наблюдение за ходом подготовки и проведения выборов»

В Доме науки Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) для уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, сотрудников их аппаратов и рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации





Федерации в гибридном формате состоялся семинар на тему «Наблюдение за ходом подготовки и проведения выборов».

Организатором обучающего мероприятия выступил Научно-образовательный центр по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

С приветственными словами к участникам семинара обратились руководитель Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Игорь Дудко и начальник Управления защиты экономических и политических прав рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Оксана Малащицкая.

В мероприятии приняли участие более 90 человек, среди которых видные политические деятели и светила юриспруденции. Открыл семинар Борис Эбзеев, член Центральной избирательной комиссии России, доктор юридических наук, профессор, который рассмотрел в своем выступлении вопросы осуществления государственного и общественного контроля за соблюдением избирательных прав. Докладчик обратил внимание слушателей на роль конституционных новелл 2020 г. в определении характера предстоящих выборов, а также на идею социальной солидарности и проблемы, которые могут возникнуть в ходе предстоящих выборов.



В МГЮА прошел студенческий форум по уголовному и экономическому уголовному праву



21 мая 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в онлайн-формате прошел I всероссийский студенческий научно-образовательный форум «Современное уголовное и экономическое уголовное право». Модератором мероприятия выступил Вячеслав Воронин, доцент кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С приветственным словом к участникам Форума обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков. Он отметил, что современный учебный процесс предполагает интеграцию науки и обучения, а современная квалификация требует развитых аналитических способностей. Профессор подчеркнул, что *«все право пришло в движение»*, и в последнее десятилетие все без исключения сферы права, правового регулирования,

способностей. Профессор подчеркнул, что *«все право пришло в движение»*, и в последнее десятилетие все без исключения сферы права, правового регулирования,

нормотворчества, правоприменения *«вынуждены пересматривать как свои базовые теории, так и частные подходы, точки зрения»*.

Также Владимир Синюков высказал мнение, что уголовное право — базовая отрасль правопорядка, от которой зависит очень многое, включая стабилизацию правоотношений. *«Без уголовно-правового запрета мы не можем обойтись»*, — добавил он, заметив, что и в этой сфере происходят интересные тектонические изменения.

«Уголовно-правовой запрет — это важный инструмент гармонизации публичных и частных интересов. Современное экономическое уголовное право выходит далеко за пределы классического уголовно-правового института», — сказал Владимир Синюков.

Также он добавил, что на сегодняшний день требуется *«не замыкаться в чисто публичной уголовно-правовой, штрафной отрасли, а видеть, что происходит рядом: как уголовное право влияет на предпринимательскую деятельность, на атмосферу экономического развития в государстве, как оно сопряжено с гражданским правом, с экономическим и предпринимательским, административно-гражданским регулированием»*, и акцентировал внимание на необходимости разработки современной доктрины уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений.

«Мы надеемся на вас! Надеемся, что талантливые, лучшие, самые продвинутые молодые люди с широким кругозором придут в нашу магистратуру и аспирантуру. И именно вы, безусловно, создадите новый интеллектуальный фундамент уголовно-правовой доктрины XXI века», — обратился в заключении к студентам Владимир Синюков, пожелав крепкого здоровья и творческих успехов.

В МГЮА состоялся круглый стол по народному представительству и парламентаризму

25 мая 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в смешанном формате состоялся круглый стол «Народное представительство и парламентаризм в системе единой публичной власти в России и за рубежом: история, современность, будущее».

Мероприятие было организовано кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Центром исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета. Модераторами круглого стола выступили заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГЮА, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ Валентина Комарова и директор Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления МГОУ Вадим Балытников.



В мероприятии приняли участие более 40 человек, среди которых преподаватели и студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), региональных филиалов МГЮА и других вузов. Специальными гостями стали: член Центральной избирательной комиссии России Константин Мазуревский, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова, глава муниципального округа Ивановское в городе Москве Иван Громов, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, доктор юридических наук Александр Савоськин, председатель Верховного Суда Республики Южная Осетия, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Олеся Кочиева.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО



МГЮА расширяет сотрудничество с Узбекистаном в научно-образовательной деятельности

18 мая 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась встреча с делегацией Республики Узбекистан.

С приветственным словом перед гостями выступила первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева. Она рассказала о новых направлениях и программах, реализуемых в Университете. Проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Мария Мажорина обратила внимание на возможные форматы взаимодействия с образовательными и научными организациями Узбекистана, а также осветила основные направления созданного на базе МГЮА консорциума «Инновационная юриспруденция».



Акмал Саидов, первый заместитель спикера Законодательной палаты парламента Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека отметил важность межгосударственного взаимодействия вузов и научных учреждений. Он обратил особое внимание на правовые проблемы, возникающие в связи с пандемией коронавируса и развитием технологий, на проблемы развития Евразийского региона в целом.

Также свою позицию высказала Феруза Эшматова, Уполномоченный парламента Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмен). Она сказала, что именно при взаимодействии с юридическими вузами и факультетами можно построить грамотные механизмы

защиты прав человека, и поделилась практикой преподавания прав человека в образовательных организациях Узбекистана.

В ходе дискуссии были обсуждены конкретные предложения по дальнейшей кооперации в сфере научно-образовательной и инновационной деятельности, в том числе по проведению совместных мероприятий и реализации программ. Была выдвинута идея создания центра исследований правовых проблем Центральной Азии и публикации совместного научного журнала.

Модератором встречи выступил директор Центра академического развития и образовательных инноваций Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Никишин.

В состав делегации Республики Узбекистан также вошли Шахруз Хакимов, ведущий консультант Совета Безопасности при Президенте Республики Узбекистан; Азам Эралиев, главный специалист Департамента кабинета министров Республики Узбекистан по вопросам защиты прав граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом, и международного экономического сотрудничества; Габит Айдаров, заведующий сектором секретариата Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) при парламенте Республики Узбекистан; Отабек Норбоев, начальник отдела Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, и Закир Заитов, советник Посольства Республики Узбекистан в Российской Федерации.

Во встрече также приняли участие руководитель Высшей школы права МГЮА Владислав Толстых, директор Центра стратегического развития МГЮА Егор Дорошенко и начальник Управления международного сотрудничества МГЮА Мария Егорова.



РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

Представители МГЮА приняли участие в Координационном совете уполномоченных по правам человека

20 мая 2021 г. в Красноярске прошел Координационный совет уполномоченных по правам человека на тему «Ресоциализация осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы».

В рамках заседания обсуждались основные вопросы ресоциализации осужденных и создание в России системы пробации.

В мероприятии приняли участие руководитель Научно-образовательного центра по правам человека



Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Игорь Дудко и профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Елена Антонян, которая представила доклад на тему «Роль института сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в предупреждении рецидивной преступности».

В работе Координационного совета приняли участие руководители федеральных органов исполнительной власти, а также известные эксперты: Татьяна Москалькова, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; Александр Калашников, Уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации, директор Федеральной службы исполнения наказаний России; Александр Усс, губернатор Красноярского края; Антон Костяков, министр труда и социальной защиты Российской Федерации, и др.

МГЮА и Леонский университет подписали соглашение о сотрудничестве



19 мая 2021 г. заключено соглашение о научном и культурном сотрудничестве между Леонским университетом (Испания) и Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Планируются совместная работа по развитию образовательных и исследовательских программ в области юриспруденции, установление взаимного сотрудничества между учреждениями для развития совместной научной, преподавательской и исследовательской деятельности, расширение культурного взаимодействия в областях, представляющих взаимный интерес.

Леонский университет — государственный университет с двумя кампусами в испанских городах Леон и Понферрада.

Леонский университет в последние годы активно развивает международное сотрудничество, заключив более 560 соглашений о сотрудничестве с образовательными и некоммерческими организациями из 46 стран (Великобритании, Германии, Франции, Австрии, Бельгии, Канады, Китая, Японии, Австралии, США и др.). Университет является членом восьми международных ассоциаций, в том числе Европейской ассоциации международного образования и Ассоциации европейских университетов.

МЕРОПРИЯТИЯ РЕКТОРАТА

В МГЮА состоялось заседание Ученого совета



31 мая в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Ученого совета, на котором обсудили стратегию международного и инновационного развития Университета и наградили победителей студенческих конкурсов.

Собрание традиционно началось с торжественной части. Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев поздравил доцента кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Николая Кувырченкова с юбилеем и вручил памятную награду «Ветеран МГЮА». Также Виктор Блажеев поздравил и других юбиляров МГЮА, пожелав всем крепкого здоровья, успехов и удачи: доцента кафедры экологического и природоресурсного права Наталию Ведышеву, профессора кафедры административного права и процесса Бориса Россинского, доцента кафедры английского языка Виталия Родионова, доцента кафедры медицинского права Алексея Пекшева, старшего преподавателя кафедры физического воспитания Михаила Пусевича и доцента кафедры уголовно-процессуального права Сергея Матвеева.

Проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина отметила, что сегодня на повестке дня много радостных событий. Первым из них стало награждение победителей конкурса «Модель международного уголовного суда», который прошел с 14 по 16 апреля.

«Это очень значимый в области международного права конкурс», — подчеркнула Мария Мажорина, добавив, что обычно финал проходит в Гааге, но в этом году в связи с пандемией состоялся в Москве на базе Высшей школы экономики. По итогам слушаний команда Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) заняла первое место.



Виктор Блажеев вручил победителям командный сертификат.

Еще один международный конкурс — 28-й ежегодный конкурс имени Виллема С. Виса по международному коммерческому арбитражу прошел с 26 марта по 1 апреля. Устные слушания состоялись онлайн на базе Венского Университета, и по их итогу команда МГЮА вошла в число 64 лучших команд из 500 принимавших участие, получив высокую оценку со стороны судей (honorable mention). Кроме того, один из участников команды — Александр Сопко попал в список лучших ораторов конкурса. Тренерами выступили Евгения Пузырева и Татьяна Чупахина. Команда подготовлена силами кафедры правового моделирования.

Другим не менее приятным событием стала подготовка Институтом судебных экспертиз фильма «Сергей Степанович Самищенко: судьба в папилярных узорах» в рамках VIII Международного кинофестиваля студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след» имени профессора В. К. Гавло. Организаторы и творческая группа этого проекта, а именно заведующий кафедрой судебных экспертиз МГЮА Елена Россинская, доцент кафедры судебных экспертиз МГЮА Елена Чубина, студенты Михаил Норок, Екатерина Большова и Екатерина Бросалина были награждены специальным дипломом кинофестиваля «За вклад в историю российской криминалистики».

Также были награждены победители Кутафинской олимпиады по юридическому английскому языку для студентов неязыковых вузов: студент ИНО имени Н. С. Киселевой МГЮА Дмитрий Рыжков, студентка МГУ имени М. В. Ломоносова София Корчуганова и Полина Чернявская, студентка МГЮА.

Победителем в номинации «Лучший интервьюер» стала Анна Ратникова, студентка 4-го курса Института частного права, а студентка 4-го курса Института частного права Дарья Жирнова была признана лучшим консультантом.

В завершение торжественной части Виктор Блажеев поздравил хоккейную команду МГЮА «Легион», которая стала серебряным призером дивизиона «Бакалавр» МСХЛ, в упорной борьбе уступив сборной МГУ.

Начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Егорова выступила с докладом, в котором представила стратегию международного и инновационного развития Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), рассчитанную до 2030 г.

Для достижения главной цели — интеграции в международное образовательное сообщество в качестве общепризнанного лидирующего в России и СНГ научно-образовательного центра в сфере юриспруденции спикер предложила сформировать блоки задач согласно временным этапам и ключевым направлениям, среди которых выделила увеличение количества иностранных обучающихся, повышение престижа Университета в международном образовательном пространстве, интернационализацию кадрового состава и инновационное развитие.

ПРОЕКТЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Международный междисциплинарный научно-практический проект «Мировые войны»



Высокопатриотическая направленность концепта обращена на государственно-правовое совершенствование Российской Федерации и процветание во всех сферах, содействие духовному развитию личности, просвещение населения, пропаганду гуманизма и научного знания, раскрывает потенциал истории в целом и истории государства и права. Так, две международные научно-практические конференции «Мировые войны: право и мобилизация» (4 июня 2021 г.) и «Мировые войны: политика и право войны» (2 июня 2021 г.) посвящены 80-й годовщине начала Великой Отечественной войны.

Проект «Мировые войны» реализуется под эгидой Российского исторического общества и фонда «История Отечества» совместно кафедрами истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Уральского государственного юридического университета и имеет широкий общественно-политический резонанс.

Основная проблематика проекта:

- Патриотическая миссия истории государства и права;
- Интерпретация исторического: реальность, иллюзия, фикция, симулякр;
- Исторические внешнеполитические вызовы и развитие Российского государства;
- Природа, истоки мировых войн: политика права и война политик;
- Право и общечеловеческие ценности: идеи и идеалы гуманизма и справедливости;



- Право войны как продолжение политики: онтология права войны и приоритеты справедливой войны;
- Советская государственность и правовая система в годы Великой Отечественной войны;
- Государства-лидеры и лидеры государств в борьбе за урегулирование вооруженных конфликтов и военно-политических кризисов;
- Преступления против мира и безопасности человечества: генезис и формы противодействия;
- Человеческий капитал, научный и технологический суверенитет государства — ключевые факторы национальной безопасности;
- Этико-правовая оценка НБИК-конвергенции в условиях гибридных угроз и войн;
- Глобализация и новый правопорядок: цивилизационные риски и воображаемое пространство будущего.

Актуальность и научно-практическое значение проекта «Мировые войны» носит вневременной характер. Как полагает автор проекта, заведующий кафедрой истории государства и права, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор И. А. Исаев, все мы каким-то образом имеем отношение к мировым войнам: «Отцы и деды, семьи, вся наша жизнь поломалась или строилась и вновь восстановилась после Великой Отечественной войны. Это нас всех объединяет». Ученый оценивает мировую войну как одновременно чудовищное и великое событие, глобально затрагивающее жизнь всех миров, всех государств и континентов. Миссия истории государства и права, как и в целом юриспруденции, состоит в защите общечеловеческих ценностей, распространении идей гуманизма и справедливости во всем мире.

Президент России В. В. Путин охарактеризовал победу в Великой Отечественной войне как определившую будущее планеты на десятилетия вперед, навсегда оставшуюся в истории Российского государства самой грандиозной по своему масштабу, значению и по духовной, нравственной высоте. Священная битва советского народа за свою свободу, независимость увенчалась знаменательной победой, имеющей огромное моральное и историческое значение по сей день.

Президент России в своем поздравлении 9 мая 2021 г. еще раз особо подчеркнул идеологическую, просветительскую роль истории, требующей «делать выводы и извлекать уроки». Тогда в Европе цинично звучали лозунги расового и национального превосходства, антисемитизма, русофобии, и это определило «сползание к мировой войне». И сегодня не прекращаются попытки переписать историю, оправдать предателей и преступников. Российская Федерация, отметил В. В. Путин, «последовательно отстаивает международное право», твердо защищая национальные интересы, обеспечивая безопасность народа.

В эти же дни Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш призвал все державы любой ценой избежать новой холодной войны. Государства должны помнить о международной солидарности. По словам Генерального секретаря ООН, победа над фашизмом и тиранией в мае 1945 г. есть «начало новой эры». Именно тогда пришло осознание особой важности фундаментальных ценностей, объединяющих все человечество и спасающих от бедствий войны.

Проект «Мировые войны» — популяризация истории и историко-правовых наук. Кафедра истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) всегда выстраивает работу и научное исследование таким образом, чтобы подойти к истокам любого процесса, в том числе мировых войн. Собственно, это и есть историко-правовой подход, историко-правовой метод.

Международный воркшоп «Проектная мастерская кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»



Миссия научно-образовательного и научно-просветительного воркшопа — разработка и защита научно-практических индивидуальных проектов по наиболее значимым вопросам в рамках историко-правового исследования. Проектная мастерская — это:

- креативность — вектор формирования креативного мышления будущего юриста — раскрытие своего творческого потенциала в контексте единства фундаментального и прикладного начал историко-правового исследования;
- интенсивность — динамичные и интерактивные мероприятия — многообразие форм и методов обучения, онлайн-коммуникация 24/7 на межрегиональном и международном уровнях для реализации своего эксклюзивного проекта;
- интегрированность — работа в команде единомышленников — активное взаимодействие между наставниками, экспертами и всеми участниками, коллективный поиск традиционных и инновационных решений проблем прошлого, настоящего, будущего государства и права;
- инновационность — точка личностного роста — качественный скачок и результативность своего образования, новый уровень знаний, умений, навыков, прорыв в мир идей.



Автор и научный руководитель проекта — заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор И. А. Исаев. Модератор — доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент В. Г. Румянцева.

Цифровой формат дает мобильное общение, когда участники проекта получают 24/7 практические рекомендации и ответы на интересующие вопросы, чтобы быть успешными при выступлении с презентацией в слайдах.

Главные образовательные темы воркшопа:

- Историко-правовое исследование: творческая сила и витализм юриспруденции;
- Новая цифровая реальность: что такое презентация, ее функциональность, результативность и эффективность в современной правовой деловой и научной культуре;
- История права — открытая наука: выбор направления Проектной мастерской;
- Креативность в деталях: как создать актуальный авторский контент для презентации по историко-правовому исследованию;
- Методики и технологии презентации: привлекательная сторона цифровизации;
- Сложности презентации: типичные ошибки и риски при выступлении;
- Советы начинающему спикеру: максимальная готовность к открытой дискуссии и поиск оригинальных идей и новых возможностей историко-правового исследования.

Интенсивное обучение воркшопа и дальнейшая экспертная оценка выступлений конкурсантов позволяют студентам, магистрантам, аспирантам сгенерировать уникальные историко-правовые исследования на основе фундаментальных знаний, умений, навыков и высокотехнологичного инструментария, представить все многообразие государственно-правовых моделей цивилизаций, сформировать правовые суждения и оценки вызовам и событиям современного мира, определить сценарии и прогнозы будущего развития государства и права.

Историко-правовые направления исследований студентов, магистрантов, аспирантов:

- Юристы и юриспруденция: прошлое, настоящее, будущее;
- Государство и право в эпоху трансформаций;
- Конституция: стабильность и совершенствование;
- Человек и его права в меняющемся мире;
- Восток — Запад: гармония и дихотомия государственно-правовых систем;
- Рынок, кризис и планирование: государственно-правовое регулирование;
- Государство и бизнес: баланс интересов;
- Биополитика в системе социогуманитарного развития;
- Информатизация, цифровизация, роботизация в историко-правовом дискурсе.

Слоган воркшопа — Break into Space! Проектная мастерская — не только оптимальная молодежная площадка для проведения историко-правового исследования, но и вектор формирования будущего юриста.

**Международный междисциплинарный
научно-практический проект «Право и хозяйство
в социальном и антропологическом измерении»**



Рассмотрение права и хозяйства сквозь призму истории придают концепту статус не только междисциплинарного, но и практического мероприятия. Экономика — это бьющееся сердце политики любого государства.

Планирование и рынок — рациональный и иррациональный экономические элементы — привлекательны для современного исследователя, в том числе с учетом исторической ретроспективы. Это доминанты деловой активности как частных лиц, так и крупных корпораций.

Основная проблематика проекта:

- Право и хозяйство в исторической ретроспективе;
- План и рынок: историко-правовые траектории проблемы;
- Общество и общность: правовые границы хозяйствования;
- Истоки и правовая природа обычаев делового оборота: антропологические детерминанты и полиюридические интерпретации;
- Динамика хозяйственных правоотношений: модель и реальное поведение сквозь призму гуманизма и справедливости;
- Защита экономических прав и свобод человека: правовой механизм и исторические этапы;
- Право и многоукладная экономика: новое и традиционное;
- Финансовый и экономический кризисы в историко-правовом контексте: умысел или закономерность;
- Становление конституционной экономики и международного экономического права: кооперация права и хозяйства в грядущем;
- Правовое государство и цифровая экономика: между инновациями и архаикой.



Расширение правовой картины путем включения экономических, социальных процессов сегодня особо актуально. На фоне COVID-19 усугубилось неравенство в отношениях между государствами и обществами.

Поощрение предпринимательской инициативы, создание новых рабочих мест, стимулирование инвестиций и в целом поддержка малого и среднего бизнеса — концепты экономического блока Послания Президента России Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г.: «Все ключевые решения в сфере экономики мы принимаем в диалоге с деловым сообществом. Такая практика сложилась на протяжении многих предыдущих лет».

Экономика — ключевой базис стратегического развития России сегодня, и озвученные конкретные меры по ее укреплению во время пандемии лишней раз это подчеркивают. В связи с этим интерес к экономической политике в юридической плоскости очевиден.

В этом году отмечается 100-летие новой экономической политики, альтернативного вектора советского общества (Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»). Кафедра истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках VIII Московского юридического форума провела международный научно-практический круглый стол «Право и хозяйство в социальном и антропологическом измерении», посвященный данному событию.

Интерактивная видеоконференция на платформе Zoom объединила более 110 участников разных специальностей (юристов, экономистов, философов, историков, политологов, социологов, филологов и др.) из семи стран: Австрии, Азербайджана, Казахстана, Канады, России, Словакии, Украины. Это уже второе научно-практическое мероприятие кафедры, когда энергии юриспруденции и экономики в своем симбиозе порождают синергию творческой силы ученых, политиков, бизнесменов (год назад в рамках VII Московского юридического форума проходила научно-практическая конференция «Право и хозяйство в исторической ретроспективе: рациональные и иррациональные начала взаимодействия»).

Автор и научный руководитель проекта — заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор И. А. Исаев. Модератор — доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент В. Г. Румянцева.

История государства и права покажет, способны ли современные государства к созидательной работе, сотрудничеству в поиске выхода из экономического и социального кризисов, налаживанию крепких институтов глобального управления.

Международный междисциплинарный научно-практический проект «История юридической науки: трансформация идей и образов»

С 2020 г. в мире смешались политика и болезнь. Все сферы человеческой жизнедеятельности оказались под прицелом непреклонных всадников Апокалипсиса. COVID-19 в одно мгновение изменил траекторию науки.

Впрочем, еще Н. Макиавелли сказал: «Всякая перемена прокладывает путь другим переменам». Жизнь продолжается, и через боль, угрозы, разочарования мы идем вперед — к новой эпохе гуманизма, творчества, талантов, технологий, инноваций.

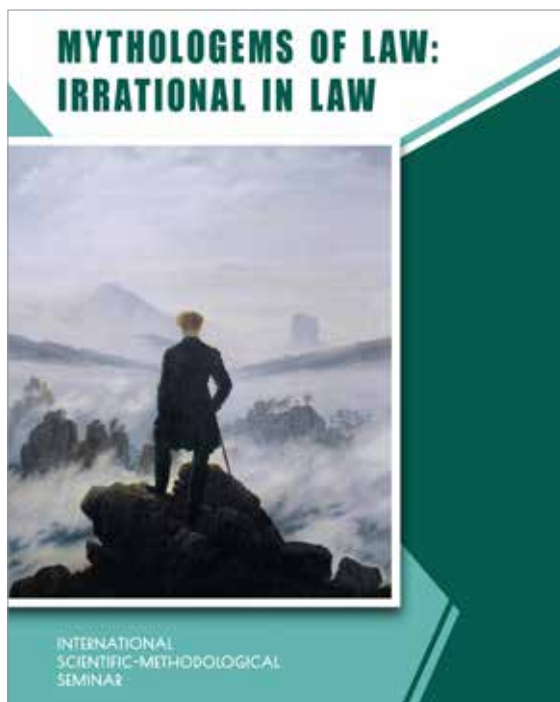
Очевидно, в условиях колебания пандемических волн вопрос перспектив человечества актуализировал рождение проектов, направленных на форсайт, выработку дорожных карт, в том числе и на основе конструирования истории и будущего государства и права. Таким проектом является «История юридической науки: трансформация идей и образов», миссия которого — представить правовую реальность как пространственно-временной континуум, в который мы погружены, «взломать» догматические границы и на широком историческом материале показать всю неоднозначность, заключающуюся в существе закона на разных этапах его формирования, где ушедшее непостижимым образом соседствует с грядущим, будущим государства и права.

Новый формат научного мероприятия на основе английского языка или билингвизма (русского и английского языков) успешно апробирован кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках проекта «История юридической науки: трансформация идей и образов». Это международный научно-методологический семинар «Мифологемы закона: иррациональное в праве», который теперь стал интернациональной площадкой как для юристов, так и для философов, культурологов, политологов, социологов, историков, экономистов — представителей 15 стран: Австрии, Азербайджана, Белоруссии, Индии, Казахстана, Канады, Малайзии, Палестины, России, Словакии, Таджикистана, Украины, Франции, Эстонии, ЮАР.

В период пандемии глобальная коммуникация без границ, стирающая языковые барьеры по столь актуальной тематике иррационального в праве, стала горячо востребована и любима научным сообществом. По словам автора и научного руководителя проекта, заведующего кафедрой истории государства и права, заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора И. А. Исаева, «каждая историческая эпоха порождает собственное иррациональное (как и собственное бессознательное). Оно становится противовесом логике и аналитике. Органические качества, “естественность” ближе иррациональному, чем рационализму. Правовая реальность глубже и многообразнее, чем набор кодифицированных норм. Часто архаика оказывается более современной, чем недавнее вчерашнее, и обращение к традициям дает значительно больше, чем все отрицающий модернизм».

Модераторами международного научно-методологического семинара «Мифологемы закона: иррациональное в праве» традиционно выступают:

— В. Г. Румянцева — доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент (Россия);



- Дж. Сегалерба — эксперт-аналитик итальянской прессы, пресс-секретарь Международного консультативного совета по альтернативным перспективам и глобальным проблемам, член рабочей группы по культурному анализу Венского университета, PhD (Австрия).
Основная проблематика семинара:
- Иррациональное в рациональном: путь к правовому идеалу;
- Право сквозь призму мифа, мистики, магии;
- Мифологемы закона и правовые цивилизации;
- Конфликт сакрального и титанического в праве и государстве в историческом фокусе;
- Дух права и дух закона: историко-правовые традиции, игра «правовой математики»;
- Закон как метоним справедливости: феномен справедливого мира;
- Истоки и источники интернационализации права: иррациональные начала;
- Социогуманитарное развитие: правовые символы и витальные ценности;
- Правовая кибернетика, энтропия, anomia: от механического рационализма к бунту правового инстинкта;
- Будущее права: изменение облика социального регулирования, новый правовой порядок.

Междисциплинарность научно-методологического семинара дает профессионалам возможность объединить свои усилия для получения многомерного, объективного, единого научного знания, представления правовой реальности как пространственно-временного континуума, в который погружено человечество.

Международный междисциплинарный научно-практический проект «Эра человека и “машины”»

Машинизация, цифровизация, роботизация как междисциплинарные проблемы — научный тренд и социально-политический заказ XXI в. Не случайно 2021 год в Российской Федерации провозглашен Годом науки и технологий (Указ Президента РФ от 25 декабря 2020 г. № 812 «О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий»).

Актуальность и приоритетность научного знания нашего государства выражается, по словам Президента России В. В. Путина, именно в междисциплинарных научных направлениях. Это нашло, в свою очередь, отражение в проекте «Эра человека и “машины”».

Техника — это всегда управление, управление чем-то и кем-то, и она требует порядка. Понятие техники обозначает одновременно и машину, и процесс ее функционирования. Машина власти лишена сантиментов, ценностные оценки здесь касаются исключительно предсказаний эффективности и количества.

Автор проекта, заведующий кафедрой истории государства и права, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор И. А. Исаев, раскрывая взаимоотношения человека и «машины», обозначает тенденции постепенного превращения общественной машины в совокупность технических машин: «Жители Месопотамии уподобляли власть силе, внутренне присущей приказу.

Первая великая победа богов над силами хаоса, победа сил активности одержана с помощью не физической силы, а именно власти (власти приказа, магии заклинания). Все последующие технические революции скрытно или явно использовали этот метод воздействия, несмотря на изменения форм и условий, сопутствующих и определяющих эволюцию самой мегамшины, и амбициозные претензии научно-технического новояза».

Основная проблематика проекта:

- Технологии власти и власть технологий: генезис и тенденции будущего;
- От суверенной власти к суверенизации государства и до научного и технологического суверенитета государства;
- Образ государства-машины: смена парадигм;
- «Господство — подчинение» как импульс рождения государства и права;
- Левиафан и номос в истории цивилизаций;
- Конфликты механизмов правового регулирования в глобальном мире: конституционная идентичность в контексте столкновений наднационального с национальным;
- Юридическая техника сквозь призму прогресса юриспруденции;
- Истоки и источники бюрократизации права;
- Историко-культурные начала унификации, автоматизации, абсолютизации прав и свобод человека;
- Метафизика и диалектика глобальной механизации и цифровизации в историко-правовом дискурсе;
- Переформатирование мировой демократии: человек в контролируемом киберпространстве;
- Человек vs искусственный интеллект: историко-правовое сопровождение спора;
- Социальные инженеры и технократы в институциональном построении мира: примирение и равновесие био-, социо-, техносфер и др.

История права как открытая наука позволяет объединить уникальных специалистов, гармонизируя их знания и опыт. На сегодняшний день участники проекта — более 120 профессионалов из семи стран (Австрии, Азербайджана, Казахстана, Канады, России, Словакии, Украины). В таком креативном формате проект «Эра человека и «машины»» способствует расширению продуктивного обмена мнениями между учеными, политиками и практиками, что благотворно влияет на дальнейшее развитие человеческой цивилизации в духе гуманизма.





**Игорь Андреевич
ИСАЕВ,**
заведующий кафедрой
истории государства
и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
kafedra-igp@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

СИМУЛЯКРЫ: ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЗАКОНА¹

Аннотация. Автор раскрывает проблему симулякров в законодательном пространстве. Симулякры выступают как умозрительные конструкции власти в политике права, как одна из удачных манипуляций народными массами. Симулякр обладает трансцендирующим характером (у наблюдающего его возникает полное впечатление, что он есть часть симулякра) и технически работает таким образом, что иллюзия всегда воспроизводится. При этом сам человек не может лицезреть и осознавать все масштабы и глубины манящего симулякра, с помощью которого реализуется властная манипуляция. После технических революций симулякры по-настоящему берут верх над самой историей. Автоматизация и роботизация способствуют данному. Автомат и робот есть два симулякра человека, ускоряющие политико-правовую мутацию самого человека в машину, когда он получает «статус машины». С этого момента власть, хотя и властвует, но превращается в конечном итоге в симуляцию власти. **Ключевые слова:** политика, закон, симулякр, симуляция, политико-правовое пространство, политико-правовая реальность, общество, массы, власть, управление, монополия, господство, правовой порядок.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.030-040

IGOR A. ISAEV,
Head, Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Distinguished Lawyer of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Professor
kafedra-igp@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

SIMULACRA: THE VIRTUAL REALITY OF LAW

Abstract. The author examines the problem of simulacra in the legislative space. Simulacra appear as speculative constructs of power in the politics of law, as one of the successful manipulations of the masses. Simulacra have a transcendental nature (the observer has the full impression that he is a part of it), and technically function in a way that always reproduces the illusion. At the same time, the person himself cannot contemplate and comprehend the entire scale and depths of the alluring simulacrum, which is used as part of the power manipulation. After technological revolutions, simulacra really

take over history itself. Automation and robotization contribute to this process. The automaton and the robot are two simulacra of a person that accelerate the political and legal mutation of a human being into a machine, when he receives the "status of a machine." From that moment on, power continues to reign, although it ultimately transforms into simulation of power.

Keywords: *politics, law, simulacrum, simulation, political and legal space, political and legal reality, society, masses, power, management, monopoly, domination, legal order.*

У Х. Л. Борхеса, этого поэта воображаемого, различаются два вида фантастических причинно-следственных связей, существующих в области социального:

- первый — естественный, результат бесконечного множества случайностей;
- второй — логический, ограниченный и прозрачный, где каждая деталь — предзнаменование.

Миром этим управляют чудо плюс воображение. Дедуктивной формой политической науки все же еще отображаются существующие в социальных структурах иерархия и принуждение, даже случай здесь — планируемый и включенный в систему.

Постепенно в рационализированном мире укреплялся монистический и провиденциальный концепт государства — всемогущего центра, организатора, распорядителя, охранителя порядка:

- промежуточные звенья, когда-то соединяющие государство с индивидом, постепенно исчезали;
- интерпретация истории стала представляться исключительно политической историей;
- общество теряло свою реальность вне политических институтов.

Государство обладает только властью, признаваемой его субъектами. Политика поэтому дает символы и невидимые выражения общности для того, чтобы внятно объяснить окружающий мир. Необходимость же в лице социального осуществляет мощное давление на все политические элементы и институции: насильственное принуждение пропитывает весь мир политического, прежде идеалистически ассоциированного с публичностью и свободой.

Политические расслоения и разделения превращают конфликты в неотъемлемый аспект политической жизни, во вполне нормальное явление. Расширяющееся же политическое пространство оказывается способным частично и на время приостановить действие конфликта. На этом фоне активизируется деятельность стабилизирующих идеологий, а идея-правительница возвращает себе доминирующее положение.

Конфликт становится эффективным орудием управления и конкуренции. В сетевом или многополярном мире происходящие события могут быть рассмотрены в самых разных перспективах, для чего создаются разнообразные конструкты этих событий, между которыми разворачивается «идейная» борьба. Крайним случаем и итогом становится чрезвычайное положение или его более масштабный социально-политический аналог — война.



Утопическому сознанию всегда были свойственны довольно наивная мечта об «одомашнивании» техники и промышленности, попытка вписать хозяйство в структуру органического государства или «общности» (так думал Ф. Тённис), стремление сделать технику «конкретной», связанной с «органикой народа», а не с массовой мобилизацией или либеральным индивидуализмом.

В жизни нет четких границ между рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность. М. Вебер утверждал, что между юридической нормативной значимостью системы и ее эмпирическим явлением вообще нет каузального отношения². Устанавливаемый институтами порядок, силой вводимый властью, связывается затем с одобрением большинства, чем и обеспечивается его легитимность: консенсус здесь имеет довольно размытую форму, где согласие и насилие уже не имеют четких границ. «В эпоху же абсолютного машинного хозяйства для обладания им должна быть осуществлена и столь же абсолютная принадлежность к власти, и к ее сущности»³. «Внутреннее», индивидуально душевное, столь же безразлично, как и «внешнее»: оба организуются для более четкой работы новых механических приемов.

И тогда на политическую арену выходит «Специалист», полностью подчиненный власти, чуждый всякого сомнения. «Безусловному обслуживанию гигантской машины власти непременно предшествует полное запустение всего, что еще могло бы претендовать на ту или иную истину»⁴. Можно говорить, что «культура», «дух», «нравственность» превращаются лишь в экономические средства для реализации абсолютности власти. Спектакль становится представлением одного актера.

В квазिवозвышенном и драматическом стиле конституций XVIII—XIX вв. все еще сохранялись некоторые нуминозные основания права — «мистические самовозвышения имперских администраций прошлого». Источником политически возвышенного являлась правовая система, разворачивающаяся в особого типа театральность.

Еще в XVII в. европейская законодательная и законоцентрирующая власть выставляет напоказ свой догматический потенциал, говоря о праве в качестве некоего «театра истины и справедливости»: «Конституции... стали представлять собой изображения и сочинения по определенному поводу»⁵. Театральная машинерия эпохи барокко предлагала свои сценические приемы той игровой политике, внутри которой уже оформлялись некие новые силы.

Хорошо известно, что, если силы принуждения в какой-то момент концентрируются, институты, предназначенные обеспечить порядок, отделяются от социального целого: «Физически же власть существует как бы для того, чтобы скрыть, что ее нет»⁶. Подобная симуляция нескончаема. Остается фикция политического

² Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 632.

³ См.: Хайдеггер М. Размышления XII—XV (Черные тетради 1939—1941). М. : Издательство Института Гайдара, 2019. С. 218—219.

⁴ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М. : Европа, 2008. С. 384.

⁵ Слотердаjk П. Сферы : в 3 т. СПб. : Наука, 2010. Т. 3 : Плюральная сферология. Пена. С. 491—492.

⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2015. 240 с.

универсума, его дублирование знаками⁷: информация как товар оказывается более ценной, чем любая другая вещь. Изображая реальность, фикция приобретает реальную власть — знание о предмете оказывается более ценным, чем сам предмет.

Юридическая фикция одной только силой закона тогда превращается в действующую норму. Тем самым «голый технический прием» порождает вполне ощутимые субстанциональные образования — в этом и есть важное свойство симуляции в виде технологической процедуры, конструирующей новую реальность: чтобы придать силу закону, мы обращаемся к суверенитету власти, а уже затем — к закону, чтобы установить самого суверена.

Аргументация, питающая веру в легитимность власти, основанной на праве, всегда исходила из утверждения о легитимности законов, но лишь с момента их вступления в силу. Вступление закона в силу легитимно, если это соответствует предписанной процедуре. Такой круг легитимации обусловлен тем, что источник власти и в широком, и в юридическом контексте — убеждение в ее легитимности⁸. «Фактическое доказывает свою правоту, мысль превращается в тавтологию: чем больше подчиняет себе машинерия мышления сущее, тем большей становятся ее слепота при его воспроизведении»⁹.

Модерн возвратил общество на стадию непосредственного господства. В недрах науки исчезали институты традиционного духовного посредничества, в том числе и право. Наказание и преступление «ликвидируются» методологией как суеверные пережитки, а неприкрытое искоренение противящихся режиму элементов только усиливается: Просвещение как бы отбрасывается вспять, в свою же собственную мифологию.

Машина обретает свою самостоятельность (вполне объективную, но за ней стоит фантом непознанной фигуры нового субъекта).

Воображаемые социальные значения действуют уже не в форме представлений. Это есть промежуток между двумя границами: эффективной и живой организацией жизни и организацией, осмысленной функционально-рациональным образом, — некий «невидимый цемент, удерживающий вместе бесконечный набор рациональных, реальных и символических разрозненных кусочков, из которых состоит всякое общество»¹⁰. *Ratio* не терпит конкуренции, господство разума с самого начала было призвано устранить разного рода аффекты и страсти, это был удар по воображаемому. Однако вместо прежней трансцендентности абсолютов рождалась только новая потусторонность. Парадоксальным образом и в целях своего сохранения воображаемое здесь связывалось с планированием: — идея — сила, только когда начинает действовать; — планы — предписания или инструкции для действия (конкретные решения поставленной задачи).

⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 53.

⁸ Ллойд Д. Идея права. М. : Югона, 2002. С. 35.

⁹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. С. 43.

¹⁰ Касториадис К. Воображаемое установление общества в современном мире. М. : Гнозис ; Логос, 2003. С. 161.



Такая планоцентрическая точка зрения определяла план императивом для действия на любом уровне, а воображаемое, со своей стороны, подготавливало посредством планирования почву для своей реализации: почти во всех утопических моделях и системах были представлены специальные органы планирования и регулирования. И это понятно: рационализация почти отождествляется с планированием.

Случай становится планируемым. Люди верят в его безраздельную власть. Само существование — суррогат «смысла и права»¹¹. Описывая подобную ситуацию, М. Хайдеггер использует понятие «махинация» для обозначения бессмысленной рационализации, заменяющей расчет только видимостью расчета. Где бессмысленность приходит к власти благодаря «Вычислителю», жаждущему исчислимости всех вещей, там устранение всех «смыслов необходимо заменить расчетом»¹².

Власть «махинации» — это и есть такой ошибочный расчет, властные сферы «махинации» препятствуют любой ответственности, но назойливо подготавливают видимость ее в формах массового распределения, что в конечном счете подрывает способность принимать конкретные решения. Остается лишь один «шум» — форма самосознания «махинации». Шум есть машина (даже если она и сделана бесшумной)¹³.

Кажется, планируемость и планомерность предельных расчетов и организации исключала случайность и неожиданность. Но такая власть абсолютной организации, основанной на расчете, как раз и «вносит в сущее высвобожденную махинацию и тем самым нарушение в целом, что становится более серьезной причиной возникновения непредвиденного»: опасность случайного кроется в абсолютной власти «махинации»¹⁴. «Псевдорациональность современного мира — только одна из исторических форм воображаемого»¹⁵, и произвольность ее конечных целей очевидна, когда она саму себя полагает в качестве цели, тем самым стремясь к пустой рационализации.

Мир бюрократии автономизирует рациональность, живя в универсуме символов, заимствуя свою субстанцию у рационального или же превращенного в псевдорациональное. Учтем, что всякая форма стабилизации сама по себе уже содержит элементы нестабильности, которые одновременно как способствуют эффективности процесса, так и угрожают самому ходу стабилизации.

Настойчивость в конструировании стабильных и неизменных структур «на века» без учета непредвиденных последствий развития системы не дает надежных гарантий устойчивости при формально-юридическом подходе к проблеме. Право и политика переплетаются здесь во взаимной борьбе и поддержке друг друга. Смещение сфер (или «полей») проявляется в двух видах активности: ситуативной импровизации *ad hoc* и в форме планов на будущее или ретроспективных объяснений.

¹¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Указ. соч. С. 185.

¹² Хайдеггер М. Указ. соч. С. 72—73.

¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 112.

¹⁴ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 43.

¹⁵ Касториадис К. Указ. соч. С. 52.

На закате эпохи модерна исчезновение дистанции между реальным и воображаемым происходит достаточно быстро. Будучи максимальной в утопии, отражавшей сферу трансцендентного и противопоставлявшей ограниченному доиндустриальному миру идеальный альтернативный мир, дистанция перерождается в модель. Модель — не утопия или трансцендентность, не воображаемое относительно реального, а антиутопизация реальности¹⁶. Ж. Бодрийяр настаивает также и на корректировке понятия «утопия». Симуляция действительно исходит из утопичности принципа эквивалентности и устранения принципа референтности¹⁷. Даже абсолютный беспорядок уже нельзя представить без создания некоей модели, подчиняющейся точным правилам. Поэтому «идея-правительница» уже не столько мимикрирует (иначе — риск утраты первоначальной цели), сколько маскируется. Вспомним оруэлловские симулякры «министерства мира», «министерства правды» и т. д., обозначающие полное отсутствие и мира, и правды.

Нормы права и другие предписания закрепляют созданную воображением конструкцию, императивно провозглашают ее реальность и очерчивают границы возможной интерпретации. Все метафизируется в противоположное, и невозможно отыскать абсолютный уровень реального. Реальность тогда доказывается через воображаемое, «истина через скандал, закон через нарушения, существование работы через забастовку, существование системы через кризис, а капитала — через революцию»¹⁸. Всякое отклонение является легальным основанием для возбуждения негативной реакции системы. В «Процессе» Ф. Кафки один из участников процесса говорит о циркулировании виновности подсудимого в бесконечном повторении циклов и называет это мягким, или условным, вменением.

Для власти даже преступление и насилие — менее серьезные отступления от порядка в силу того, что они не колеблют «действительного распределения реального». Симуляция опасна, так как независимо от своей цели провоцирует сомнения, что «порядок и закон сами могут быть всего-навсего только симуляцией»¹⁹.

Детерминированная власть, действующая в реальном, рациональном, причинно-следственном мире, бессильна перед симуляцией, с ее туманностью, повторяемостью и пустотой. Ж. Бодрийяр пишет: «Право неизбежно приобретает пагубную кривизну»²⁰.

Когда объект требует установления над ним права, с самим объектом что-то не в порядке. Возникновение права на воду, воздух, пространство и пр. — свидетельство о грозящем исчезновении самих этих объектов подобно праву на ответ при отсутствии диалога²¹.

Сама юридическая конструкция жизненных обстоятельств при помощи абстрактных правовых положений не в состоянии адекватно раскрыть практический смысл конкретного правового положения, который с точки зрения правовой логики остается иррациональным. Так считает М. Вебер. То, что в каждом законе

¹⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 216—221.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 15.

¹⁸ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 39.

²⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. С. 131.

²¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. С. 599.



«остаётся по-настоящему скрытым и невидимым, это и есть сам закон, или — то, что делает эти законы законами, бытие закона в этих законах»²².

Симуляция — это не просто иллюзия. «Симуляция — это фантазм как таковой, это эффект функционирования машинерии симулякра — дионисийской машины. Имеется в виду ложь как власть, Псевдос — в том смысле, в каком Ницше говорит о высшей власти лжи. Вырвавшись на поверхность, симулякр повергает То же Самое и Подобное, модель и копию ниц перед властью лжи (фантазма). Симулякр делает невозможной никакую упорядоченную сопричастность, никакое четкое распределение, никакую устойчивую иерархию. Симулякр основывает мир кочующих (номадических) распределений и торжествующей анархии»²³.

Искусственное и симулякр антагонистичны. И это похоже на то самое классическое различие (подмеченное К. Мангеймом) между идеологией и утопией: — фантастическое оказывается где-то в промежутке между формальной символической структурой и реальностью; — воображаемое, которое питает политическую идею, всегда базируется на реальном.

Инфернальность симулякра создает эффект целого. То, на что он претендует (объект, качество), добивается хитростью, агрессией, ниспровержениями. Сам симулякр строится на несоответствии и на различии, он уже несет врожденное несходство внутри себя: это — образ, лишенный сходства. Ж. Делёз приводит теологический аналог: Бог создал человека по своему подобию; согрешив, «человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр, отрекшись от нравственного существования в пользу существования эстетического»²⁴. Технологии (образцы передового мышления и технической практики) материализуют в себе культурное воображаемое и эстетизированную фигурацию.

Проблема заключается не в том, чтобы в условиях виртуальности различать сущность и явление. Когда обнаруживается, что «король-то голый», король исчезает вовсе: власть всегда должна обладать убедительной видимостью, для того чтобы совсем не исчезнуть.

То, что по-настоящему противостоит симуляции, — вовсе не реальное, которое является только ее частным случаем, это — иллюзия. Реального в мире все больше и больше, оно производится с помощью симуляции: здесь умерщвление иллюзии мира осуществляется ради абсолютной реальности мира. Иллюзия же мира — только способ, которым вещи «выдают себя за то, что они есть, тогда как их на самом деле вообще нет: но в этой кажимости вещи и являются тем, за что они себя выдают»²⁵.

В симуляции, в системе смысла, расчета и эффективности, включающей «все наши технологические ухищрения вплоть до нынешней виртуальной реальности», иллюзия знака замещается его операциональностью. «Счастливая неразличимость истинного и ложного, реального и нереального уступают место симулякру,

²² Арендт Х. Указ. соч. С. 600.

²³ Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. С. 341.

²⁴ Делёз Ж. Указ. соч. С. 334.

²⁵ См.: Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М. : Рипол-Классик, 2019. 349 с.

который освещает злосчастную неразличимость истинного и ложного, реального и его знаков»²⁶: фантастическое только «смягчает» жесткость реального, формируя представление о едином целом, солидарности и взаимодействии.

В утопии призыв возвращения к золотому веку парадоксально близок стремлению к новизне и разрыву с прошлым. Воображаемое начинает воображать себя реальностью вполне серьезно. Иронический аспект утопического улетучивается.

Культура, которая прежде была настоящим механизмом «распределения симулякров», уступает место принудительному разделению реальности и смысла:

- единственная суверенность заключена в господстве кажимостей;
- единственное согласие — в коллективном распределении иллюзии и тайны.

Способ проявления иллюзии есть сцена, способ проявления реального — обшценность. Явление и процесс обладают феноменом фасцинации и таким образом бесконечно порождают себя. Причина тому в их натуральности: «Только искусственное может устранить эту недифференцированность... Нет ничего хуже более подлинного, чем подлинное»²⁷.

По Ж. Бодрийяру, подобная интерпретация подводит нас к следующему:

- «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину — это сама истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр — это действительность»;
- «Симулякр — “копия”, не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности»²⁸.

Симуляция — порождение моделей реального. Симулякры совмещают реальное со своими собственными моделями симуляции: различие между реальностью и моделью исчезает, и операциональная копия заменяет собой реальность, убивая ее смысл, шарм, глубину, энергию.

Наступает эпоха гиперреальности. «Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное гиперпространство»²⁹.

Вместе с виртуальной реальностью и всеми ее последствиями человек подходит к крайности техники и технологии как экстремальному явлению. Все манипуляции виртуальности с миром — самая настоящая парадоксальная фантазмагория: «Мы живем в мире симуляции, в мире, где наивысшая функция знака заключается в том, чтобы заставить реальность исчезнуть и одновременно скрыть это»³⁰. Власть, воображающая собственные пределы или беспредельность, в качестве означающего в этой ситуации всегда рискует полностью потерять реальные представления о действительном и погрузится в мир знаков и условностей.

«Идея-правительница» имеет надежного носителя. «Персонализация — вот ключевой предмет забот при разработке умных устройств, не в смысле приспособления технологий пользователями к своим практикам, а в смысле распознавания

²⁶ См.: Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства.

²⁷ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : Рипол-Классик, 2017. С. 69.

²⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 5 ; Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 113.

²⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 7.

³⁰ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. С. 18.



самими технологиями своих пользователей и соответствующего приспособления к ним»³¹. Симбиоз возможен по линии «машина — человек» и по инициативе машины, вторгающейся в гуманитарное пространство.

Телесный чувственный контакт и магическая действенность оказываются неразрывно переплетены, телесная чувственность и жизненность, скрытая в вещах, становятся весьма важными в случае проектирования человекоподобных машин: воплощенность, эмоция и общение считаются обязательными для придания человечности машинам и роботам.

Начиная с XVIII в. делались неоднократные попытки синтеза искусственных форм жизни, подобных человеческой. Эти современные симулякры позволяли человеку и машине быть взаимными образцами друг для друга. В форме механистической физиологии функционирования человеческого тела шло также развитие аппаратов и технических средств и, что еще важнее, автоматического принципа в области технологий:

- человекоподобные машины превращались в техническую фигуративность самого человека и его антропоморфной сферы общения;
- неважно, что есть сам по себе человек или вещь, главное — этот субъект оказывается в сети социальных отношений.

Мы вступаем в совершенно новый виртуальный мир. Тот же Ж. Бодрийяр смотрел на это с пессимизмом: «Кибернетический контроль, порождающие модели, модуляция отличий, обратная связь, запрос/ответ и т. д. — такова новейшая операциональная конфигурация (промышленные симулякры были всего лишь операторными). Ее метафизический принцип (бог Лейбница) — бинарность, а пророк ее — ДНК»³².

Социальный контроль, осуществляемый через цель (т. е. диалектическое предвидение, которое и заботится о достижении этой цели), заменялся социальным контролем через предвидения, симуляцию, опережающее программирование и регулируемое кодом мутацию: вместо пророчеств — зафиксированная программа. В области искусственного интеллекта организация и значение человеческого действия определяются стоящими за ними планами³³, а рационализация мышления и целеполагания способствовали распространению технических методов на всю сферу социального и политического.

Социальное и политическое соединяются в процессе оформления юридического: социальные требования и политические возможности, для того чтобы реализоваться, вынуждены прибегать к созданию искусственной формы в виде законов и предписаний — вторичной (символической) реальности. «Сетевое общество, будучи гетерархически ориентированным, фактически порождает новую правовую таксономию»³⁴.

³¹ Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек — машина: планы и ситуативные действия. М. : Элементарные формы, 2019. С. 323.

³² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 126.

³³ Сачмен Л. Указ. соч. С. 93.

³⁴ Мажорина М. В. Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 46.

Дискурс манипулирования возникает на фоне рождения новой тайны власти, скрытой в уничтожении самой сцены власти, в монополизации речи (появление «молчаливого большинства»). Симулякр демократии у Ж. Бодрийяра — субституция божественной инстанции инстанцией народа как источника власти и власти как эманации властью, как репрезентаций. Приходит время «антикоперниковской революции»:

- больше нет трансцендентальной инстанции, ни солнца, ни источника света, власти и знания;
- все исходит от народа и возвращается к нему³⁵.

Впредь универсальный симулякр манипуляции проявляется везде, где власть реализуется: от сценария всеобщего избирательного права и до состояния «химмер опросов общественного мнения».

Жесткость правового регулирования, хотя бы и иллюзорно, смягчается в форме так называемого мягкого права. Дескриптивность, сменяющая здесь императивы, отнюдь не предполагает уклонения от поставленной цели или ее замены. Непрямое, «обволакивающее» воздействие только захватывает более обширное пространство, расширяет правовое поле, меняется масштаб регулирования. Подобный подход инспирирован прежде всего сетевым характером самих объектов регулирования, их распыленностью в пространстве и времени. Вырастающий из недр своего предшественника модерн — настоящий нигилизм, если оценивать его с традиционной правовой точки зрения.

Идеократическое государство и «идея-правительница» отождествляют человечество и право. Это конец метафизического разрыва между законностью и справедливостью.

Принцип динамизма законов, выражающий движение, делает позитивные законы и действия отдельных субъектов малозначимыми в сравнении с «воплощенным в человечестве» правом: живая жизнь и живое право противопоставляются позитивному нормативизму.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — 257 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000. — 389 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. — М. : Постум, 2015. — 240 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Совершенное преступление. Заговор искусства. — М. : Рипол-Классик, 2019. — 349 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии. — М. : Рипол-Классик, 2017. — 288 с.
7. *Вебер М.* Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
8. *Делёз Ж.* Логика смысла. — М. : Академический проект, 2011. — 472 с.
9. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. — М. : Европа, 2008. — 516 с.
10. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества в современном мире. — М. : Гнозис ; Логос, 2003. — 480 с.

³⁵ См.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция.



11. *Ллойд Д.* Идея права. — М. : Югона, 2002. — 416 с.
12. *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 34—48.
13. *Сачмен Л.* Реконфигурации отношений человек-машина: планы и ситуативные действия. — М. : Элементарные формы, 2019. — 479 с.
14. *Слотердаjk П.* Сферы : в 3 т. — СПб. : Наука, 2010. — Т. 3 : Плюральный сферология. Пена. — 923 с.
15. *Хайдеггер М.* Размышления XII—XV (Черные тетради 1939—1941). — М. : Издательство Института Гайдара, 2019. — 514 с.
16. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. — 312 с.

Юриспруденция и ее история в социально-политических оценках и суждениях

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается история юридической науки как момент эволюции правового мышления, выражающий основные закономерности последнего. По мнению автора, важнейшей из закономерностей, определяющих динамику научного познания в диахронной ретроспективе, является поэтапное движение от образно-ассоциативного (допредикативного) правового мышления к мышлению понятийному, которое в своем развитии также проходит ряд последовательно сменяющих друг друга стадий. Как следствие, основная тенденция в истории юридической науки состоит в росте знаний, проявляющемся в переходе от описания атомарных юридических фактов к выявлению закономерностей, претендующих на общезначимость. Это, в свою очередь, предопределяет трансформацию правовой реальности, конструируемой научным познанием.

Ключевые слова: общество, наука, юриспруденция, право, правовое мышление, рациональность, эволюция, конструирование правовой реальности.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.041-051

NICHOLAY V. RAZUVAEV,

Head, Department of Civil and Labor Law of the North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Law), Associate Professor
nrasuvaev@yandex.ru

57/43, Sredny prosp., V. O., Saint Petersburg, Russia, 199178

HISTORY OF LEGAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF LEGAL THINKING

Abstract. The article considers the history of legal science as a moment of evolution of legal thinking, expressing the basic laws of the latter. According to the author, the most important of the laws that determine the dynamics of scientific knowledge in diachronous retrospective is a phased movement from figuratively associative (pre-predicative) legal thinking to conceptual



**Николай Викторович
РАЗУВАЕВ,**

заведующий кафедрой
гражданского и трудового
права

Северо-Западного
института управления
Российской академии
народного хозяйства и
государственной
службы при Президенте
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
доцент

nrasuvaev@yandex.ru

199178, Россия,

г. Санкт-Петербург,

В. О., Средний просп.,

д. 57/43

© Н. В. Разуваев, 2021

thinking, which in its development also goes through a series of successive stages. As a result, the main trend in the history of legal science consists in the growth of knowledge, which manifests itself in the transition from a description of atomic legal facts to the identification of patterns that claim to be valid. This, in turn, predetermines the transformation of legal reality constructed by scientific knowledge.

Keywords: *society, science, jurisprudence, law, legal thinking, rationality, evolution, construction of legal reality.*

Юридическая наука в ее эпистемологическом, регулятивном и институциональном измерениях — тема сравнительно малоизученная, по крайней мере, в российском исследовательском дискурсе, предметом которого традиционно выступает так называемая «история политико-правовых учений», представляющая собой не что иное как систематический обзор общеправовых доктрин в применении к государствоведческой и юридической проблематике¹. Подобное положение дел, как представляется, обусловлено особой ролью историко-философских штудий, подменивших собой собственно философию как самостоятельное направление оригинальной творческой деятельности.

В условиях отсутствия новых философских концепций, порожденного засильем постинтеллектуализма, претендующего на статус ведущей парадигмы современного познания, история философии (и история политико-правовых учений как ее специальный раздел) бесконечно вращается вокруг одних и тех же хорошо известных воззрений и канонизированных имен. Естественным результатом такой «всеядности» стал известный застой в изучении развития научной мысли, дополнительно затрудняемый локальным многообразием правовых доктрин, на первый взгляд не позволяющим обнаружить общие тенденции и закономерности, подобные тем, что со всей отчетливостью наблюдаются в истории математики, физики, биологии, лингвистики и других наук, претендующих на общезначимость выводов и результатов.

Ситуацию усугубляет и кажущаяся несформированность четких критериев и стандартов научности правового знания, позволяющих отграничить юриспруденцию как теоретическую рефлексию о праве от прикладной правоприменительной деятельности, с одной стороны, и от различного рода философем, идеологем, а также от иных паранаучных концептов, с другой стороны². Более того, с учетом непреодолимого влияния, традиционно оказываемого как той, так и другими, на правовое познание, вполне оправданным представляется сомнение в принципиальной возможности установления таких границ. Между тем сама история юридической науки, если видеть в последней не только дидактическую систему, но прежде всего непрерывный процесс накопления и роста знаний о правовой

¹ Овчинников С. Н. История юридической науки: к методологии исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 112.

² См. подробнее: Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права : материалы Пятого и Шестого философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсеянца / отв. ред. В. Г. Графский. М. : Норма, 2011. С. 11—161.

реальности³, развертывающийся в исторической перспективе, представляет собой необходимый момент эволюции права, подчиняющийся действию общих движущих сил и закономерностей.

Важнейшим фактором эволюции права и различных его феноменов, включая юридическую науку, является правовое мышление, представляющее собой совокупность психологических процессов порождения информации и знаковых средств ее закрепления, конструирующих правовую реальность⁴. Не вызывает сомнений тесная связь правового мышления и юридической науки. Будучи высшей ступенью самоорганизации и развития интеллектуальной рефлексии о праве, юридическая наука в концентрированном виде выражает в себе формальные и содержательные особенности правового мышления. Не будет особым преувеличением утверждать, что юриспруденция, возникшая на известной и притом относительно поздней стадии развития правового мышления, свидетельствует о высоком уровне его зрелости и служит проявлением прогрессивных тенденций эволюционной динамики.

Прогрессивные черты, воплощенные в юридической науке, выражаются как на формальном, так и на содержательном уровне организации процессов мышления. В содержательном плане научное правовое мышление отличается от любых иных видов мыслительной активности наличием развитой идейной составляющей, все компоненты которой обладают внутренней дифференцированностью и наличием сложных формально-логических связей, адекватно воспроизводящих структуру предмета познавательной деятельности⁵. Важной особенностью научного мышления, впервые отмеченной еще Рене Декартом⁶, является, как известно, применение системной исследовательской методологии, обеспечивающей творческий характер познания и инновационность его результатов⁷. В силу этого юридическая наука уже с самых первых своих шагов становится действенным средством конструирования правовой реальности, наделяя право релевантностью автономного и самоценного способа человеческого бытия, не тождественного иным его способам (таким, как мораль, религия, миф, искусство и т.п.) и не производного от них.

В формальном плане научному мышлению, включая юридическую науку, присуще совершенство знаковых средств, используемых для выражения и передачи информации об объектах познания. Указанные знаковые средства, типичными

³ О науке как поступательном росте знаний см.: *Поппер К.* Предположения и опровержения : Рост научного знания. М. : АСТ, АСТ-Москва, 2008. С. 359—371.

⁴ *Честнов И. Л.* Юридическое мышление в постклассической перспективе // *Российский журнал правовых исследований.* 2019. Т. 6. № 3. С. 9.

⁵ *Шевченко Е. В., Коржув А. В., Хлопенко Н. А., Нечаева В. Г.* Теоретическое мышление и его структура // *Сибирский медицинский журнал.* 2002. Т. 34. № 5. С. 103—106 ; *Баранова Л. В.* Структура мышления как основа познания // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус.* 2003. Т. 2. № 4. С. 84—96.

⁶ *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // *Декарт Р.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 251.

⁷ *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. М. : Знание, 1964. С. 11—12.



примерами которых являются математические обозначения и иная символика, применяемая в точных, естественных и отчасти в социальных науках, обеспечивают строгую однозначность научного дискурса, а также его способность обозначать не единичные объекты, а понятийные экстенционалы (классы объектов) в контексте общезначимых причинно-следственных отношений между ними⁸. Эта символика занимает особое место в эволюции знаков, проходящих в своем развитии три ступени, выделенные Ч. С. Пирсом, различавшим знаки-индексы, обладающие наибольшей степенью предметности, и далее, по убыванию денотативной обусловленности плана означаемого, знаки-иконы и знаки-символы⁹.

Будучи, безусловно, одной из разновидностей знаков-символов, научные обозначения выделяются из их числа как максимально широким объемом содержания, так и утратой связи с конкретными референтами. Иными словами, они представляют собой легисигнумы, что обуславливает сугубо конвенциональный характер соответствующих знаков вследствие утраты ими непосредственной предметной связи означаемого с означаемыми¹⁰. И хотя гуманитарные научные дисциплины, в том числе юриспруденция, не располагают развитым математическим аппаратом (хотя дискуссии о возможностях и пределах его внедрения активно ведутся¹¹), используемые ими понятия и дефиниции по степени точности и формальной определенности своего лингвистического выражения подчас не уступают математической и естественно-научной символике.

В целях правильного понимания дальнейшего следует сделать несколько важных замечаний. Во-первых, признавая правовое мышление смыслопорождающим измерением права и важным фактором его эволюции, мы вместе с тем далеки от того, чтобы видеть в правовой реальности, как это иногда делается, только совокупность идей¹². Правовая реальность есть упорядоченная совокупность как идей, содержащих в себе информацию о социальных феноменах, так и знаковых средств закрепления и внешнего выражения информации, транслируемой

⁸ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М. : Идея-Пресс ; ДИК, 1999. С. 47 и след.

⁹ Пирс Ч. С. Икона, индекс, символ // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000. С. 200—222.

¹⁰ Эко У. Отсутствующая структура : Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2006. С. 147.

¹¹ Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. А. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. С. 136 ; Осипов М. Ю. К вопросу о применении математических методов в юридической науке // *Advances in Law Studies*. 2019. Т. 7. № 2. С. 24.

¹² Это в предельном выражении оказывается равнозначным отрицанию предметного существования культурных, в том числе правовых, феноменов. См., в частности: *Linton R.* The Study of Man. New York : D. Appleton-Century Co., 1936. P. 363 ; *Radcliffe-Brown A. R.* On Social Structure // *Journal of Royal Anthropological Institute*. 1940. Vol. 70. № 1. P. 2 ; *Herskovitz M. J.* The Process of Cultural Change // *The Science of Man in the World Crisis* / ed. by R. Linton. New York : Alfred A. Knopf, 1945. P. 150 ; *Spiro E.* Culture and Personality // *Psychiatry*. 1951. Vol. 14. P. 24 ; *Beals R. L., Hoijer H.* An Introduction to Anthropology. New York : The Macmillan Co., 1953. P. 210 ; *Мелкевик Б.* Юридическая практика в зеркале философии права. СПб. : Алетейя-Пресс, 2015. С. 139.

субъектами в процессах правовой коммуникации. То же самое касается и культуры в целом, одним из измерений которой выступает правовая реальность¹³.

Во-вторых, юридическая наука, будучи наиболее развитым состоянием правового мышления, в концентрированном виде выражающим его существенные свойства, вместе с тем не исчерпывает его собой, что позволяет оспорить широко распространенное заблуждение, разделяемое в том числе и некоторыми исследователями, по мысли которых наличие правового мышления — прерогатива юристов и ученых-юристов *par excellence*¹⁴. Компонентами юридического мышления являются не только категории, выступающие логически оформленными результатами интеллектуальной рефлексии по поводу объектов реальности¹⁵, но и образы, представляющие собой идеи в их чувственной полноте и конкретности.

Вообще сложным и нерасчленимым единством образных (допредикативных) и понятийно-категориальных компонентов характеризуются не только специальные виды мышления, подобные юридическому мышлению, но и само это последнее в целом, на что обращали внимание психологи и лингвисты, использующие для обозначения данного единства понятие ментально-лингвального комплекса (МЛК)¹⁶. Важно подчеркнуть, что МЛК, функционируя в поле человеческого сознания, эволюционирует в широкой диахронной ретроспективе под влиянием исторически изменяющегося социально-психологического и культурного контекста.

Одним из результатов эволюции становится изменение соотношения образной и понятийной составляющих мышления и переход от мышления образами к мышлению понятиями на определенном этапе социокультурного развития человечества. Последствием этого перехода, проявившего себя в различных сферах культурного творчества¹⁷, стало возникновение юридической науки, представляющей собой понятийно-категориальную рефлексия по поводу феноменов правовой реальности.

Эволюция правового мышления включает в себя ряд последовательно сменяющихся стадий, которым соответствуют исторические типы рациональности, характеризующие юридическую науку в ее существенных признаках и проявлениях. Не приводя развернутых характеристик, чему препятствуют рамки данной работы, отметим, что такими стадиями являются:

- дорациональная (мифо-ритуальная) стадия, начавшаяся в первобытности и завершившаяся в VI—V вв. до н.э.;
- стадия доклассической рациональности, господствовавшей в античную и средневековую эпохи и утратившей релевантность на рубеже XVI—XVII вв.;

¹³ В данном вопросе придерживаемся позиции Лесли Уайта, по мнению которого культура есть *class of things and events, dependent on upon symboling, considered in an extrasomatic context* (*White L. The Concept of Culture // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. № 2. P. 234*).

¹⁴ Глухарева Л. И. Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. Серия : Экономика. Управление. Право. 2013. № 19 (120). С. 20.

¹⁵ Аристотель. Категории // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 55.

¹⁶ Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык, мышление, сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994. № 1 (147). С. 63—70.

¹⁷ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Восточная литература, 1998.



- стадия классической рациональности (XVII — начало XIX в.);
- стадия неклассической рациональности, завершающаяся к концу минувшего столетия с переходом к постнеклассической рациональности¹⁸.

Переход к каждой следующей стадии (и, соответственно, к новому историческому типу рациональности) носил скачкообразный характер и характеризовался радикальным разрывом с предшествующими интеллектуальными традициями и парадигмами познания¹⁹.

Вместе с тем переход на новую ступень эволюционной динамики еще не означает непременно полного отказа от всего комплекса результатов, достигнутых на предшествующей стадии. История науки вообще и юридической науки в частности предполагает как дискретность, так и континуитет, как преемственность, так и инновационность развития. Именно такое диалектическое, подчас противоречивое и неоднозначное сочетание разнонаправленных тенденций, на наш взгляд, служит залогом накопления и роста научного знания, что оказалось бы в принципе невозможным, если бы ученые вынуждены были всякий раз начинать «с чистого листа».

Несложно заметить, что в истории юридической науки прослеживается стадийная смена типов рациональности, характеризующая эволюцию правового мышления в целом. Тесно связанная в момент своего зарождения (в частности, в сочинениях древнегреческих философов-досократиков и в сакральных формулах римских понтификов) с мифо-ритуальным правовым мышлением, юридическая наука приобретает автономию и формирует собственный исследовательский метод по мере становления понятийного мышления²⁰. Характерные особенности последнего, рассмотренные выше, отчетливо проявились уже в стиле работы античных правоведов II в. до н.э. — III в. н.э., и прежде всего отца науки гражданского права Кв. Муция Сцеволы²¹, а также Антистия Лабеоны, чьи новаторские установки в дальнейшем получили развитие в сочинениях Гая и других представителей «классической пятерки» юристов.

Рациональность мышления римских и опиравшихся на их выводы средневековых западноевропейских юристов не отвечала в полной мере строгим критериям научности, нашедшим применение в эпоху Нового времени благодаря развитию естественно-научного знания, что позволяет нам определять соответствующий тип рациональности как доклассический.

Характерной чертой доклассической рациональности был сугубый эмпиризм, ориентированность на максимально полное, всестороннее и систематичное описание фактического состава реальности, строившееся на незыблемом фундаменте общих принципов, имевших отчасти философский, отчасти религиозно-моралистический характер. Непревзойденными образцами такого подхода служили античная и средневековая правовая доктрина, конструировавшие правопорядок

¹⁸ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010.

¹⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994. С. 35 ; Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2002. С. 129 и след.

²⁰ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ ; Инфра-М — Норма, 1998. С. 131—132.

²¹ Schulz F. History of Roman Legal Science. Oxford : Clarendon Press, 1946. P. 57—58.

путем придания обязательной силы конкретным юридическим ситуациям (казусам)²², структура которых включала в себя права и обязанности участников²³. Ведь неизбежная оборотная сторона «всякого права — обязанность: право не может быть голым произволом, как бы велико и многообъемлюще оно ни было»²⁴.

Описательность и казуистичность, детально изученные на примере западной доктринальной традиции, не были, однако, присущими только ей. Анализ памятников истории правовой науки восточных цивилизаций (например, трактатов индусских юристов, произведений исламских факихов, галахических комментариев иудейских законоведов), наглядно свидетельствует об отсутствии каких-либо существенных отличий в идейном и методологическом содержании²⁵. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что стиль мышления, формируемый в контексте доклассической рациональности, являлся универсальным для любых культур и характеризовался не столько цивилизационной, сколько историко-стадиальной спецификой.

Вместе с тем ошибкой было бы недооценивать динамический потенциал данного исторического типа правовой науки и его способность к саморазвитию. Так, в частности, западноевропейская юриспруденция XII—XVI вв., руководствуясь методами изучения правовой реальности, которые были выработаны и доведены до совершенства римскими юристами, смещает фокус исследовательской деятельности с описания и типизации конкретных казусов на их обобщение и создание абстрагированных от фактического материала конструкций (таких, в частности, как государство, правоспособность, юридическое лицо, право собственности, гражданско-правовой договор и т.п.), в дальнейшем составивших понятийную основу юридической науки Нового времени²⁶.

Тем самым были заложены предпосылки для нормализации правопорядка, формирования его нормативной составляющей, практически отсутствовавшей на

²² См.: *Савельев В. А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108 ; *Михайлов А. В.* Генезис континентальной юридической догматики. М. : Юрлитинформ, 2012 ; *Малиновский А. А.* Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 31.

²³ *Котляр И. А.* Государь как институт европейского средневекового *jus commune* // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. 2011. № 4. С. 106.

²⁴ *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 29.

²⁵ См.: *Крашенинникова Н. А.* Источники древнеиндийского права и их развитие // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 79—80 ; *Безносова Я. В.* Дхармашастры как источники изучения древнеиндийского общества: история и современность // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 13 ; *Каневский А. А.* Галаха как юридический феномен // Государство и право. 2015. № 5. С. 106—110 ; *Ольховский К. И.* Фикх как причина научной стагнации исламского общества: к постановке проблемы // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 1. С. 209—210.

²⁶ *Полдников Д. Ю.* Этапы формирования цивилистической договорной теории *jus commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 108.



ранних стадиях правовой эволюции. Иными словами, в определенный момент именно юристы положили начало нормативным правопорядкам и правовым системам, сыграв ту же роль, какую авторы словарей и грамматик играли для формирования языковых норм.

Классическая рациональность, задавая культурный контекст, ориентированный, как уже отмечалось, на достижения физики, математики и иных естественных наук, устанавливавших общепринятые стандарты научности, радикально повлияла и на юриспруденцию, обусловив смену парадигм правового мышления. Теперь важнейшей задачей науки становится не описание фактического состава правовой реальности, а ее общетеоретическое осмысление в сочетании с философской рефлексией о праве.

В решении этой задачи мыслители Нового времени (такие, в частности, как Г. В. Лейбниц, Б. Спиноза, Хр. Вольф и др.) видели единственный способ придать юриспруденции, не имеющей математического аппарата, статус полноценной науки, избавив ее от пережитков схоластического умствования, отличавшего стиль мышления средневековых правоведов²⁷. Несмотря на то, что их усилия по формализации правового дискурса и приведению последнего в соответствие с парадигмой классической рациональности во многом оказались безрезультатными, именно внедрением данной парадигмы обусловлено повышенное внимание юриспруденции к поиску закономерностей структурной организации и развития правовой реальности. Одним из первых юристов, обратившихся к изучению таких закономерностей, был Г. Гроций, не без оснований считающийся основоположником современной науки теории права и отраслевых юридических наук²⁸.

Установка Г. Гроция, подробно изложенная в «Трех книгах о праве войны и мира», была весьма проста. Изучая тождественные (или, по крайней мере, совпадающие в своих существенных чертах) элементы различных правопорядков и соотнося эти компоненты с априорно установленными общими принципами разумности и справедливости, ученый стремился обнаружить ту неизменную основу, на которую опирается любой правопорядок. В этом методологическом движении от частного к общему можно увидеть несколько модифицированный и видоизмененный подход римских и средневековых юристов, но в еще большей степени оно отсылает к общеизвестному принципу математического доказательства (так называемому принципу полной математической индукции): если некоторое утверждение A верно для $n = 1$ и из предположения, что оно верно для $n = k$, следует, что A верно для $n = k + 1$, это означает, что A верно для любого числа n ²⁹.

С одной стороны, переориентация юридической науки с описания юридических фактов и установления правил поведения на поиск общих закономерностей, лежащих в основе правовой реальности, привела к утрате ею значения формально-юридического источника права. С другой же стороны, эпистемологическую

²⁷ Побединская О. Н. Проблема геометрического метода Бенедикта Спинозы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Философские науки. 2013. № 2 (8). С. 53—84.

²⁸ Нерсисянц В. С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. С. 551.

²⁹ Демидов И. Т. Основания арифметики. 2-е изд. М. : URSS, 2010. С. 23.

перспективность такого поворота (вполне сравнимого с коперниканским) трудно переоценить. Единственным теоретическим препятствием, тормозившим эволюцию правовой науки в классическую эпоху, была убежденность в статичности правовой реальности, ее неизменном характере.

Открытие исторического измерения права, ставшее важнейшим достижением постклассической рациональности, способствовало прогрессу юридической науки и стремительному росту правовых знаний. Обратившись к изучению динамики правопорядка и будучи вооруженной достижениями смежных социально-гуманитарных наук (прежде всего лингвистики, культурологии, социологии, психологии, антропологии и т.п.), юриспруденция окончательно оформилась как область познания, отвечающая критериям научности. Свидетельством сказанного является, в частности, появление основных типов правопонимания, получивших развитие в рамках пост(не)классической науки о праве.

Юридическая наука, несмотря на свою долгую историю, во многом является продуктом постклассического правового мышления, отмеченным, в числе прочего, кризисными чертами, присущими последнему. Преодоление этих кризисных проявлений и поиск самоидентичности в перспективе, видимо, будет определять развитие юридической науки и правового мышления в целом. Представляется, что это и есть главный вывод, который можно сделать в результате очерка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Категории // Аристотель. Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — С. 52—90.
2. *Баранова Л. В.* Структура мышления как основа познания // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. — 2003. — Т. 2. — № 4. — С. 84—96.
3. *Безносова Я. В.* Дхармашастры как источники изучения древнеиндийского общества: история и современность // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — Серия : Социальные науки. — 2014. — № 2 (34). — С. 13—17.
4. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. — М. : Изд-во МГУ ; Инфра-М — Норма, 1998. — 624 с.
5. *Глухарева Л. И.* Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. — Серия : Экономика. Управление. Право. — 2013. — № 19 (120). — С. 19—26.
6. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. — М. : Мысль, 1989. — Т. 1. — С. 250—296.
7. *Демидов И. Т.* Основания арифметики. 2-е изд. — М. : URSS, 2010. — 159 с.
8. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
9. *Каневский А. А.* Галаха как юридический феномен // Государство и право. — 2015. — № 5. — С. 106—110.
10. *Котляр И. А.* Государь как институт европейского средневекового *jus commune* // Вестник МГУ. — Серия 11 : Право. — 2011. — № 4. — С. 105—113.



11. Крашенинникова Н. А. Источники древнеиндийского права и их развитие // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 76—81.
12. Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. А. Тонкова. — СПб. : Алетейя, 2018. — 466 с.
13. Кун Т. Структура научных революций. — М. : АСТ, 2002. — 605 с.
14. Малиновский А. А. Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 4 (100). — С. 29—35.
15. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. — 288 с.
16. Мелквек Б. Юридическая практика в зеркале философии права. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. — 288 с.
17. Михайлов А. В. Генезис континентальной юридической догматики. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 496 с.
18. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык, мышление, сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 1 (147). — С. 63—70.
19. Нерсесянц В. С. Философия права. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2006. — 836 с.
20. Овчинников С. Н. История юридической науки: к методологии исследования // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 3. — С. 109—115.
21. Ольховский К. И. Фикх как причина научной стагнации исламского общества: к постановке проблемы // Сибирский философский журнал. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 203—215.
22. Осипов М. Ю. К вопросу о применении математических методов в юридической науке // Advances in Law Studies. — 2019. — Т. 7. — № 2. — С. 21—25.
23. Пирс Ч. С. Икона, индекс, символ // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. — М. : Логос, 2000. — С. 200—222.
24. Побединская О. Н. Проблема геометрического метода Бенедикта Спинозы // Вестник Московского городского педагогического университета. — Серия : Философские науки. — 2013. — № 2 (8). — С. 53—84.
25. Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *jus commune* // Государство и право. — 2012. — № 6. — С. 106—115.
26. Поппер К. Предположения и опровержения : Рост научного знания. — М. : АСТ, АСТ-МОСКВА, 2008. — 640 с.
27. Савельев В. А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 108—115.
28. Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права : материалы Пятых и Шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. — М. : Норма, 2011. — 223 с.
29. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. — М. : Идея-Пресс ; ДИК, 1999. — 220 с.
30. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Восточная литература, 1998. 220 с.
31. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб. : А-сад, 1994. — 408 с.

32. *Честнов И. Л.* Юридическое мышление в постклассической перспективе // Российский журнал правовых исследований. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 9—14.
33. *Шевченко Е. В., Коржуев А. В., Хлопенко Н. А., Нечаева В. Г.* Теоретическое мышление и его структура // Сибирский медицинский журнал. — 2002. — Т. 34. — № 5. — С. 103—106.
34. *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. — М. : Знание, 1964. — 48 с.
35. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. — СПб. : Симпозиум, 2006. — 544 с.
36. *Beals R. L., Hoijer H.* An Introduction to Anthropology. — New York : The Macmillan Co., 1953. XIII + 658 p.
37. *Herskovitz M. J.* The Process of Cultural Change // The Science of Man in the World Crisis / ed. by R. Linton. + New York : Alfred A. Knopf, 1945. + P. 143—170.
38. *Linton R.* The Study of Man. + New York : D. Appleton-Century Co., 1936. + IX + + 503 p.
39. *Radcliffe-Brown A. R.* On Social Structure // Journal of Royal Anthropological Institute. — 1940. — Vol. 70. — № 1. — P. 1—12.
40. *Schulz F.* History of Roman Legal Science. — Oxford : Clarendon Press, 1946. — XVI + 358 p.
41. *Spiro E.* Culture and Personality // Psychiatry. — 1951. — Vol. 14. — P. 19—46.
42. *White L.* The Concept of Culture // American Anthropologist. — 1959. — Vol. 61. — № 2. — P. 227—251.





**Александр Сергеевич
СМЫКАЛИН,**

заведующий кафедрой
истории государства и
права

Уральского
государственного
юридического
университета,

доктор юридических наук,
профессор

smykalin@mail.ru

620034, Россия,

г. Екатеринбург,

ул. Колмогорова, д. 54

ЮРИДИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ — НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. Для полноты знаний курса истории государства и права России автор предлагает новый юридический спецкурс — «Юридическое религиоведение». Актуальность представленной задачи состоит в расширении знаний у студентов-юристов сферы государственно-конфессиональных отношений в стране. Используются историко-правовой опыт и нормативная база. Представители юриспруденции далеки от религиозного правоведения и поэтому плохо представляют богословие и основы православия в целом. С этой целью подготовлены различные учебные пособия по каноническому праву, религиозному правоведению и истории религии и спецкурсы, которые читаются в светских юридических вузах.

Ключевые слова: государство, церковь, исторический опыт, юриспруденция, законодательство, новая нормативная база, обучение, образование, спецкурс, практические рекомендации.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.052-062

ALEXANDER S. SMYKALIN,

Head, Department of History of State and Law of the Ural State Law University,

Doctor of Law, Dr. Sci. (Law), Professor

smykalin@mail.ru

54, ul. Kolmogorov, Yekaterinburg, Russia, 620034

LEGAL RELIGIOUS STUDIES — A NEW DIRECTION OF RUSSIAN JURISPRUDENCE

Abstract. Complete the knowledge of the course on the history of state and law of Russia, author offers a new special legal course — “Legal Religious Studies”. The relevance of the presented task in expanding the knowledge of law students in the sphere of state-confessional relations in the country. Used historical and legal experience and regulatory framework. A broad scientific discussion on the stated topic is possible. Representatives of jurisprudence are far from religious jurisprudence and therefore have a poor understanding of theology and the Foundations of Orthodoxy in general. For this purpose, various textbooks and special courses are adapted, which are read in secular law schools. These include various textbooks on canon law, religious jurisprudence, and the history of religion.

Keywords: state, church, historical experience, jurisprudence, legislation, new regulatory framework, training, education, special course, practical recommendations.

Широкое участие церкви в жизни современного общества, переоценка духовных ценностей настоятельно требуют новых подходов к вопросам религии в нашем государстве. И первым шагом на этом пути может стать более глубокое ознакомление с основами православия в России. Что касается юриспруденции, то многие отраслевые дисциплины, например уголовное, гражданское, административное, семейное, экологическое право и др., уже включили в свои кодексы соответствующие нормы, регулирующие взаимоотношения государственно-конфессионального характера.

Религиозное правоведение все более соотносится со светскими юридическими (отраслевыми) дисциплинами. Связь возникла не случайно, а была сформирована на основании исторических источников права, длительное время пребывавших под влиянием христианского вероучения. В науке имеются исследования, в которых, например, предпринята попытка сравнить нормы Ветхого и Нового Завета со статьями современного Уголовного кодекса РФ.

Исследователь Ю. А. Зюбанов считает, что нормы-принципы, содержащиеся в Священном Писании, являются основными писаными источниками уголовного закона России¹. И это не единственное исследование, посвященное вопросам христианской основы российского права². Представляется, что подобные исследования помогут значительно лучше уяснить природу государственно-конфессиональных отношений и реализации христианских заповедей в нашей повседневной жизни.

Взаимоотношения уголовного права и религии

Сферами взаимоотношений между религией и уголовным правом могут быть следующие и составы преступлений:

- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам отношения к религии (ст. 282 УК РФ);
- организация экстремистского сообщества по мотивам религиозной ненависти (ст. 282 (1) и 282 (2) УК РФ);
- геноцид (ст. 357 УК РФ);
- воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ);
- воспрепятствование проведению религиозного собрания, шествию или участию в них (ст. 149 УК РФ);
- оскорбление религиозных чувств (ст. 129 УК РФ — утратила силу);
- клевета (ст. 130 УК РФ — утратила силу);
- нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ — применительно к религиозной организации);

¹ Зюбанов Ю. А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации: сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. М. : Юстина ; Проспект, 2007. С. 3.

² Христианское учение о преступлении и наказании / А. А. Тер-Акопов [и др.]. М. : Норма, 2009. 335 с. ; Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право. М. : Изд-во МНЭПУ, 2000. 100 с.



- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ — применительно к религиозной организации);
- надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ);
- организация религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ);
- уклонение от прохождения военной и альтернативной службы (ст. 238 УК РФ).

Более десятка статей в уголовном законодательстве Российской Федерации связаны с реализацией принципа свободы совести, провозглашенного ныне действующей Конституцией РФ.

Если обратиться к истории советского уголовного законодательства, то необходимо отметить, что в СССР декларативно тоже провозглашался этот принцип, но он вступал в противоречие с марксистско-ленинской идеологией. Например, накануне войны сложилась парадоксальная ситуация. Как показала перепись населения 1939 г., 57 % населения относили себя к верующим, а в основе проводимой политики лежала идеология, отрицающая религию. Это естественным образом нашло отражение в уголовном законодательстве того времени.

Например, в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. преступлениям, связанным с нарушением правил об отделении церкви от государства, была посвящена целая глава (гл. IV, ст. 122—127). Шесть статей этой главы предусматривали ответственность должностных лиц (представляющих государство) за нарушение правил об отделении церкви от государства. Поскольку религия считалась «буржуазным пережитком», который должен быть «искоренен», священнослужители априори признавались виновными в религиозной, а следовательно, буржуазной «пропаганде и агитации, призывающей к свержению...» и т.д.

В Уголовном кодексе 1960 г. уже отсутствует отдельная глава о нарушении правил об отделении церкви от государства, но к ст. 142 («Нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви») существовало разъяснение в виде постановления Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении ст. 142 УК РСФСР» и аналогичные ему постановления, принятые в союзных республиках. В этих постановлениях фактически воспроизводились все «религиозные» статьи УК 1926 г.

Советская власть не могла не считаться с мировым сообществом, которое одним из требований экономического и политического сотрудничества с СССР выставило соблюдение права свободы совести. Правительство вынуждено было декларировать такие гарантии в ст. 13 Конституции 1918 г., а затем в ст. 124 Конституции 1936 г., а в качестве защиты этого права — ввести в Уголовный кодекс ст. 127 о воспрепятствовании исполнению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан. Практически в том же виде соответствующая статья вошла и в УК РСФСР 1960 г.

Однако идеологическая политика Советского государства не изменилась: религия должна была быть искоренена как буржуазный пережиток. Поэтому борьба с ней не только не прекратилась, но в 60-е гг. XX в. значительно усилилась. И если ст. 143 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов» практически не работала, то ст. 227 «Посягательство на личность и права граждан под видом

исполнения религиозных обрядов», наоборот, использовалась весьма интенсивно. Особенно много судебных процессов по этой статье было в 1960—1970-х гг. по делам пятидесятников и баптистов-инициативников (Совет церквей ЕХБ).

Перестроечные процессы открыли Советскому Союзу двери мирового сообщества. Вопрос о гарантиях свободы совести встал очень остро. Правительство СССР, а после его распада — Российской Федерации приняло целый ряд документов, призванных реализовать право человека на свободное исповедание своей веры, которое 70 лет было под запретом.

Свое место в этом процессе занимает уголовное законодательство, призванное защищать данное право человека и гражданина от преступных посягательств. А такие посягательства были (особенно в 1990-х гг.), есть и сейчас. Они выражаются, с одной стороны, например, в хулиганских действиях в храмах и молитвенных зданиях, публикациях, оскорбляющих религиозные чувства верующих, экстремизме на религиозной почве и т.п., с другой стороны — в воспрепятствовании осуществлению права на свободу совести со стороны государственных органов и отдельных служащих, которые не могут до сего дня отрешиться от прежних антирелигиозных представлений в отсутствие элементарных религиоведческих и правовых знаний³.

Уголовная ответственность установлена в ст. 282 УК РФ за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека, либо группы лиц по признакам... отношения к религии...». В настоящее время Кодекс дополнен новой статьей 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности». Эта статья появилась в связи с тем, что в последние годы некоторые террористические акты были совершены по религиозным, а скорее, псевдорелигиозным мотивам, поэтому Закон «О противодействии экстремистской деятельности» ввел религиозные объединения, наряду с другими организациями, в разряд потенциальных экстремистских сообществ.

В современное уголовное законодательстве внесены коррективы и в название ст. 148 УК РФ. Ранее ее название было «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», нынешнее название ст. 148 — «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий». Такое расширительное толкование, на наш взгляд, является более точным, хотя вопрос о реализации понятия «свобода совести» достаточно сложный и вызывает споры среди ученых-специалистов до сих пор, поскольку «совесть» — это понятие, скорее, не правовое, а нравственное.

Кроме рассмотренных выше, имеются и другие статьи, получившие отражение в Уголовном кодексе РФ и указывающие на тесную связь уголовно-правовых норм с правовым аспектом деятельности религиозных объединений.

Уголовно-исполнительное право и религия

Говоря об уголовно-правовом аспекте рассматриваемых взаимоотношений, невозможно оставить в стороне вопрос об отбытии наказания осужденными судом верующими. В УИК РФ, принятом в декабре 1996 г. и введенном в действие

³ Погасий А. К. Религия и право. Казань : Меддок, 2008. С. 67—68.



с 1 июля 1997 г., в ст. 14 «Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных» записано:

1. Осужденным гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. Они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

2. Осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания является добровольным, при этом не должны нарушаться правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемляться права других лиц.

3. Осужденным к ограничению свободы по их просьбе может быть дано разрешение на посещение мест богослужений, находящихся за пределами исправительных центров.

4. К осужденным к аресту или лишению свободы по их просьбе приглашаются священнослужители. В учреждениях, исполняющих наказания, осужденным разрешается совершение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой. В этих целях администрация указанных учреждений выделяет соответствующее помещение.

5. К осужденным, содержащимся в штрафных изоляторах, одиночных камерах исправительных колоний особого режима, штрафных и дисциплинарных изоляторах, а также в помещениях камерного типа, священнослужители допускаются, если нет угрозы личной безопасности последних.

6. Тяжело больным осужденным, а также осужденным к смертной казни перед исполнением приговора по их просьбе обеспечивается возможность совершить все необходимые религиозные обряды с приглашением священнослужителей.

Административное право и религия

Важными являются административно-правовые отношения в области религии. Государство определяет свою религиозную политику прежде всего в Конституции РФ 1993 г., так как она — наивысший результат «политического искусства»⁴. Реализация этих взаимоотношений нашла отражение в различных отраслях ныне действующего права: уголовном, уголовно-исполнительном, административном.

Статья 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» предусматривает, что «воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, — влечет наложение административного штрафа на граждан... на должностных лиц...» (ч. 1); умышленное публичное осквернение религиозной или богослужбной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем и мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение

⁴ *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 23.

влечет наложение административного штрафа на граждан... на должностных лиц...» (ч. 2).

Что касается статьи 20.2.1 КоАП РФ об организации деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности, то она в соответствии с Федеральным законом от 29 апреля 2006 г. № 57-ФЗ утратила силу.

Можно сделать следующий вывод: являясь субъектом правовых отношений, религиозная организация, ее руководители и участники, как и все другие юридические и физические лица, обязаны подчиняться административному законодательству.

Трудовое право и религия

В государственно-конфессиональных отношениях интересным и малоизученным направлением является трудовое, социальное и пенсионное право для работников религиозных организаций. Вспоминая историю советского периода, необходимо отметить, что еще в Конституции РСФСР 1918 г. было установлено правило «Не трудящийся, да не ест». Тем самым была введена всеобщая трудовая повинность. Служители церкви объявлялись «нетрудовым элементом» и на них не распространялось трудовое законодательство РСФСР.

Предприятия, находящиеся в ведении религиозных организаций (например, завод, выпускающий свечи, различного рода мастерские и т.п.) необходимо было обслуживать. И не всегда среди обслуживающего персонала были верующие. Поэтому на основании постановления Совета министров СССР от 23 мая 1956 г. возможно было заключение трудового договора, но при обязательном участии профсоюзных органов. Профобслуживание этой категории лиц Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) своим постановлением от 5 октября 1956 г. возложил на профсоюз рабочих коммунального хозяйства.

Ряд законодательных актов, регулирующих государственно-конфессиональные отношения, носили закрытый, секретный характер. Исходя из секретного постановления СНК СССР 1945 г., служители церкви имели права решать вопросы недвижимой и движимой собственности, а в соответствии с Инструкцией от 13 марта 1961 г. — нет. Складывалась парадоксальная ситуация, которая, видимо, опять была скрыта за секретными постановлениями Правительства.

Существенные изменения произошли в сфере трудовых отношений в 1990-е гг. Так, 26 сентября 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором впервые появилась статья 24 «Трудовые правоотношения в религиозных организациях». В ней было установлено:

- 1) религиозные организации в соответствии со своими уставами вправе заключать трудовые договоры (контракты) с работниками;
- 2) условия труда и его оплата устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации трудовым договором (контрактом) между религиозной организацией (работодателем) и работником;
- 3) на граждан, работающих в религиозных организациях по трудовым договорам (контрактам), распространяется законодательство Российской Федерации о труде;



4) работники религиозных организаций, а также священнослужители подлежат социальному обеспечению, социальному страхованию и пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Изменившиеся политические условия развития нашего общества, создание нового государства в 1991 г., принятие новой Конституции РФ оказали принципиальное влияние на развитие трудового права⁵.

Серьезные и принципиально новые положения внес новый Трудовой кодекс РФ, который вступил в силу 1 февраля 2002 г. Появились новые понятия, например «социальное партнерство», использован некоторый опыт регулирования новых отношений, связанных с функционированием рыночной экономики. Значительно увеличилось в связи с этим количество статей (с 256 до 424), появились и новые главы. В частности, учитывая возрастающее влияние церкви в современном обществе, законодатель ввел целую главу (гл. 54), которая отражает особенности регулирования труда работников религиозных организаций.

Вообще анализ трудовых отношений в этой сфере необходимо начать со ст. 3 нового Трудового кодекса РФ. В ней отмечается, что «никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений...». Здесь важно отметить, что это декларировалось и ранее, в советском законодательстве, однако на деле не только священнослужителям, но и их детям, да и просто рядовым верующим было сложно получить высшее образование, продвинуться по службе, занять престижную должность: декларация была, но гарантии ее реализации не было.

Другой важной статьей, связанной с государственно-конфессиональными отношениями, является ст. 112 «Нерабочие праздничные дни». В Трудовом кодексе РФ закреплено право органов государственной власти по просьбам религиозных организаций объявлять религиозные праздники нерабочими днями.

Учитывая многонациональный характер нашей страны, это решение принимает правительство соответствующего региона. Для православных нерабочим днем объявлено 7 января — Рождество Христово (ст. 112), для мусульман в Республике Татарстан законом нерабочим днем объявлен мусульманский праздник — Курбан-байрам.

Согласно гл. 54, регулирующей особенности труда работников религиозных организаций, между работником и работодателем обязательно должен быть заключен трудовой договор (контракт). Подчеркивается, что под работником понимается «лицо, достигшее восемнадцати лет» (ст. 342). Статья 343 Трудового кодекса РФ закрепляет, что заключенный договор (контракт) должен учитывать внутренние установления религиозной организации и не противоречить Конституции Российской Федерации. Об особенностях заключения трудового договора с религиозной организацией говорит ст. 344, согласно которой «при необходимости изменения определенных сторонами условий трудового договора религиозная организация обязана предупредить об этом работника в письменной форме не менее чем за семь календарных дней».

⁵ Вологдин А. А. История отечественного государства и права. М. : Ustitia, 2015. 719 с.

Осуществление обрядов или иной религиозной деятельности не связано с общепринятым режимом рабочего времени в государственных организациях, поэтому ст. 345 гл. 54 так и называется «Режим рабочего времени лиц, работающих в религиозных организациях». Отмечается, что в основе должен быть установленный Трудовым кодексом режим продолжительности рабочего времени, с учетом внутренних установлений религиозной организации.

В настоящем Кодексе уделено внимание и материальной ответственности работников религиозных организаций, т.е. в тексте договора, например, может идти речь «О полной материальной ответственности работника». Как и в целом в трудовом законодательстве, трудовой договор с религиозной организацией может быть прекращен в случае невыполнения условий, заданных в трудовом договоре.

Поскольку церковь является юридическим лицом, «индивидуальные трудовые споры, не урегулированные самостоятельно работником и религиозной организацией, могут рассматриваться в суде», об этом говорит ст. 348 гл. 54. Введение новой главы в Трудовой кодекс РФ свидетельствует о необходимости регулирования нового типа отношений между церковью и государством. Теперь работники религиозных организаций, включая священнослужителей, подлежат социальному обеспечению, социальному страхованию и пенсионному обеспечению на общих основаниях в соответствии с законодательством РФ.

Земельно-правовые отношения и религия

Началом земельно-правовых взаимоотношений с религией в советское время нужно считать Декрет СНК от 23 января 1918 г., согласно которому религиозные организации лишались права юридического лица, права владения собственностью, а все принадлежащее им имущество, включая землю, объявлялось народным достоянием. Исходя из этого, все богослужбное имущество предоставлялось религиозным организациям в пользование.

Принципы земельного законодательства в сфере религиозных отношений устанавливались следующими законами.

Законы СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г. не пошли дальше передачи религиозным организациям в пользование и собственность зданий и движимого имущества, поскольку на тот момент права частной собственности на землю не существовало, вся земля принадлежала государству. И только Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. провозгласил в ст. 21 право религиозных организаций иметь в собственности земельные участки, и не только в России, но и за границей.

Приобретение и прекращение у религиозных организаций права собственности и пользования земельными участками регулируются Гражданским и Земельным кодексами РФ. Некоторые вопросы использования земель решаются в соответствии с Градостроительным кодексом РФ.

Земельное законодательство в сфере религиозных отношений основывается на принципе участия граждан и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю, согласно которому они имеют право принимать участие в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие



на состояние земель при их использовании и охране, а органы государственной власти, органы местного самоуправления, субъекты хозяйственной и иной деятельности обязаны обеспечить возможность такого участия в порядке и в формах, которые установлены в законодательстве (ст. 1 Земельного кодекса РФ).

В собственности религиозных организаций в соответствии со ст. 15 Земельного кодекса РФ могут находиться земельные участки, расположенные в жилых и общественно-деловых зонах земель поселений (ст. 36, п. 5, 6 ст. 85 ЗК РФ; п. 3, 4 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ), а также земли сельскохозяйственного назначения (ст. 82 ЗК РФ). В случае изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, в том числе для строительства, если это затрагивает интересы религиозных организаций, последние в соответствии с основными принципами земельного законодательства имеют право участвовать в обсуждении и решении указанных вопросов (ст. 31 ЗК РФ).

Что касается земель сельскохозяйственного назначения, то религиозные организации могут использовать их, в соответствии со ст. 78 ЗК РФ, для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных целей (например, под сельскохозяйственное производство при монастыре).

Такие земельные участки могут быть предоставлены религиозным организациям из фонда перераспределения земель по их ходатайству.

Религиозные организации могут приобретать права на сельскохозяйственные земли также в результате сделок, предусмотренных ГК РФ. К ним относятся:

- продажа земельных участков (ст. 129, 161, 163, 209 и 549—557);
- дарение (ст. 572—581);
- пожертвование (ст. 582);
- обмен (мена) (ст. 567);
- наследование (ст. 1181 и 1182)⁶.

Брачно-семейное законодательство и религия

Этот вид отраслевого законодательства является самым древним, имеющим многовековую историю. Этому вопросу посвящены многотомные исследования в историко-правовой науке.

Вместе с тем богатейший опыт, накопленный на тысячелетнем историческом пути Русской православной церковью, позволяет утверждать, что брачно-семейное право с момента своего зарождения сформировалась как самостоятельная подотрасль церковного права и отличалось самобытностью и оригинальностью правовых норм⁷. Небольшой объем статьи не позволяет подробно и обстоятельно рассмотреть этот вид отраслевого законодательства. Более предметно он рассматривается в курсе «Каноническое право»⁸.

⁶ *Погасий А. К.* Указ. соч. С. 111—113.

⁷ *Смыкалин А. С.* Очерки истории Русской православной церкви. Омск : Омская академия МВД России, 2007. С. 51.

⁸ *Смыкалин А. С.* Каноническое право: на примере Русской православной церкви XI—XXI вв. М. : Проспект ; Екатеринбург : ИД Уральского гос. юридического ун-та, 2016. 394 с.

Заключение

Здесь приведены лишь основные отрасли права, регулирующие те или иные стороны деятельности религиозных организаций, но это не означает, что другие отрасли права не имеют отношения к церкви. Приведем один пример из процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в редакции от 25 ноября 2013 г.) определяет, что при производстве по уголовному делу священнослужитель может быть допрошен в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшим известным ему на исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56). И это только один пример. Исследование проблем взаимоотношений отраслевых юридических наук и религии — задача большого научного коллектива, которая должна вылиться в объемную научную монографию.

Завершая тему истории государственно-конфессиональных отношений в России, необходимо отметить, что советский период оказал существенное влияние на развитие этих отношений в стране. К сожалению, историки права располагают еще далеко не всеми материалами, например, по проблеме взаимоотношений Русской православной церкви и органов государственной безопасности СССР. Лишь в постсоветский период стали рассматривать вопросы регулирования деятельности религиозных организаций отраслевым законодательством. Активная роль церкви в жизни сегодняшнего общества ставит на повестку дня вопрос об изменении ст. 14 Конституции РФ 1993 г., а признание церкви юридическим лицом является подтверждением этого. Конституция должна отражать реальные отношения в обществе, истинную роль религии в жизни современного общества.

Говоря о необходимости изучения курса «Юридическое религиоведение» важно отметить:

- без изучения канонического права, выброшенного большевиками, курс истории государства и права России является неполным;
- юристы, студенты юридических вузов, совершенно не знакомы с историей государственно-религиозных отношений в нашей стране;
- как показали проведенные исследования, практически в каждом ныне действующем кодексе присутствуют нормы канонического права;
- активная роль церкви в жизни сегодняшнего общества ставит на повестку дня вопрос об изменении ст. 14 Конституции РФ как не отражающей реальные отношения в современном обществе.

Введение нового предмета, хотя бы в виде спецкурса, позволит закрыть брешь в истории государственно-конфессиональных отношений в нашей стране.



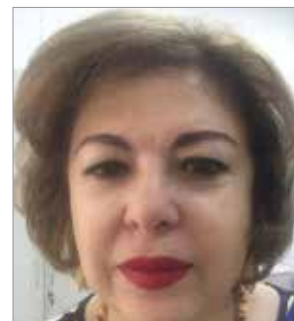
БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вологдин А. А.* История отечественного государства и права. — М. : Ustitia, 2015. — 719 с.
2. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
3. *Зюбанов Ю. А.* Христианские основы уголовного кодекса Российской Федерации: сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. — М. : Юстина ; Проспект, 2007. — 414 с.
4. *Погасий А. К.* Религия и право. — Казань : Меддок, 2008. — 195 с.
5. *Смыкалин А. С.* Каноническое право: на примере Русской православной церкви XI—XXI вв. — М. : Проспект ; Екатеринбург : ИД Уральского гос. юридического ун-та, 2016. — 394 с.
6. *Смыкалин А. С.* Очерки истории русской православной церкви. — Омск : Омская академия МВД России, 2007.
7. Христианское учение о преступлении и наказании / А. А. Тер-Акопов [и др.]. — М. : Норма, 2009. — 335 с.
8. *Тер-Акопов А. А.* Христианство. Государство. Право. — М. : Изд-во МНЭПУ, 2000. — 100 с.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИЦЕИСТИКИ В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье представлена авторская интерпретация роли и значения полицейистики в истории и теории юридической науки и в практике. Подчеркивается, что актуализация данной теории связана с современными идеями цифровизации в управлении как отдельными социальными группами, так и обществом в целом. Значимые в современный период проблемы реализации полномочий органами государственной власти и их должностными лицами, соблюдения баланса государственных и частных интересов, разграничения полномочий судебной и административной ветвей власти, реализации идеи общего блага, особая роль главы государства, изученные полицейистами, обуславливают актуальность анализа роли и значения полицейистики в истории и теории юридической науки и в практике.

Ключевые слова: юриспруденция, наука, история государства и права, теория полицейского государства и права, право, закон, государственные органы, власть, правопорядок, охранительная функция.



Надежда Иосифовна БИЮШКИНА,
профессор кафедры
теории и истории
государства
Национального
исследовательского
Нижегородского
государственного
университета
имени Н. И. Лобачевского,
доктор юридических наук,
профессор
asya_biyushkina1@list.ru
603022, Россия, г. Нижний
Новгород, просп. Гагарина,
д. 23

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.063-067

NADEZHDA I. BIYUSHKINA,

Professor, Department of Theory and History
of the State of the Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor
asya_biyushkina1@list.ru

23, Gagarin prosp., Nizhny Novgorod, Russia, 603022

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF POLICE STUDIES IN THE HISTORY AND THEORY OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Abstract. The article presents the author's interpretation of the role and significance of politics in the history and theory of legal science and practice. It is emphasized that the actualization of this theory is associated with modern ideas of digitalization in the management of both individual social groups and society as a whole. Significant in the modern period problems of the exercise of powers by state authorities and their officials, the balance of public and private interests, the separation of powers of the judicial and administrative branches of government, the implementation of the idea of the common good, the special role of the head of state, studied by the police, determine

© Н. И. Биюшкина, 2021

the relevance of the analysis of the role and significance of police studies in the history and theory of legal science and practice.

Keywords: *jurisprudence, science, history of state and law, theory of the police state and law, law, law, state bodies, power, law and order, protective function.*

В настоящее время основные положения теории полицейского государства и права являются одними из востребованных и актуальных в современной юридической науке. Проблема защиты основ правопорядка тесно связана с охраной прав и свобод граждан, успешным развитием общества и государства. Идеи цифровизации, подразумевающие установление всеобщего контроля и надзора за обществом, тождественны тенденциям, которые содержатся в положениях теории полицейского права и государства.

Немецкий полицейист Р. Мольте положительно оценивал приоритет государственных властных предписаний и запретов в вопросах, связанных с охранением правопорядка. При доминировании властных начал государства в сфере общественных отношений органы государственной власти обязаны соблюдать пределы частного пространства индивида¹. Реализация идеи общего блага как первостепенной цели развития общества и государства в противном случае является невозможной.

Развивая идеи Р. Моля, российский дореволюционный исследователь-полицейист И. Е. Андреевский акцентировал внимание на необходимости защиты основ правопорядка средствами и силами полиции². Судебная власть с ее достаточно разветвленной профессиональной правоприменительной системой не может в полной мере охранять основы правопорядка без участия полиции. Пристальное внимание И. Е. Андреевского было приковано к профилактике и борьбе полиции, направленной против преступных проявлений в поведении подданных³.

И. Е. Андреевский соотносил понятия «полиция», «полицейская деятельность», «полицейское право» с основными задачами и функциями государства. Он отмечал, «полицейская деятельность в узком смысле слова представляет собой деятельность государства, осуществляемую органами исполнительной власти — правительством, иными нижестоящими органами, в том числе органами самоуправления... Полицейская деятельность состоит из действий государственных и местных органов положительного характера и действий, имевших отрицательный характер и проявлявшихся в полицейском принуждении... Законы, регламентирующие обе группы действий, составляют основу полицейского права, а наука, их изучающая, — науку полицейского права»⁴.

¹ Мольте Р. Наука о полиции по началам юридического государства. СПб. : Типография В. И. Головина, 1871. С. 50.

² Андреевский И. Е. Репетиториум полицейского права. Харьков : Университетская типография, 1888. С. 38.

³ Андреевский И. Е. Репетиториум полицейского права. С. 57.

⁴ Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб. : Тип. В. В. Пятц, 1874. С. 2.

Стоит подчеркнуть, что «рассмотрение И. Е. Андреевским в качестве субъектов полицейской деятельности граждан, организаций и государственных органов, требование деятельности органов государства только в рамках закона способствовали формированию в отечественном правоведении основ административного права и обособлению знаний в этой сфере в науку административного права...»⁵.

Отечественные полицейисты, как и западноевропейские авторы, неоднократно подчеркивали исключительную роль органов государственной власти в охране правопорядка как инструмента для достижения всеобщего благоденствия. Вместе с тем, как полагал профессор, декан юридического факультета Московского университета И. Т. Тарасов, необходим судебный контроль за деятельностью административно-полицейских органов.

Исследователь характеризовал суд как государственный орган, наделенный властью применять принуждение, насилие в отношении лиц, нарушивших закон. Вместе с тем автор указывал, что правосудие в Российской империи находится в подчинении представителей высшей администрации и правоохранительных органов как в отдельно взятых губерниях и генерал-губернаторствах, так и в империи в целом.

По мнению И. Т. Тарасова, к отрицательным аспектам практической деятельности органов правосудия и правоохранительной системы относилось отсутствие каких-либо критериев разграничения полномочий между ними. В этой связи ученый-полицейист отстаивал необходимость разграничения полномочий судебной и административной ветвей власти, аргументируя эту позицию тем, что цели правосудия и полиции различны.

Аналогичная проблема находилась в поле зрения профессора А. И. Елистратова, полагавшего, что «административную юстицию не надо смешивать с теми случаями, когда судьей в делах управления выступает сама администрация»⁶. Право административного иска означает подчинение правящей власти судебному контролю. Действительность этого судебного контроля в смысле гарантии закономерности в государственном управлении последовательно обеспечивается обособлением органов этого контроля — органов административной юстиции — от органов самого управления.

С точкой зрения А. И. Елистратова солидаризировался российский государственный и политический деятель В. М. Гессен⁷. По мнению исследователя, административные органы при наличии особых обстоятельств могут осуществлять функцию правосудия, по общему правилу принадлежащую суду. И, наоборот, суд в ряде случаев имеет право на осуществление полицейских функций. Однако В. М. Гессен не мог назвать такую систему правосудия и управления оптимальной, а следовательно, и эффективной. В настоящее время

⁵ *Нижник Н. С.* Российская полицейистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 765.

⁶ *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. М.: Издание Г. А. Лемана, 1912. С. 301.

⁷ *Гессен В. М.* Лекции по полицейскому праву. СПб.: Издание студентов, 1907—1908. С. 50.



исследователи А. А. Поддубняк и Д. С. Аблаева⁸ видят решение проблемы соотношения полномочий судебной и административной ветвей власти в возрождении института следственных судей в уголовном судопроизводстве.

Одним из сторонников разграничения сферы компетенции полицейской и судебной ветвей власти являлся французский полицейист Н. Деламар. Характеризуя полицию и юстицию как «прерогативы королевской власти»⁹, исследователь отмечал, что они имеют разные сферы приложения. При этом ученый считал, что «общая полиция представляет собой исключительную компетенцию короля и обязана служить на общее благо»¹⁰. В своих политико-правовых взглядах Н. Деламар демонстрирует приверженность эвдемонистической идее, основанной на представлении об общем благе как цели государства. С его точки зрения, именно общему благу должны быть подчинены все функции государства. Соответственно, деятельность и судебных, и полицейских органов также должна быть подчинена общей цели.

Альтернативная точка зрения о соотношении административной и судебной ветвей власти принадлежит представителю немецкой полицейистики Ф. Шлейермахеру. Он справедливо полагал, что существуют «две основные власти в государстве...»¹¹, относя к ним исполнительную и законодательную власть. Исполнительная власть непосредственно представлена главой государства, а также реализуется им как лично, так и с помощью органов государственной власти.

Отсюда следует, что проблема разделения властей разрешается Ф. Шлейермахером посредством передачи законодательной и исполнительной власти в руки главы государства. Поэтому судебная ветвь власти является лишь объединением сущностных начал исполнительной власти. Суждения Ф. Шлейермахера отличаются от традиционного представления большинства как российских, так и зарубежных полицейистов о реализации принципа разделения властей.

Особое значение теория полицейского государства и права приобрела в связи с переходом российского общества и государства к цифровой модели развития. Функционирование национальной цифровой экономики, информатизация права обусловлены реализацией Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы. Кроме того, вся система российского правосудия в современный период переходит на цифровую основу, что должно привести к дальнейшей унификации правоприменительной практики. Это оказывает существенное влияние на трансформацию процессуального права и требует детального осмысления.

Роль и значение полицейистики в истории и теории юридической науки и практики во многом обусловлены многоплановой деятельностью полиции, реализующей охранительную функцию государства. Такие авторы, как И. Е. Андреевский, Н. Н. Белявский, Р. Моль, Ф. Шлейермахер, Н. Деламар, В. М. Гессен,

⁸ Поддубняк А. А., Аблаева Д. С. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 179—184.

⁹ Деламар Н. Исследование парижской полиции при Людовике XIV. Париж : Ларусс, 1974. С. 60.

¹⁰ Деламар Н. Указ. соч. С. 60.

¹¹ Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи / пер. с нем. С. Л. Франка. М. : Русская мысль, 1911. С. 38.

А. И. Елистратов, И. Т. Тарасов, В. Ф. Дерюжинский, указывали на особое значение охранительной функции государства, проявляющейся в поддержании основ правопорядка и законности.

Проблема разграничения полномочий судебной и административной ветвей власти была решена полицейистами посредством установления критериев и правил определения подведомственности. Особая роль главы государства обосновывалась сложностью и многогранностью его правового статуса в системе не только правовых и политических, но и общественных отношений. В целом «необходимость установления надежного государственного порядка заставляла властвующие массы превращать свою силу в право»¹².

Актуализация таких положений теории полицейского права и государства, как тотальный государственный контроль и надзор в отношении общества, связана с современными идеями цифровизации публично-правовых отношений таких сфер деятельности государства, как правосудие, полицейская система, экономическая деятельность. Именно проблема установления всеобщего надзора и контроля неоднократно разрабатывалась зарубежными и отечественными учеными-полицейстами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреевский И. Е.* Полицейское право. — СПб. : Тип. В. В. Пратца, 1874. — 648 с.
2. *Андреевский И. Е.* Репетиториум полицейского права. — Харьков : Университетская типография, 1888. — 165 с.
3. *Гессен В. М.* Лекции по полицейскому праву. — СПб. : Издание студентов, 1907—1908. 195 с.
4. *Деламар Н.* Исследование парижской полиции при Людовике XIV. — Париж : Ларусс, 1974. — 828 с.
5. *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. — М. : Издание Г. А. Лемана, 1912. — 332 с.
6. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
7. *Моль Р.* Наука о полиции по началам юридического государства. — СПб. : Типография В. И. Головина, 1871. — 314 с.
8. *Нижник Н. С.* Российская полицейистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. — 2015. — № 6. — С. 764—786.
9. *Поддубняк А. А., Аблаева Д. С.* Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). — № 1. — С. 179—184.
10. *Тарасов И. Т.* Учебник науки полицейского права. — М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. — 364 с.
11. *Шлейермахер Ф.* Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи / пер. с нем. С. Л. Франка. — М. : Русская мысль, 1911. — 390 с.

¹² *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 23.





**Эмма Файсаловна
ШАМСУМОВА,**

доцент кафедры истории
государства и права
Уральского
государственного
юридического
университета,
кандидат юридических
наук, доцент
emmanuel@mail.ru
620034, Россия,
г. Екатеринбург,
ул. Колмогорова, д. 54

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ КАК НАУКИ (XV — КОНЕЦ XIX В.)

Аннотация. В настоящее время значительное число публикаций посвящено исследованию почерковедения, в том числе с историко-правовых позиций, однако это не исчерпывает дискуссий по целому ряду вопросов. В их числе — определение науковедческих линий, периодизация становления почерковедческой практики, основанная на конкретных юридических спорах. В статье показано, когда и кем были предприняты попытки определения места почерковедения в системе знания. Целью предпринятой работы, кроме прочего, является попытка объективно оценить то, что определение и восприятие почерковедения как науки столь же важно, как и понимание почерковедения как вида деятельности, ибо научная составляющая служит прогрессу в развитии необходимых техник и технологий в почерковедении.

Ключевые слова: почерковедение, почерк, наука почерковедение, «спичение» письма, подделка документов, история почерковедения, судебная практика, юридическое оформление, наука, судебный процесс.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.068-077

EMMA F. SHAMSUMOVA,

Associate Professor, Department of History of State and Law
of the Ural State Law University,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
emmanuel@mail.ru
54, ul. Kolmogorov, Yekaterinburg, Russia, 620034

ON THE FORMATION OF GRAPHOLOGY AS A SCIENCE (15TH — LATE 19TH CENTURIES)

Abstract. Currently, there are a significant number of publications devoted to the study of handwriting, including from historical and legal positions, but this does not exhaust discussions on a number of issues. Among them—the definition of scientific lines, the periodization of the formation of handwriting practice, based on specific legal disputes. The article shows when and by whom attempts were made to determine the place of handwriting in the system of knowledge. The purpose of this work, among other things, is an attempt to objectively assess the fact that the definition and perception of handwriting as a science is just as important as the understanding of handwriting as an activity, because the scientific component will serve to progress in the development of the necessary techniques and technologies in handwriting.

Keywords: *handwriting, handwriting, science handwriting, "comparison" of letters, forgery of documents, history of handwriting, judicial practice, legal registration, science, trial.*

В настоящее время все отношения и в нашем государстве, и в мире устроены таким образом, что существуют области финансируемые и «самодостаточные», т.е. обеспечивающие сами себя. При этом такое направление, как научное, относится к первой области и становится довольно популярным, что небезосновательно, поскольку именно выработанные наукой методы и технологии способны определять направления совершенствования конкретного вида деятельности.

Весьма неоднозначной видится позиция, сводящаяся к отсутствию в современных исследованиях интерпретации почерковедения как науки. Коллеги, юристы-криминалисты, чаще анализируют вопросы о предмете, объекте, месте в системе криминалистического знания, нежели о научном обосновании. При этом научные знания необходимы для верной дифференциации тех же видов экспертиз, проводимых в отношении одного объекта: «Рукописная подпись может являться непосредственным объектом исследования судебно-почерковедческой, судебно-технической экспертизы или их комплекса, а также комплексной судебно-почерковедческой, судебно-технической и компьютерно-технической экспертизы»¹.

Обращаясь к современной специальной литературе по криминалистике, невольно обнаруживаешь многообразие интерпретаций понятийного аппарата «почерковедения», содержания его предмета, определения места в структуре криминалистики и криминалистической технике. Д. С. Коровкин и Н. В. Чернушенко отмечают, что без должного углубленного изучения остались вопросы, связанные с теоретическими положениями судебного почерковедения и исследованиями измененных почерков². Примечательно то, что формулировка «почерковедение как наука» при этом не встречается, в отличие от графологии (близкой к почерковедению).

Однако, на наш скромный взгляд, если познание есть процесс исторически прогрессирующего явления, в основе которого лежит общественная, историческая, юридическая практика, то оно претендует на результат, т.е. на знание, формирующее научную составляющую. Прикладные науки могут развиваться только на практике, которая не может быть беспочвенной, поэтому необходимо установить те научные закономерности, которые убедительно доказывают связь письма — почерка с его субъектом.

В процессе становления почерковедения письмо имеет (и имело) значение лишь тогда, когда оно обличено в форму юридического документа (акта, договора, завещания) и связано необходимостью его исследования по факту подделки

¹ Жижина М. В. Тактико-методические основы следственного осмотра и назначения экспертизы в отношении документа на бумажном носителе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 130.

² Коровкин Д. С., Чернушенко Н. В. Понятие и предмет судебного почерковедения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 136—138.



(создания фальшивого документа или внесения изменений в существующий в корыстных целях).

Истоками почерковедения можно считать судебную практику XV—XVI вв. по делам о подделке юридических документов (в частности, купчих грамот). Именно она (судебная практика) подтолкнула к глубокому изучению почерковедения как науки. А обобщение накопленного опыта вполне может способствовать разработке теоретических, методологических и технических проблем.

Несомненно, коль скоро речь идет о становлении, то важными аспектами становятся хронологическая последовательность, определяемая периодизацией, а также выявление традиций, сложившихся в процессе эволюции исследовательских практик.

Любое научное знание имеет свой предмет, объект, методы исследования. В основу почерковедения положено письмо (знаковая система фиксации речи). Именно письмо позволило человеку передавать свои мысли и знания другим, оформлять свои чувства и желания. Письмо (с момента своего появления) выступает не только средством общения, но и бесценной возможностью накопления, хранения и передачи знаний, способной пройти сквозь пространство и время. Письмо в его определяемой форме (более-менее упорядоченной), возникло примерно 5—6 тыс. лет назад, и ныне история разделов филологической науки, изучающих письмо, весьма обширна.

Прежде всего важно четко выделить, что в качестве объекта исследования будет выступать письмо, состоящее из письменной речи и почерка, который, в свою очередь, делится на текст и краткие записи и, соответственно, подписи, или рукописный текст, но только имеющий юридически значимый характер.

На ранних этапах развития общества и письменности (XIV в.) с юридической точки зрения происходит фиксация главным образом договорных отношений. Здесь в качестве основы, или предмета, исследования выступают источники права и судебная практика:

- Псковская судная грамота, которая закрепляет обязательную письменную форму для отдельных договоров;
- акты, относящиеся до юридического быта древней России (1838 г.)³. Акты касаются в основном частных дел, их многочисленность и разнообразие свидетельствуют об их значимости в Древней Руси и позволяют нам на конкретных примерах судебной практики точно определить, когда именно появляются предпосылки почерковедения. Кроме того, они дают возможность наглядным образом изучать процедуру производства по делу того периода, понятия о

³ Сбор материалов осуществлялся Археографической комиссией не только из библиотек (Публичной и Академии наук в Санкт-Петербурге, Московской синодальной), из Государственного архива старых дел, из Московского Главного архива Министерства иностранных дел, но и из множества фамильных архивов (А. С. Танеева, А. С. Уварова, С. Д. Дохтурова, К. Д. Кавелина, Н. Г. Головин и др.). В Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией (1841 г.), вошли события, описанные такими летописцами, как Нестор, игумен Даниил, Дорофей Турский, Епифания, Георгий, Радован, Евсевия Панфила, Павел Самосатине, Патерик Печерский и др.

праве, юридические приемы и способы, применяемые по делу в то время, а также оценивать соотношение требований законодательства и практики.

Так, уже в XV в. определяется переход от фиксации (рукописания) текста (обычного составления письменного документа, соответствующего упомянутой Псковской судной грамоте) к составлению несуществующего документа с целью получения каких-либо благ. Например, датированная 1485 годом правая грамота по спорному делу между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Южной волости о пустошах, где от Великого князя Всея Руси судили судьи Михаил Дмитриевич, сын Шапкина; Иван Голова, Семенов сын; Захар, Микулин сын. От монастыря — старец Кирил, а от крестьян Южной (Южские) волости — Салтык да Висл, дети Трушневы. После исследования грамот да показаний послухов Кирила обвинили, поскольку представил несуществующую грамоту, а пустоши в Южной волости присудили крестьянам⁴.

В самом начале XVI в. уже появляется первый метод зарождавшегося почерковедения: сличение (сравнительное исследование образцов почерка, осуществляемое дьяками с учетом давности, внешнего вида и реквизитов документа), которое также сопровождается свидетельством послухов. Сличение осуществлялось дьяками, поскольку именно они обладали специальными знаниями об элементарных навыках письма.

Рассмотрим это подробнее на примерах судебной практики.

Первое дело: 15 апреля 1508 г. от великого князя Василия Ивановича Всея Руси судил Дмитрий Владимирович дело об отчуждении от княгини Анны Кемской (супруги покойного Федора, дяди Даниила и Давида) села Гридинского с деревнями в пользу князей Даниила и Давида Кемских. Суть дела: Князь Федор Кемский при жизни продал «свою отчину, Кодобои, селцо Гридинское, с деревнями (Починок, Тонково, Билбякино, Трофимово, Высокое, Наливкино) и с пустоши (Патрекеево, Кузнецово, Погорелое, Тропино) с лесы и с пожнями» и купчую составил собственноручно при послухах (свидетелях) князе Иване Давыдовиче и князе Афонасеи Давыдовиче.

Факт продажи княгиня Анна отрицала, в суде от нее выступал ее человек Тимошка, который заявлял, что князь Федор тех сел не продавал, а «купчая лживая, не княж Федорова рука». На что судья (Дмитрий Владимирович) велел сторонам послухов привести, поскольку князь Иван помер. А князь Афонасей прислал своего человека Оладью с запиской (с печатью), в которой подтверждал, что Федор писал купчую собственноручно, да отправил деловую грамоту, также написанную рукою Федора, отмечая: «и будеть, господине, та грамота съ тою купчею одна рука, и мы, господине, в той купчей послуси». Помимо деловой грамоты, была представлена купчая, написанная князем Иваном (для подтверждения его подписи).

От княгини Анны Тимошка тоже представил «запись руки Федора». Все документы были переданы великого князя дьякам: «И диаки смотрив сказали, что та купчаа и деловая и запись, все трое рука одна». (После чего судья сообщил великому князю Василию Ивановичу Всея Руси, который при боярах своих

⁴ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1838. С. 4—7.



присудил князьям Даниилу и Давыду их землю согласно купчей, а княгиню Анну велел обвинить.⁵⁾

Второе дело: 13 августа 1547 г. судил великий князь Иван Васильевич всея Руси по спору о половине села Граворонова, заложенной Ивану Шереметеву князем Андреем Ноздроватым. Суть дела: Иван Васильевич Шереметев рассказал о том, что князь Андрей Петрович Ноздроватый заложил ему (Шереметеву) отчину свою половину села Граворон в кабалу «в полутретьесте рублех» (250 рублей) в Коломенском уезде на реке Коломне. А нынче князья Юрий и Василий Токмаковы «на подворье у себя нарежают (наряжают) съ подпизыки кабалы выкупные и записи нарядные, что будто у меня ту половину села Граворон выкупили, а они, Государь, мне денег за ту отчину не плачивали и кабалы не выимывали: та, Государь, кабала, по которой яз живу в том селе, и сегодня у меня...»^{6).}

Затем человек Шереметева Олешка с приставом и недельщиками направился к Токмаковым и при участии понятых был обнаружен Власко (Иванович), в изголовье которого лежало письмо и в ногах чернила да фляга вина. Олешка с понятными письмо изъяли и доставили на суд. В процессе судебного следствия было установлено (путем привлечения свидетелей), что Власко является вором и «подпизык», да и в пытках он признался, что он кабалу (обнаруженную Олешкой) писал. Упуская иные подробности дела, отметим, что в итоге подделка купчей была доказана множеством свидетельских показаний и исследованием письменных документов (купчих), соответственно, Шереметев получил правую грамоту, а Токмаковы и Ноздроватый обвинены с выплатой всех судебных пошлин.

В середине XVI в. и далее происходит юридическое оформление данного явления, и в законодательстве появляется ст. 59 Судебника 1550 г., в которой выделяется такой вид должностного преступления, как «подписка» — подделка письменного документа). И это не случайно, на примерах видно, что такая необходимость сформировалась и была продиктована практикой.

В Соборном уложении 1649 года в главе IV «О подпизыках, и которые печати подделывают» наблюдается расширение возможностей преступников — речь идет о подделке не только документов, но и печатей. Именной Указ от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади и о потребном числе свидетелей для крепостных актов»⁷⁾ предписывал, что при возникновении спора и челобитных о лживых крепостях они подлежат рассмотрению в Поместном приказе, где розыск и свидетельство возможны только приказными (служащими Поместного приказа) дьяками и подьячими, а не площадными подьячими, как было предписано в Уложении и новоуказных статьях по спорному челобитью по купчим, по закладным и по записям. А равно следовало писать купчие, закладные, поступные, сделочные и всякие крепости в Поместном приказе, да вместо

⁵⁾ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. С. 25—27.

⁶⁾ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб. : Изд-во Императорской академии наук, 1857. Т. 1. № 52. С. 192—214.

⁷⁾ Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. № 1732. С. 678—679.

послухов должны быть свидетели (люди добрые и знатные в больших делах), причем количество зависит от суммы: иск на 100 и 200 рублей — 2—3 свидетеля, свыше — 3, 4, 5 и более.

Все свидетели подписывают документ, а дьяк, помимо этого, делает запись в специальную книгу (где все по сделке описывает). Указ устанавливает сроки для оформления в разрядах и воеводами. Можно сказать, что так предпринимается попытка детально регламентировать процедуру заключения какой-либо сделки во избежание подделок письменных документов.

Таким образом, краткий анализ судебной практики и формирования нормативно-правовой базы во второй половине XVI и XVII в. позволяет определить в почерковедении донаучный или интуитивно-практический период, продолжавшийся до конца XIX в., где сличение как метод сохраняется, но уже вызывает сомнения и осуществляется более широким кругом сведущих лиц (учителями, типографами и др.). Все это предшествовало становлению научной мысли в почерковедении.

Впервые термин «почерковедение» и почерковедение как наука были сформулированы и подробнейшим образом проанализированы Евгением Федоровичем Буринским в его исследовании «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособие для судей, судебных следователей, лиц прокурорского надзора, поверенных, защитников, судебных врачей и графических экспертов». Определяя неразрывную связь человека с его почерком, отмечал, что почерковедение должно стать «одной из отраслей антропологии»⁸.

Евгений Федорович, исследуя признаки индивидуальности почерка, предпринимал попытки определения места почерковедения в системе знания: «Этой отрасли знания суждено, без всякого сомнения, сделаться когда-нибудь одной из важнейших отраслей антропологии, не менее важной, по крайней мере, чем антропометрия, с которой почерковедение тесно связано»⁹.

Учитывая, что арсенал (т.е. данные и материалы) почерковедения, характеризуются точностью и измеряемостью, то оно (почерковедение) претендует на доказуемость как элемент обоснования научности, ведь наука служит решению прикладных проблем. К задачам почерковедения Е. Ф. Буринский относит обнаружение взаимодействия «между деятельностью органов, производящих письмо» и результатом этой деятельности — почерком.

Почерковедение, по его мнению, имеет больше прав называться наукой, нежели многие другие знания, признанные как научные. Опираясь на примеры процесса становления таких наук, как астрономия, химия, физиология, психиатрия, невропатология, статистика, и анализируя Миттермайера, Гете, Лафатера, он с совершенной очевидностью приходит к разграничению психографологии (которая рассматривается с конца, т.е. сначала изучается результат, поэтому и не достигает своей цели) и почерковедения — физиографологии (в которой сначала изучается

⁸ Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. СПб. : Типография СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. С. 177.

⁹ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 177.



механизм письменно-двигательного аппарата, происхождение письменной речи и происходит анализ отображения этого аппарата в «акте писания»)¹⁰.

В обоснование своей позиции Е. Ф. Буринский выделял следующие признаки почерка:

- наследственность — акцентируется внимание на то, что в истории развития нормальных и патологических особенностей человека наследственность имеет, по общему убеждению антропологов, главенствующее значение: «Передача путем наследственности нормальных и аномальных особенностей как соматического, так и психического характера должна находить свое графическое выражение в почерке, который всецело зависит от этих особенностей и ими совершенно определяется, в чем легко убедиться даже при поверхностном знакомстве с произведенными уже точнейшими исследованиями механики письма»¹¹;
- врачебно-диагностическое значение почерка — наличие взаимосвязи между нервно-мозговыми заболеваниями и нарушениями обычного вида почерка. Вместе с тем здесь наблюдается проблема: исследования подобного рода должны носить клинический характер, однако большое количество поступающих больных безграмотны, с одной стороны, а с другой — и сами врачи, будучи образованными, не стремятся к исследовательским выводам... Вероятно, выделяя такой признак, автор предполагал возможность системного анализа и наблюдения изменений почерка в зависимости от конкретного заболевания. Выявление какой-либо закономерности могло бы дать материал для определенных умозаключений и обнаружения взаимозависимостей;
- компетентность лиц, привлекаемых к производству исследования почерка — ошибочность действий судебных органов в том, что они не привлекают судебных врачей к графической экспертизе. У юристов нет математической и естественно-научной подготовки, в связи с чем они боятся заключений экспертов, над которыми нужно думать и которые «требуется уразумевать». Е. Ф. Буринский подчеркивал: «Очевиднейшая нелепость — привлечение учителей чистописания или типографов к исследованию болезненных почерков, нелепость, очень хорошо сознаваемая самими следователями и судьями, не мешает и до сих пор держаться этого дикого обычая ради его удобства в отношении формальном»¹²;
- историческая значимость — исследование древних и древнейших документов. Е. Ф. Буринский, ссылаясь на доктора Кервалаля, утверждал: «Раскопки в почерках дадут не меньше исторического материала, чем раскопки в курганах»¹³. Он лично провел комплексное исследование, в результате которого восстановил текст документа XIV в.¹⁴ Безусловно, здесь приоритетное

¹⁰ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 182.

¹¹ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 182—183.

¹² Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 184—185.

¹³ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 185.

¹⁴ Кругляк С. А. Роль Е. Ф. Буринского в становлении и развитии отечественного технико-криминалистического исследования документов // Энциклопедия судебной экспертизы. 2013. № 2. С. 5—20.

значение имел именно метод цветоделения фотографического снимка, но именно «фотография» легла в основу всех последующих методов исследований почерка.

Рассмотренные признаки, вероятно, носят весьма условный характер, и с современной точки зрения являются несколько наивными, однако они с абсолютной очевидностью показывают, что почерковедение нуждается в научном осмыслении, рефлексии и специальной подготовке в рамках образования. Наглядно то, что врачи, педагоги, антропологи, археологи и представители других профессий занимаются почерком (в конце XIX в.) лишь для решения задач, определенных их специальностью. «Чем глубже зарываешься в эту работу, тем больше убеждаешься, что в почерке — весь человек, со всеми его физическими и духовными свойствами. Трудно поверить, между одним из элементов почерка и кривизной носа пишущего или постановкой его ушей существует вполне определенная связь, и притом такая, какая может быть выражена математической функцией, математическими знаками!»¹⁵

Е. Ф. Буринский в 1901 и 1902 гг. ездил в Германию, Францию, Бельгию, Австрию и Италию и лично убедился, что судебная экспертиза документов находится в этих странах на том уровне, на каком она была в России до 1889 г. Как в начале, так и в завершении главы «Почерковедение как наука» он с глубоким сожалением констатирует факт отсутствия монографий, статей (за исключением газетных и журнальных очерков) и сочинений, которые можно было бы признать попыткой сбора и систематизации материалов по почерковедению. Напротив, отдельные ученые, среди которых, например, Эдуард Озенбрюгген (российский и швейцарский ученый, профессор Дерптского университета, профессор и ректор Цюрихского университета, доктор философии)¹⁶, высказывались о высокой степени осторожного отношения к «сличению почерков». Так, в статье «О сличении почерков» профессор Озенбрюгген отмечал, что сличение почерков не есть искусство или наука, оно «как это бывает при химических исследованиях, опираясь на твердые основания, могло бы дать неопровержимые результаты... оно должно быть употребляемо с величайшей осторожностью»¹⁷.

Таким образом, первое в России (да и в Европе) научное исследование в области почерковедения проведено в конце XIX — начале XX в. не ученым для своих современников, а фотографом, экспертом-практиком Евгением Федоровичем Буринским. Очень жаль, что ни научные труды («Судебная фотография» (1892), «Порядок проверки подлинности письменных актов при спорах о подлогах» (1892), «Записка об усовершенствованиях, доступных в фотографии» (1896), «Подделка почерка и симуляция подделки» (1898), «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею» (1903), ни его экспертная деятельность не получили признания. Например, А. А. Громов, издавший в 1912 г. книгу «О судебной

¹⁵ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 189.

¹⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. Т. 1 / ред. Г. В. Левицкий. С. 524—527.

¹⁷ Озенбрюгген Э. О сличении почерков // Юридический вестник: издание Московского юридического общества. 1867—1868. Кн. 2. С. 83.



фотографии», вовсе не упоминал о работах Е. Ф. Буринского, а отмечал лишь заслуги А. Бертильона и других зарубежных криминалистов, благодаря которым «репутация фотографической экспертизы документов установилась прочно и результаты этой экспертизы были поразительны»¹⁸.

Евгений Федорович определял: «Наука о почерках находится еще в зачаточном состоянии и не получила до сего времени официального признания. Представитель этой отрасли знания лишен возможности ссылаться на положения, выработанные и установленные наукой, или опираться на мнения авторитетных ученых, как делают это, например, судебные медики»¹⁹, поэтому исходил из анализа сопричастных областей знания, но главным образом, медицины.

Можно сказать, что исторически наука почерковедение берет свое начало в первые годы XX столетия и связана с именем судебного фотографа, почетного члена Русского фотографического общества, судебного эксперта Е. Ф. Буринского, который, не имея особого или специального образования, а только лишь за счет самообразования и опыта практической деятельности достиг высокого уровня научной мысли. Анализ широкого круга работ российских и зарубежных авторов различных сфер знания: философии, антропологии, астрономии, химии, медицины и других — свидетельствует о высокообразованности, добросовестности трепетного исследователя Евгения Федоровича Буринского.

Почерковедение как наука, исторически сложившаяся из судебной практики система знаний, применяется с целью установления истины по юридическому делу, где объектом выступает «рукописание», имеющее свою графическую технику; с целью выявления закономерности формирования и изменчивости функционально-динамического комплекса навыков писца; ее методы и методики (от каллиграфических, инструментальных и иных) способны постоянно совершенствоваться, соответствуя развитию техник и технологий.

Поэтому в качестве критерия для периодизации представляется возможным применить именно техники анализа письма:

- начальный (интуитивный) (XV—XIX вв.), характеризуемый сличением внешних признаков; и
- с 1894 по 1917 г. — фотографический, характеризуемый математической точностью.

Руководствуясь общепризнанными критериями научности знания, такими как теоретическая обоснованность, предполагающая наличие предмета, объекта, методов и целей научного знания; системность, проявляющаяся в системе знаний и наличии взаимосвязанных между собой фактов; механизм получения новых знаний, который кроется в развитии техники и технологиях исследования; рациональность и логика исследования и, наконец, возможность проведения исследовательских экспериментов, мы приходим к выводу о состоятельности почерковедения как науки.

¹⁸ Громов А. А. О судебной фотографии: краткое руководство для чинов полиции и следственных властей, сост. по лекциям проф. Лозанск. ун-та Р. Рейса. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. С. 8.

¹⁹ Буринский Е. Ф. Указ. соч. С. 20.

Определение и восприятие почерковедения как науки столь же важно, как и понимание почерковедения как вида деятельности, ибо без науки нет прогресса, а значит, нет и самой жизни. Развитие необходимых техник и технологий — важнейшая задача современной науки почерковедения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб. : Изд-во: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. — 509 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб. : Изд-во Императорской академии наук, 1857. — Т. 1.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902). — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. — Т. 1 / ред. Г. В. Левицкий. — 674 с.
4. *Буринский Е. Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. — СПб. : Типография СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. — 352 с.
5. *Громов А. А.* О судебной фотографии: краткое руководство для чинов полиции и следственных властей, сост. по лекциям проф. Лозанск. ун-та Р. Рейса. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. — 52 с.
6. *Жижина М. В.* Тактико-методические основы следственного осмотра и назначения экспертизы в отношении документа на бумажном носителе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2. — С. 124—131.
7. *Коровкин Д. С., Чернушенко Н. В.* Понятие и предмет судебного почерковедения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 2 (74). С. 136—139.
8. *Кругляк С. А. Роль Е. Ф. Буринского* в становлении и развитии отечественного технико-криминалистического исследования документов // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2013. — № 2. — С. 5—20.
9. *Озенбрюгген Э.* О сличении почерков // Юридический вестник: издание Московского юридического общества. — 1867—1868. — Кн. 2.





**Аркадий Владимирович
КОРНЕВ,**

заведующий кафедрой
теории государства и
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук,
профессор,

avkornev@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ (ИСТОЧНИКИ) В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ¹

Аннотация. *Историография политических и правовых учений в качестве главного предмета исследования пытается ответить на вопрос: как изучались государственно-правовые институты фактически с момента их зарождения. В этом смысле история политических и правовых учений является историей теории государства и права, поскольку она отражает различные формы теоретического знания. Настоящая статья посвящена жанровым формам (источникам), в которых мыслители различных исторических эпох выражали свое отношение к праву, государству, власти и другим, близким к ним явлениям и институтам. Слово «жанр» используется намеренно в силу того, что о политических и правовых категориях нередко писали в свободном стиле, что роднит различные источники с литературными произведениями. Жанры (источники) отражают эволюцию политических и правовых учений — от религиозных текстов и мифов древности до диссертационных и монографических исследований современного периода развития юридической науки.*

Ключевые слова: государство, диалог, диссертация, жанр, источник, право, монография, миф, наука, памфлет, письмо, право, статья, трактат, утопия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.078-090

ARKADY V. KORNEV,

Head of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr Sci. (Law), Professor

avkornev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

GENRE FORMS (SOURCES) IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Abstract. *The historiography of political and legal doctrines as the main subject of research tries to answer the question: how were state and legal institutions studied in fact from the moment of their inception. In this sense, the history of political and legal doctrines is the history of the theory of state and law, since it reflects various forms of theoretical knowledge. This article*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

is devoted to genre forms (sources) in which thinkers of different historical eras expressed their attitude to law, state, power and other phenomena and institutions close to them. The word "genre" is used deliberately due to the fact that political and legal categories were often written in a free style, which makes various sources related to literary works. Genres (sources) reflect the evolution of political and legal doctrines — from religious texts and myths of antiquity to dissertation and monographic studies of the modern period of development of legal science.

Keywords: *state, dialogue, dissertation, genre, source, law, monograph, myth, science, pamphlet, writing, law, article, treatise, utopia.*

Без всякого сомнения, наиболее истинным в истории является не то, что она повествует, а то, что она мыслит, что она воображает, что она измышляет.

П. Я. Чадаев

Для историографии истории политических и правовых учений жанровая форма, которая использовалась и продолжает использоваться для изложения политических и правовых идей, не имеет принципиального значения. Жанр — менее обязывающая категория с научной точки зрения, чем форма. И тем не менее этот термин можно использовать. Конечно, жанровые формы ближе к такой сфере общественного сознания, как искусство. Швейцарский психолог, психиатр и культуролог Карл Густав Юнг заметил: «Искусство по самой своей природе не является наукой, и наука по своей природе — не искусство; обе эти сферы мышления имеют в себе нечто такое, что присуще только им и может быть объяснено их внутренней логикой».²

Мысль любопытная, тем более, что она принадлежит основателю аналитической психологии, одного из направлений психоанализа. Особенно в контексте проблематики статьи.

Учебный курс, наука в различные исторические периоды назывались по-разному: история философии права, история политических учений, история политических и правовых учений, история учений о праве и государстве. Классика жанра — Б. Н. Чичерин «История политических учений» (в 5 т. М., 1869—1902).

Ранее политические и правовые идеи развивались в рамках философии. Сама же философия никогда не имела неизменного объекта, предмета и содержания. Возникнув после математики, философия являла собой любовь к мудрости. На вопрос, кто он такой, Пифагор ответил: «философ», что значит «любомудр». Жизнь, говорил он, подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни иные, подобно рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины³.

² Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. Киев, 1996. С. 10.

³ Лазертский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 309.



Философия со временем стала включать физику, логику, риторику, биологию. В силу закономерностей своего развития отрасли научного знания затем стали отпадать от философии, сформировав собственный предмет и объект исследования.

Если следовать мысли «отца-основателя», то философом может быть всякий, кто ищет истину или просто тянется к мудрости. Именно по этой причине слово «философия» применяется практически ко всем явлениям, вещам, процессам, действиям. Можно, например, услышать такие выражения, как: «философия реформ», «философия правотворчества», «философия наказания», «философия искусства», «философия питания» и проч. Каких только «философий» не существует! Но все это далеко от философии истинной. Хотя и на этот счет существует много различных мнений.

Философия, как ранее считалось, является наукой о всеобщих закономерностях, которым подчинено как бытие (природа и общество), так и мышление⁴. Философию называют общественным сознанием, наукой, мировоззрением. И даже искусством. Именно в этом контексте можно использовать слово «жанр». Если обратиться к истокам зарождения политической и правовой мысли, то мы увидим, что рассуждение о государстве, власти, праве велось в довольно свободной манере, весьма далекой от современных тенденций. Некоторые авторы сегодня порой так усложняют проблему или вопрос, имеющий очевидный или даже банальный характер, что не совсем понятно, что он своими излишне «учеными» размышлениями хотел сказать. А вот в прежние времена формы изложения политических и правовых учений скорее тяготели к сфере искусства, нежели науки.

Строго говоря, философия вообще, так же, как и социология, в настоящее время явно испытывает трудности самоидентификации. Хотя бы понятно, чем занимаются отраслевые социологии, например социология права или социология организации. В узком сегменте всегда легче открыть закономерности и описать то или иное явление. Но есть ли общие закономерности, которые присущи всем сферам социума и обществу в целом? Тем более, что некоторые социологи ввиду невозможности, как они говорят, дать определение обществу, которое включало бы все его подсистемы, вообще призывают отказаться от этой категории.

То же самое мы можем наблюдать и в области философии, если таковая (область, предмет) существует. Некоторые российские философы говорят о том, что к природным и социальным системам нельзя применять одни и те же принципы, законы и категории, например, диалектики. Да и саму диалектику сейчас перестали жаловать. Вспоминают, что отец диалектики Гераклит еще при жизни удостоился прозвища «Темный».

Применительно к «отраслевым» философиям ясности явно больше. Никаких вопросов не возникает, когда читаешь: «Предметом философии науки являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте»⁵.

⁴ Философский словарь. М., 1980. С. 390.

⁵ *Степин В. С.* История и философия науки. М., 2014. С. 8.

Кстати, такое определение предмета философии науки представляет интерес и для историографии истории политических и правовых учений. Историография в самом общем виде отражает процесс познания политического и правового в самом широком смысле этого слова. Иными словами, она отвечает на вопрос: как, каким образом изучались политические и правовые учения. И в этом контексте «закономерности и тенденции научного познания» как раз, что называется, к месту.

Жанром в искусстве обычно называют общность художественных произведений, складывающуюся в процессе исторического развития искусства на основе их самоопределения по предметному смыслу в результате взаимодействия гносеологической (познавательной) и аксиологической (оценочной) функции художественной деятельности.

Без Античности не было бы никакой европейской цивилизации. Это очевидный факт. Мало кто знает, что Платон начинал свою жизнь не как философ, а как драматург. Фактически в двадцатилетнем возрасте он был автором нескольких произведений, по которым были поставлены спектакли в афинских театрах. Сейчас трудно гадать, как сложилась бы его судьба, если бы он остался в искусстве. Во всяком случае, начало творческой деятельности было успешным и многообещающим. Встреча с Сократом изменила все. В театрах древнегреческих городов-полисов ставились спектакли, в которых зрители могли наблюдать натуралистическое изображение власти, права, суда, наказания и проч.

Интерпретация слова «жанр» в литературоведении может быть использована и в историографии политических и правовых учений. Литературные жанры представляют собой исторически складывающиеся группы литературных произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных форм. По форме литературные произведения могут быть новеллами, одами, романами, эссе и т.д. По содержанию они могут представлять собой комедию, фарс, трагедию, драму и проч. Наряду с формой и содержанием, выделяют также и род литературного произведения — баллада, миф, былина и др.

Применительно к истории политических и правовых учений мы также можем говорить об исторически складывающихся жанрах (источниках), в которых мыслители различных исторических эпох изложили свое видение права, государства, закона, демократии и других институтов. Тем более, что осмысление государства и права как своеобразного ядра истории политических и правовых учений начинается фактически с момента их зарождения. В этом смысле мы можем констатировать фактически одновременное рождение политической и интеллектуальной истории. История политических и правовых учений вообще и конкретной страны в частности обычно разделяется на периоды. И каждый период характеризуется преобладанием той или иной жанровой формы (источника).

Историю политических и правовых учений еще не так давно изображали как восходящую линию, постоянно увеличивающую «научную и прогрессивную» составляющую. А с выходом на авансцену исторического материализма и вовсе стали считать, что все, что написано ранее о праве, государстве, собственности, демократии и других институтах, подлинно научным быть не может. Некоторые авторы якобы только «приблизились» к их научному осмыслению.

Сегодня такая точка зрения доминировать явно не может. Современный человек, к услугам которого огромное количество информации, вряд ли может



претендовать на то, что он понимает в окружающем его мире больше, чем античный мудрец, к примеру. По всей видимости, все ровно наоборот. Не стоит думать, что если общество овладело современными технологиями, то мы являемся более развитыми и гармоничными. Человек Античности стремился к знаниям, к постижению истины, одновременному развитию тела и духа. Официальная регистрация Олимпиад началась в 776 г. до н.э., а в 5 в. до н.э. Олимпийские игры достигли своего расцвета. Сами Игры представляли собой синтез духовной и воинско-атлетической практик. Легендарный Пифагор с Самоса был олимпийским чемпионом по боксу. В разные времена Олимпию посещали и выступали перед публикой Фалес, Анаксагор, Сократ, Платон, Аристотель, Геродот, Исократ, Демосфен⁶. Каждый из них оставил огромный след в науке, философии, истории политических и правовых учений, и не только.

Современные люди к такой гармоничности в массе своей не стремятся. Нам недосуг заниматься поисками смысла бытия, истины. Мы сегодня пользуемся преимущественно информацией. Для добывания знания необходимо затрачивать усилия. И совсем не случайно многие ученые с грустью сегодня говорят о крушении философии Просвещения и наступлении нового варварства. Мы сами себе гунны (Бертран де Жувенель).

К жанровым формам (источникам) политических и правовых учений можно отнести книгу, поучение, наставление, миф, диалог, трактат, памфлет, эссе и проч.

Представляется, что законченного перечня в данном случае быть не может. Проблема состоит в том, с чего начать краткую характеристику этих жанровых форм (источников) политических и правовых учений. Хронологический подход представляется более правильным. Однако и здесь есть некоторые затруднения. Платон и Аристотель жили раньше Иисуса Христа.

Главная книга христиан — Библия — переведена полностью или частично на 2 500 языков. Ее общий тираж к настоящему времени превысил 8 млрд экземпляров. Библия остается самой читаемой и издаваемой книгой в мире со времен изобретения книгопечатания. А самой читаемой частью Библии являются четыре Евангелия, содержащие описание земной жизни Иисуса Христа⁷.

Библия включает в себя Ветхий Завет и Новый Завет. Книги Нового Завета написаны в I веке н.э. Ветхий Завет содержит описание событий, которые имели место задолго до Рождества Христова. В этом смысле вопрос об историческом первенстве жанровых форм (источников) политических и правовых учений остается открытым.

Ветхий Завет есть Еврейская Библия (Танах). Это Божественное Откровение предназначено всему человечеству, но передано оно было через еврейский народ. Передача Откровения началась с Авраама (ок. XX в. до н.э.), продолжилось через Моисея (при Даровании Торы на Синае, XV в. до н.э.) и затем прошла через саму историю еврейского народа, запечатленного в Библии⁸.

Воля Творца по отношению к народам мира выражается в семи заповедях — так называемых «семи заповедях потомкам Ноаха (Ноя)»: запрет

⁶ Фомин В. Первоосновы Посвящения. М., 2008. С. 383.

⁷ Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. М., 2019. С. 9.

⁸ Полонский П. Две тысячи лет вместе. Ростов н/Д ; Краснодар ; Иерусалим, 2009. С. 11.

идолопоклонства; запрет богохульства; запрет есть мясо, взятое от еще не убитого животного; запрет убийства; запрет инцеста и прелюбодеяния; запрет воровства; предписание установить справедливую судебную систему⁹.

Особенно хотелось бы обратить внимание на категоричное повеление в части устройства справедливой судебной системы. Известный библеист А. П. Лопухин утверждает, что «богоправление» как основа жизни израильского народа не ограничивалось только религиозно-нравственной областью, а проникало во все сферы. В этом отношении «богоправление» сказывается в том, что Иегова как Царь и Судия избранного народа водворял в Своем царстве через ряд божественных мудрых законов такую справедливость, которой не знали окружающие народы и которая делала израильское государство образцом даже в этом отношении¹⁰.

Объявлялось равенство перед законом: «Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца; ибо Я Господь, Бог ваш» (Левит XXIV, 22). «Закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числа, XV, 16).

Иудаизм есть религия закона. В. И. Лафитский утверждает, что иудейская традиция права существует более 33 веков. Ее первые заповеди были высечены на каменных скрижалях, которые хранились в ковчеге Завета. И кроме скрижалей не было в нем ничего. Второй святыней была Книга Завета — сборник законов, полученных Моисеем от Бога. Как и Ковчег, она хранилась в Иерусалимском храме. И не было в Храме других святынь. Такого поклонения праву в истории больше не было. Впрочем, не было и другого права, которое оказало столь мощное воздействие на ход истории¹¹.

Что касается поклонения праву, то тут все верно. Иисус Христос категоричен: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17).

Рене Давид справедливо отмечает, что мы не найдем в истории стремление поставить иудейское религиозное право выше, чем действующее право страны. В этом плане иудейское право не играет такой роли, как, например, мусульманское право¹².

Иными словами, компактно проживающая иудейская община никогда не стремилась свое право навязать иному народу, среди которого она проживала. Во все времена. К примеру, в период пребывания в Египте иудеи жили исключительно по своим законам. У них действовала открытая система мер и весов, функционировал справедливый суд. Каждый знал как меру своей свободы, так и меру своей обязанности, чего нельзя было сказать о египетском обществе. По факту рабы были более свободными, чем «господа».

В восточных цивилизациях право было частью нравственности, этики, религии. Именно по этой причине жанровым источником этих цивилизаций выступали

⁹ *Раввин Моше Вайнер и д-р Михаэль Шульман.* Семь врат праведности. Книга знаний для народов мира / под ред. р. Шеваха Златопольского. Российское издание. 2018. С. 7.

¹⁰ Толковая Библия Лопухина. Ветхий Завет. М., 2019. С. 199.

¹¹ *Лафитский В.* Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 8.

¹² *Давид Р., Жофре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 26.



поучения, а также книги¹³. Лев Мечников считает, что история человечества начинается с жесточайшей деспотии, которая была свойственна Востоку. По его мнению, «скромные строители египетских пирамид, работавшие под бичом надсмотрщиков, работали не из чести фигурировать некогда в книгах мировой истории. Всюду с самого начала истории мы встречаем страшное угнетение народных масс и неограниченный абсолютизм правителей всякого рода. Всюду, где была только для этого возможность, народные массы насильственным образом запрягались в ярмо истории»¹⁴.

Конечно, это состояние абсолютной подавленности человека деспотической реальностью вызывало не энергичные протесты, а некий уход в себя, отстраненность, питало надежды на то, что после смерти начнется подлинная жизнь, в которой не будет места страданиям и угнетению. В Египте с его пирамидами, устремленными в вечность, мы находим, по сути, культуру смерти, преклонение перед вечностью, на фоне которой земная жизнь кажется всего лишь мигмом. Хорошо известно, как фараона готовили к переходу в иной мир. Однако такая же практика имела место и у людей, совсем не принадлежащих к верхушке египетского общества. Украшенные татуировками тела простых смертных, крашенные волосы говорят ровно об этом же. В силу того, что на Востоке практически не имела места политическая жизнь, не сформировался институт частной собственности, а социальные классы были одинаково бесправны перед ликом высшей власти, право просто не могло иметь автономного существования, находясь в тени других регуляторов. Если в западной цивилизации формирование классов происходило под воздействием социально-экономических факторов, то на Востоке кастовый принцип базировался на религии. Поэтому мерзости восточной деспотии казались людям вполне естественными.

Становление, развитие и расцвет политико-правовых учений связан с античной цивилизацией. В историографии данной учебной дисциплины настойчиво подчеркивается мысль о том, что право в силу довольно раннего оформления института частной собственности и сложившейся разнообразной социальной структурой общества первоначально произошло от богов, а затем стало развиваться относительно автономно. Влияние религии, этики, философских доктрин имело место, но не носило абсолютного характера, как на Востоке.

Что касается возникновения права, то Фюстель де Куланж, к примеру, категоричен: «Происхождение древних законов не вызывает никаких сомнений. Не люди придумали их. Солон, Ликург, Минос, Нума записали, но не создали законы своих городов». И далее: «У древних закон всегда был священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством»¹⁵.

¹³ Например, Поучение Птахотепа (XXVIII в. до н.э.), Книга мертвых (ок. XXV в. до н.э.). Книга мертвых — своего рода руководство для умершего. После смерти он предстает перед судом 42 богов и Осирисом — верховным божеством, который является владыкой Двух Истин (земного и загробного миров одновременно). Сердце умершего взвешивается на весах правосудия.

¹⁴ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 2013, С. 205.

¹⁵ Куланж де Фюстель Н. Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010. С. 188, 190.

Миф представляет собой первый жанровый источник политических и правовых учений, если не считать тех правил, которые получены человеком от Бога.

Миф — возникающее на разных этапах развития повествование, фантастические образы которого (боги, легендарные герои, события и т.п.) были попыткой обобщить и объяснить различные явления природы и общества¹⁶.

Человеку, наделенному разумом, свойственно выходить за пределы непосредственного социального опыта. Миф — одна из самых ранних попыток такого выхода. Когда не хватает знаний для объяснения реальности, человек прибегает к мифу. Он выступает как своеобразная форма объяснения бытия.

Миф есть синтез знания и воображения, чувственно и пластически оформляющий ранее неоформленное. Язык мифа — это язык символа. А символ — это единство и неразделенность феномена (того, что воспринимается) и ноумена (мысли), явления и смысла (П. А. Флоренский). Однако образ мифа обретает смысл для человека, если человек живет в мифе, в мифической реальности¹⁷.

Миф представляет собой органичную часть культуры всех древних цивилизованных народов. Особенно это характерно для Древней Греции, культура которой была художественной. Миф, мифология — неотъемлемая составляющая Эллады. Мифологическое восприятие реальности было свойственно раннему периоду истории политических и правовых учений Греции (IX—VI вв. до н.э.). Это особенно видно на примере творчества Гомера и Гесиода. Правовая действительность выступает здесь в образе символов, знаков. Эту традицию затем переняли и римляне, которые находились под сильным культурным влиянием греков.

Мифологизация, как и миф, никуда не исчезла из нашей политико-правовой жизни. А. Дж. Тойнби не без оснований полагает: «Известно, что человечество по своей природе склонно — всегда и везде — к опасному преувеличению исторического значения современных ему событий вследствие того, что они важны лично для того поколения, которое охвачено этими событиями»¹⁸.

Миф со временем утрачивает сильнейший налет сакральности, но не теряет при этом своей привлекательности. Он по-прежнему востребован и используется в целях манипуляции общественным сознанием.

Древняя Греция, как и Древний Рим, являются цивилизациями слова. Древние греки считали, что у ораторов гораздо больше власти, чем у тиранов. И в какой-то степени с этим можно согласиться.

Греческая культура рождает *диалог* как особый жанр, посредством которого отражается и оценивается современная реальность. Можно с большой долей уверенности говорить, что диалог является одной из продуктивных форм познания политико-правовой действительности. В современной педагогике диалоговый способ освоения какого-либо предмета считается наиболее предпочтительным. Все чаще раздаются призывы отойти от монолога, когда говорит преимущественно один. Утверждается, что такая форма устарела, поскольку культивирует менторский подход и сохраняет дистанцию между учителем и учеником, в широком смысле. Доля истины здесь, безусловно, имеет место. Но есть, по меньшей

¹⁶ Философский словарь. С. 220.

¹⁷ Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. М., 2011. С. 14.

¹⁸ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 305.



мере, два обстоятельства, которые нужно учитывать. Во-первых, между учителем и учеником должна сохраняться дистанция, иерархия. Авторитет учителя сообщает авторитетность знаниям, которые он транслирует. Во-вторых, диалог возможен только между теми, кто обладает примерно сопоставимым объемом и качеством знаний. А иначе какой это диалог?

Диалог (от греч. dialogos) — попеременный обмен репликами. Диалог был распространенной формой философских и научных произведений в Античности и Новое время (Ксенофонт, Платон, Г. Галилей, Н. Мальбранш, Д. Дидро и др.). Диалог, онтогенетически предшествуя внутренней речи, накладывает отпечаток на ее структуру и функционирование, а тем самым и на сознание в целом¹⁹.

С диалоговой формой постижения сути политико-правовых явлений ассоциируется прежде всего Платон — один из самых величайших мыслителей в интеллектуальной истории человечества. Ученик Сократа, он является родоначальником жанра утопии, создателем модели идеального государства. Такого, каким он его себе представлял. Конечно, взгляды Платона несут на себе отпечаток времени, как и любые политические учения. Тем не менее многие вопросы, которые обсуждались в его произведениях, и особенно в основанной им Академии, не утратили своего значения и сегодня. Меняются эпохи, меняются и идеалы. И сейчас мы часто обсуждаем, например, проблему справедливости, как и во времена Платона. Небольшой фрагмент из диалога «Государство»:

— Стало быть, не это определяет справедливость: говорить правду и отдавать то, что взял.

— Нет, именно это, Сократ, — возразил Полемах, — если хоть сколько-нибудь верить Симониду...²⁰

Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» также затрагивает этот вопрос:

— А знаешь ли ты, какие дела называются справедливыми? — спросил Сократ.

— Это те, которые повелеваются законами.

— Стало быть, кто делает, что повелевают законы, тот делает справедливые дела, тот справедлив?

— Как же иначе?

— Следовательно, кто делает справедливые дела, тот справедлив?

— Думаю, что так, — отвечал Евтидем²¹.

Обращает на себя внимание культура диалога. Каждый участник обсуждения какого-либо вопроса, скорее, высказывает предположение, чем категорично что-либо утверждает. Искусство задавать вопросы и тем самым определять последовательность обсуждения как раз предполагает диалоговую форму. Сократ в совершенстве владел методикой обучения посредством вопросов, поскольку ответ «подводил» обучаемого к познанию предмета обсуждения.

Искусство спора (эристика) получило развитие в Древней Греции. Первоначально считалось, что это искусство помогает отыскивать истину. Затем эристику стали разделять на диалектику и софистику. По мнению А. А. Ивина, «диалектика развивалась Сократом, впервые применившим это слово для обозначения

¹⁹ Психология : словарь. М., 1990. С. 105.

²⁰ Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 147.

²¹ Антология мировой правовой мысли. С. 141.

искусства вести эффективный спор, диалог, в котором путем взаимозаинтересованного обсуждения проблемы и противоборства мнений достигается истина»²².

Диалог как форма освоения действительности, как жанр (источник) политических и правовых учений был особенно распространен в античном мире. Он имеет место в Новое время, но постепенно уступает другим формам.

Характеризуя жанры (источники) политических и правовых учений, нельзя игнорировать утопию и антиутопию. В общественном сознании отношение к утопиям довольно поверхностное. Утопия есть реакция на реальность, далекую от совершенства. В истории человечества никогда не было периода, который был бы вне критики. Антиутопия, в свою очередь, это реакция на утопию. То есть антиутопия претендует на то, чтобы показать, что будет, если утопический проект реализуется.

Как уже было отмечено, именно Платон сформировал этот жанр. Но более всего утопия ассоциируется с Т. Мором, английским мыслителем, юристом по образованию. Именно он назвал свой главный политический труд «Утопия» (буквально — место, которого нет).

Всем утопиям присущи некие общие черты. Как правило, утопии вырастают не из реального настоящего или прошлого. Они представляют собой воображаемые социальные проекты, локализованные во времени и пространстве. Утопии не подвержены никаким изменениям. Главное — законсервировать «идеальный» социальный строй, исключив всякую возможность его изменения. В утопии наблюдается согласие членов общества в отношении институциональных ценностей²³.

Обычно утопии делят на три вида: те, которые сбылись, те, которые частично сбылись, и утопии, которым не суждено сбыться. К последним видам утопий относится идея равенства людей. Разумеется, фактического. Хотя на этот счет написано много красивого интеллектуального хлама. Утопии, как бы к ним ни относиться, играют важную преобразующую роль. Невозможно остановить стремление людей к более разумному и справедливому социальному устройству. В этом смысле мифам и утопиям уготована долгая жизнь. Вполне очевидно, что они никогда не исчезнут.

Без утопий и антиутопий невозможно себе представить не только историю политических и правовых учений, но и мировую художественную литературу. «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлл — образцы замечательной литературы. В них отражаются и политико-правовые аспекты бытия воображаемых обществ. Долгое время мы думали, что это написано о нас, т.е. о России. Теперь эта интрига практически исчезла. Это прежде всего о них, о «коллективном Западе». И здесь все закономерно. Утопия как жанр суть изобретение западной политической культуры.

В историографии политических и правовых учений заметное место занимают трактаты. Трактаты обычно выделяют как одну из литературных форм, соответствующих научному сочинению. Этот жанр, если можно так сказать, предельно индивидуализирован. Он представляет собой рассуждение автора в части

²² Ивин А. А. Теория аргументации. М., 2007. С. 253.

²³ Корнев А. В. Утопии и антиутопии в политической мысли // История политических и правовых учений : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 2008. С. 493.



какого-либо явления (института) в целях формирования принципиальной позиции. В качестве примера можно привести «Два трактата о государственном правлении» Дж. Локка (1690 г.). Трактаты предпочитал Ж.-Ж. Руссо, и самый известный из них он назвал «Об общественном договоре» (1762 г.). Глава первая начинается с самой цитируемой фразы: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»²⁴. Сколько раз воспроизводили эту мысль в качестве аргумента и одновременно ниспровергали? Воистину не счесть.

Политические и правовые идеи получали отражение и в памфлетах. Это слово имеет несколько значений. Так называют определенный вид литературных произведений. Иногда памфлет расценивают как художественно-публицистическое произведение. Кроме того, памфлет квалифицируют в качестве политической литературы (брошюра, статья). Этот жанр имеет сходство с пасквилем, отличие заключается в том, что в памфлете критикуется общественная, публичная деятельность какого-либо лица, а не его частная жизнь. Для всех видов памфлетов характерна обличительная тональность.

Нередко даже крупнейшие политические мыслители свои взгляды на государственно-правовые институты излагали в письмах. Письмо есть самое яркое выражение эпистолярного жанра. К сожалению, сегодня это уходящая культура, как и ведение дневников. Авторы доверяли своим корреспондентам порой самое сокровенное. А иногда просто информировали о делах. Не стоит относиться к письму как к чему-то несерьезному. К жанру письма прибегали Вольтер («Философские письма»), Шарль Луи Монтескье («Персидские письма»), П. Я. Чаадаев («Философические письма»). Как современно звучат слова первого русского философа: «Как поступают с мыслью во Франции? Ее высказывают. В Англии? Ее применяют на практике. В Германии? Ее переваривают. А как поступают с ней у нас? Никак...»²⁵.

В историографии истории политических и правовых учений авторы сами определяли жанр своих произведений. Томас Пейн — довольно радикальный политический мыслитель периода борьбы за независимость США свое произведение «Здравый смысл» поименовал памфлетом. И это было оправданным шагом. В нем он резко критиковал Англию, считал, что она свои колонии держит в рабстве, а посему народ имеет естественное право с оружием в руках бороться за свою независимость. Это его произведение имело резко обличительный по отношению к Англии характер. К слову сказать, в России даже правящий класс с сочувствием относился к борьбе американского народа за свою независимость. А в период Гражданской войны в США две российских эскадры курсировали вдоль берегов молодого независимого государства на случай предотвращения иностранного, прежде всего английского, вмешательства. Англия безуспешно пыталась сколотить коалицию, пригласив даже Россию — своего врага на веки вечные в целях разгрома воюющих сторон и разделения страны на свои зоны. Российская империя, к ее чести, на этот шаг не пошла, тем самым обеспечив США независимую политическую субъектность.

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2000. С. 198.

²⁵ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб., 2014. С. 222.

В наше время и даже уже во второй половине XIX в. политические и правовые учения стали отражаться в статьях, диссертациях, монографиях. Статьи, как правило, посвящаются узкому вопросу или грани творчества конкретного ученого, мыслителя. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решается какая-то проблема, имеющая значение для теории и практики. Это если подходить к ней с самых общих позиций. Выдающийся дореволюционный русский юрист П. И. Новгородцев магистерскую диссертацию посвятил исторической школе права, а докторскую — политико-правовым взглядам И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Монография — научная работа, выполненная индивидуально. Это классический подход, если следовать этимологии этого слова. Монографии могут быть посвящены самым разным проблемам истории политических и правовых учений. Обычно монографии пишутся «под диссертацию» или после ее защиты. В последнее время соискатели, защитившие диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, меняя фактически обложку, превращают ее в монографию. В прежние времена это считалось неприличным. Монография все-таки не должна копировать диссертацию, должна иметь серьезных рецензентов, а сами рецензии печатались в солидных изданиях. Впрочем, в советские времена других просто не было.

Таким образом, историография истории политических и правовых учений включает в себя различные жанры (источники), начиная с древнейших времен и кончая современностью. Просматривается определенная закономерность, проявляющаяся в том, что каждый исторический период, как правило, порождает присущую ему форму выражения политических и правовых учений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999. — Т. 1. — 750 с.
2. Бучило Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки. — М., Проспект, 2011. — 432 с.
3. Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. — М., Международные отношения, 1996. — 400 с.
4. Ивин А. А. Теория аргументации. — М. : Высшая школа, 2007. — 319 с.
5. Корнев А. В. Утопии и антиутопии в политической мысли // История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. — М. : Высшее образование, 2008. — 917 с.
6. Лазертский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., Мысль, 1986. — 571 с.
7. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. — М. : Статут, 2011. — 415 с.
8. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. — М. : Айрис-пресс, 2013. — 320 с.
9. Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. Биография. — М. : Молодая гвардия, 2019. — 650 с.



10. *Полонский П.* Две тысячи лет вместе. — Ростов н/Д : Феникс ; Краснодар : Неоглори ; Иерусалим : Маханаим, 2009. — 234 с.
11. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
12. *Раввин Моше Вайнер и д-р Михаэль Шульман.* Семь врат праведности : Книга знаний для народов мира / предисл. р. Шеваха Златопольского. — Российское издание. — 2018. — 256 с.
13. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. — М., Terra —Книжный клуб ; Канон-пресс-Ц, 2000. — 544 с.
14. *Степин В. С.* История и философия науки. — М. : Академический проект, 2014. — 424 с.
15. Толковая Библия Лопухина. Ветхий Завет. — М. : Букс Медиа Москва ; Рипол классик, 2019. — 510 с.
16. *Тойнби Дж. А.* Цивилизация перед судом истории. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 592 с.
17. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Политиздат, 1981. — 445 с.
18. *Фомин В.* Первоосновы Посвящения. — М. : Индрик, 2008. — 502 с.
19. *Фюстель де Куланж Н. Д.* Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. — М. : Центрполиграф, 2010. — 414 с.
20. *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего. — СПб. : Лениздат ; Команда А, 2014. — 288 с.
21. *Юнг К. Г., Нойманн Э.* Психоанализ и искусство. — М. : REFL-book, К. Ваклер, 1996. — 304 с.

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА В СИТУАЦИИ ПОСТПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Каждая эпоха и даже этап исторической эволюции человечества отличается в том числе восприятием истории, включая историю права как момента, стороны истории как таковой. В статье представлена авторская интерпретация методологических оснований постмодернистской и постпостмодернистской истории права. Яркий срез исторического понимания истории государства и права представлен в свете современных проблем науки и практики. Показана ограниченность постмодернистской истории права. Демонстрируются перспективы диалогической методологии истории права.
Ключевые слова: юриспруденция, государство, право, история, история государства и права, методология, модерн, постмодернизм, диалогическая методология истории права, подход.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.091-096



Илья Львович ЧЕСТНОВ,

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского
юридического института
(филиала)
Университета
прокуратуры Российской
Федерации,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
ichestnov@gmail.com
191014, Россия, г. Санкт-
Петербург, Литейный
просп., д. 44

ILYA L. CHESTNOV,

Professor, Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg Institute of Legal Studies,
Branch of the Prosecutor General of the Russian Federation,
Distinguished Lawyer of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Professor
ichestnov@gmail.com
44, Liteyny prosp., Saint Petersburg, Russia, 191014

HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE IN A POST- POSTMODERN SITUATION

Abstract. Each epoch and even stage of the historical evolution of mankind differs, among other things, in the perception of history, including the history of law as a moment, a side of history as such. The article presents the author's interpretation of the methodological foundations of the postmodern and post-postmodern history of law. A vivid cross-section of the historical understanding of the history of state and law is presented in the light of modern problems of science and practice. The limitations of the postmodern history of law are shown. The prospects of the dialogic methodology of the history of law are demonstrated.

Keywords: jurisprudence, state, law, history, history of state and law, methodology, modern, postmodernism, dialogic methodology of the history of law, scientific approach.

Современный мир вступил (точнее — вступает) в новую фазу своей эволюции. Ее именуют эпохой постпостмодерна, хотя не все с этим согласны. Специфика постмодерна как эпохи или промежуточного этапа между эпохами состоит в том, что культура как знаковое опосредование социальности становится не просто «второй реальностью», но самой реальностью как таковой. Любое социальное явление или процесс опосредованы или преломляются в знаковых медийных формах и по большому счету конструируется ими. В этой связи чрезвычайно интересной представляется мысль, высказанная Ф. Джеймисоном, пожалуй, наиболее авторитетным исследователем постмодерна, о «материальности культуры»¹.

Так понимаемый «культуральный поворот»², ознаменовавший приход постмодерна, предполагает дополнительность материального и ментального (психического): реальность не существует вне и без представлений о реальности. Поэтому постмодерн включает в себя постмодернизм как рефлексию над постсовременностью.

Эпоха модерна предполагала телеологизм истории, разумность, рациональность исторического процесса, аподиктичность знания о прошлом («как это было на самом деле», по терминологии О. фон Ранке). В то же время поэтический образ всегда сильнее рационального понятия³. Постмодерн характеризуется Ф. Джеймисоном в том числе аисторизмом (вместе с «отсутствием глубины» и «затуханием аффекта»⁴).

Аисторизм постмодерна (постмодернизма как рефлексии постмодерна) выражается не только в «конце истории» в связи с «полной и окончательной победой» либерализма или неолиберализма, а с «симулякризацией» истории (и истории права) в процессе формирования постправды. «Легко угадать, — пишет М. Эпштейн, — что бодрийяровские симулякры могут послужить удобным теоретическим оправданием пропагандистских концепций “постправды” (post-truth), “информационных фейков” и “альтернативных фактов”, получивших хождение во второй половине 2010-х гг., и отнюдь не только в риторике президента Д. Трампа... Таким образом, постмодернизм начинает ассоциироваться с обманом, с фальсификацией, с промывкой мозгов, с наглой пропагандой, извращающей истину»⁵.

История (и история права) в ситуации постмодерна превращается в идеологию и используется в политике, в том числе в политике права: в борьбе за право официальной номинации и юридической квалификации некоторых социальных явлений как юридически значимых. Именно в этом и состоит аисторичность постмодерна (постмодернизма как рефлексии постмодерна).

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 194—195.

² О «культуральном повороте» в юриспруденции см. подробнее: Честнов И. Л. Постклассическая программа культурального измерения права // Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 13—42.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁴ Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 92—93.

⁵ Эпштейн М. Постмодернизм в России. М., 2019. С. 543.

История как память о юридически значимом прошлом (знания в области истории права) конструируется сообществом (властными референтными группами в борьбе за официальное право номинации именно так трактуемого прошлого). В то же время образ прошлого, запечатленный в коллективной памяти, в том числе в учебниках, и процесс преподавания истории права конструируют сообщество, в том числе нацию, как политико-правовой конструктор.

Значимы не факты, а их интерпретация — заявление, вытекающее из принципа неопределенности в квантовой физике, в ситуации постмодерна переключало в методологию наук, в том числе в историю права. Риторические способы конструирования всегда ограниченного представления о прошлом, в ситуации постмодерна становятся «ставками в политической борьбе» за «право официальной номинации» (и юридической квалификации: в формировании официального представления о юридической значимости некоторых социальных явлений и процессов) социального мира. Эти риторические приемы становятся содержанием истории права, обеспечивающей коллективную правовую идентичность в «индивидуализированном социуме» постсовременности.

Несмотря на глобальную гиперпопулярность понятия «постмодерн» (и «постмодернизм»⁶), уже в начале 2000-х гг. приходит разочарование многих социальных философов в его адекватности изменяющимся реалиям.

Поиски новой теории, в том числе теории истории права, адекватной постсовременному состоянию культуры и общества (исторической и социокультурной реальности), обусловлены не тем, что многие авторы отказались от данного термина (хотя терминология, как и описание, играет важную роль в конструировании социальной реальности), а радикальным релятивизмом и критицизмом влиятельных концепций постмодернизма.

Да, сторонники постмодернизма во многом справедливо критикуют эпоху модерна, в том числе гипертрофированные ожидания, связанные с научной рациональностью, которые на поверку выродились в тотальный контроль над обществом с помощью новых мягких манипулятивных методов-технологий, ради интересов общественной безопасности. Более ничего конструктивного они не предлагают. Разочарование в перманентной критике, в том числе сложившихся историко-правовых концепций, и страх перед возрастающей неопределенностью и рисками нового мира вынудили практически всех постсовременных мыслителей искать новые теории. К ним относится направление в культуре и науке, именуемое постпостмодернизмом.

Среди новых подходов, относящихся к родовому понятию «постпостмодернизм», выделяю концепцию диджимодернизма (цифромодернизма) А. Кирби. По мнению А. Кирби, главные изменения «после постмодернизма» происходят в области технологий. В истории права «дигитальный, или цифровой, поворот» связан с анализом принципиально важной роли медиа в конструировании права и его воспроизводстве, начиная с эпохи модерна.

⁶ С моей точки зрения, между понятиями «постмодерн» и «постмодернизм», если исходить из положений классической философии, можно провести различие как между историческим этапом и его описанием. Однако после информационного или, точнее, лингвистического «поворота» социальная реальность не существует вне или без ее описания. Поэтому далее эти понятия используются как синонимы.



Другим вариантом, взывающим найти выход из постмодернистского релятивизма и иронии, выступает концепция метамодернизма. Содержание этого подхода, привлечшего внимание многих авторитетных юристов, в том числе В. Д. Зорькина, на сегодняшний день пока оказывается весьма туманным.

В общем и целом приходится констатировать, что благородные попытки найти новую серьезность и надежные основания теории постсовременности пока не принесли сколько-нибудь впечатляющих результатов. Тем не менее это не повод «сидеть сложа руки». Об этом, в частности, рассуждает В. Д. Зорькин. Уместно было бы привести цитату известнейшего нашего юриста, замечательного специалиста в области истории правовых учений и теории права, однако, как известно каждому, кто в ситуации диджимодернизма взялся за написание научной статьи, цитирование резко снижает оригинальность текста и увеличивает процент плагиата и, как следствие, риск возможности публикации.

По мнению В. Д. Зорькина, постмодернизм как радикальный релятивизм сегодня себя исчерпал и, более того, угрожает выживанию человечества⁷. Гораздо более перспективен, с его точки зрения, метамодернизм, который преодолевает ограниченность модернистского правопонимания и в то же время предлагает конструктивную программу, которой нет в постмодернизме. Такая конструктивная программа, как считает В. Д. Зорькин, образующая содержание «юридического метамодерна», есть не что иное, как интегративное правопонимание.

Не ставя под сомнение авторитетность мнения о перспективности интегративного подхода, замечу, его необходимо наполнять практической конкретикой для того, чтобы он стал работоспособной программой. Одного провозглашения важности и перспективности взаимодополнительности разных аспектов бытия права явно недостаточно. Таким перспективным инструментальным подходом, вытекающим из постулатов постпостмодернизма, является диалогизм, конкретизирующий конструктивистскую парадигму постпостмодернизма.

Возвращаясь к анализу состояния историко-правовой науки, позволю себе сделать следующее утверждение: сегодня очевиден запрос на «новый историзм», в том числе в сфере права. На эту роль может претендовать диалогическая методология истории права. В современной философии и науке (прежде всего в лингвистике) диалогизм как методология, условно говоря, подразделяется на экзистенциальную и семиотическую программы или подходы.

Первый подход представлен идеями М. Бубера, Э. Левинаса, второй — работами Ц. Тодорова, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотмана. Между ними уместно расположить оригинальные концепции, «не вписывающиеся» в традиционные классификации М. М. Бахтина, В. С. Библера и О. Розеншток-Хюсси. Акцент на личностную экзистенцию, проявляющуюся в идентичности, на формировании неповторимости и уникальности через различение себя и «обобщенного Другого» свойствен первому подходу. Диалог в рамках структуры коммуникации как обмена сообщениями изучается структурной лингвистикой. Очевидно, у обоих подходов есть несомненные достоинства, но и недостатки. Структуры, конечно, «не выходят на улицы», но они не только подавляют экзистенцию личности, а и участвуют в ее

⁷ Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 1—8.

формировании. Наиболее важное в диалогической методологии, на мой взгляд, состоит в выявлении того, как именно взаимодействуют структура и личностная индивидуальность:

- как структуры конструируются активностью акторов, в том числе в исторических процессах;
- какими механизмами структуры социализируют индивида.

Идеи диалогизма или диалогической методологии чрезвычайно плодотворно использовали такие замечательные отечественные историки, как А. Я. Гуревич, Л. М. Баткин, Ю. Л. Бессмертный и некоторые другие. Мне доводилось излагать важные положения этих авторов, в частности в разделе «Методология историко-правовой науки» в учебном пособии «История и методология юридической науки»⁸. Сейчас же замечу, что историки права крайне редко обращаются к диалогической методологии, что, на мой субъективный взгляд, обедняет историко-правовую науку.

Как же можно конкретизировать достаточно абстрактные положения диалогической методологии к анализу историко-правовых явлений?

Можно использовать программу французского социолога П. Бурдьё. Она предполагает прежде всего экспликацию механизма исходного конструирования того правового института или явления, которое изучает историк права. Все правовые институты, с точки зрения П. Бурдьё, не возникают «сами по себе» (или по воле Божьей), но конструируются акторами, обладающими властным статусом в соответствующем «поле» и преследующими свои групповые интересы. Анализ такой борьбы (которая всегда протекает в символических формах), в результате которой конструируется новый правовой институт, условно говоря, можно назвать первой стадией диалогической методологии.

Замечу, что сама «агональная практика» в смысле, который вкладывает в этот термин Ш. Муфф (если она не выливается в «агрессивное насилие», как изящно выражается В. А. Четвернин), и есть разновидность диалога, так как такая борьба в рамках, устанавливаемых соответствующим «полем», всегда предполагает принятие точки зрения Другого, что и выступает содержанием диалога в феноменологическом его измерении.

Для этого требуется рефлексия существующих в современном обществе и в историко-правовой науке точек зрения, а также саморефлексия — экспликация собственной точки зрения, включая идеологические пристрастия и «бессознательное отношение» (по терминологии П. Бурдьё) к изучаемому институту или явлению. Самокритика или саморефлексия вместе с «критикой» основных позиций, прояснение их пристрастности и идеологичности (а таковые всегда имеют место в отношении современников к историко-юридическому прошлому⁹) составляет содержание второй стадии. Взаимосоотнесение механизма конструирования изучаемого правового объекта с системой его оценок в «поле» современной идеологической борьбы и образует диалогическую методологию.

⁸ История и методология юридической науки / под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. СПб. : СПБИНВЭСЭП, 2014. 560 с.

⁹ «Вопрошание прошлого от имени современности» и есть диалогичность истории по мнению А. Я. Гуревича. См.: Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. 1996. С. 83.



Так понимаемая диалогическая методология истории права четко коррелирует с господствующими идеями постклассического науковедения. Одним из важнейших положений последнего является утверждение о том, что процесс научного познания не есть познание активным субъектом пассивного объекта, как со времен Р. Декарта считалось в классической гносеологии, а предполагает диалог субъекта и объекта (как «диалог с природой», в интерпретации И. Р. Пригожина). Тем самым постулируется ценностно-целевая установка процесса познания, неустранимость из него социокультурной, идеологической составляющей, включая научные предпочтения субъекта познания — члена научного сообщества, представителя соответствующей культуры, носителя определенной идеологии и т.д.

Социальная и, следовательно, историческая (историко-правовая) реальность — не данность, а конструкт, хотя и не произвольный. Несомненно, история права — это не то, «что было на самом деле», а оценка того, что было зафиксировано в текстуально-правовой форме. Это не значит, что в прошлом вообще ничего не было, а все прошлое — только наше воображение. Господствующие представления о прошлом права, включая культурную память социума, неизбежно интерпретируются и репрезентируются историками. Важно осуществить «вторую рефлексия» — критику самого себя в контексте референтной группы и социокультурного, в том числе идеологического, окружения. Другими словами, историк права обязан честно заявить, что он придерживается таких-то определенных идеологических, культурных и научных предпочтений, так как от них во многом зависит именно такая, а не другая интерпретация прошлого.

Представленная диалогическая программа историко-правовых исследований является чрезвычайно перспективным направлением постклассической науки и нуждается в дальнейшей разработке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гуревич А. Я.* «Территория историка» // Одиссей. — 1996. — С. 81—109.
2. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. — 799 с.
3. *Зорькин В. Д.* Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. — 2019 — № 4. — С. 1—8.
4. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
5. История и методология юридической науки / под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. — СПб. : СПбИВЭСЭП, 2014. — 560 с.
6. Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. — СПб. : Алетейя, 2018. — 464 с.
7. *Эпштейн М.* Постмодернизм в России. — М. : Азбука, 2019. — 608 с.

ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ ПРАВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ И ОБРАЗОВ

Аннотация. В статье представлена авторская интерпретация новой миссии истории права, а также показана трансформация истории права и через идеи и образы превращение ее в новую науку — историю и будущее права. За годы истории Российской Федерации новеллы отечественного высшего юридического образования, к сожалению, не повысили сам его статус, как и не усилили научный потенциал. Хотя определенная видимость внимания к проблеме постоянно присутствовала как в политических, так и в научных кругах. Порой разрыв теории и практики еще более усугубляет пресловутую формулу: «Забудьте все, чему вас учили». Только историко-правовой анализ способен соединить теорию и практику юридического, вложить содержание в действующее законодательство.

Ключевые слова: юриспруденция, наука, история права, история и будущее права, юрист, историк права, государство, право, политика, общество, жизнь, реальность, идея, образ.



**Валентина
Геннадьевна
РУМЯНЦЕВА,**

доцент кафедры истории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент

kafedra-igp@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.097-103

VALENTINA G. RUMYANTSEVA,

Associate Professor, Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
kafedra-igp@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

HISTORY AND FUTURE OF LAW: TRANSFORMATION OF IDEAS AND IMAGES

Abstract. The article presents the author's interpretation of the new mission of the history of law, and shows the transformation of the history of law through ideas and images into a new science — the history and future of law. Unfortunately, over the years of the history of the Russian Federation, the innovations in domestic higher legal education neither raised its status, nor enhanced its scientific potential. However, a certain semblance of attention to the problem was constantly present in both political and scientific circles. Sometimes the gap between theory and practice further magnifies the notorious formula "Forget everything you learned." Only historical and legal analysis is capable of combining the theory and practice of the legal, to infuse the current legislation with meaning.

Keywords: jurisprudence, science, history of law, history and future of law, lawyer, historian of law, state, law, politics, society, politics, life, reality, idea, image.

© Румянцева В. Г., 2021

Юридическому сообществу XXI века пора задуматься о мире XXII века. Будет ли он вообще и каков он будет? Уже теперь закладываются мировоззренческие, теоретические, методологические идеи и образы новых форматов права, сценариев будущего цивилизаций. «Правовой канон XXI века — сложный комплекс организующих технико-социальных структур (платформ), которые стягивают социальное пространство: экономическое поведение, культурные образы и даже политическую практику»¹.

Историко-правовые исследования — первоисточник для всех юристов, матрица построения юридических отраслей, духовный опыт, через который проходит каждый правовед. Репрезентация идей и образов самой истории включает футурологические ожидания от нее как от науки о том, что будет: «Прошлое формирует настоящее и готовит будущее»².

Историко-правовое незнание приводит к фиаско государства и его народа: исторические иллюзии, фикции, симулякры ведут к потере связи с реальностью; в свою очередь, фальшь и декоративность — всего лишь мнимое господство над пространством фактов и событий. Отказ же от исторической правды и памяти — триггер ненависти и озлобления целых наций, что есть «весьма зыбкое основание для суверенитета, чреватое многими серьезными рисками и тяжелыми последствиями»³. Таким образом разрушаются страны.

История права дает юриспруденции смыслы, прогнозирует тренды, гармонично растворяет полученный человечеством государственно-правовой опыт в правосознании. Все многообразие мира — в метафоричном и неиссякаемом его познании: «Мир может быть и театром (У. Шекспир), и “зеркалом”, которое у И. Канта, Дж. Локка и Р. Декарта органично превращается в “свет разума”». У Цицерона и Н. Коперника он — «солнце», у Х. Вольфа — «машина»⁴ и т. д. Оттого подлинная и трансцендентная реальности заложены в текстах историков права: — величие слова, обращенного к прошлому, овладевающее настоящим, покоряющее будущее; — нарратив картины мира при симбиозе ультрамодного модерна прикладного характера и чтимой традиционной фундаментальности.

Так передавать цивилизационный опыт человечества способна только история, а в политико-правовом измерении — история права. Это фасцинация разума и сенсуального:

- с одной стороны, появляются идеи, категории, формы — историко-правовая экспрессия;
- с другой стороны, образы, страсть, эмоциональное напряжение — историко-правовая импрессия.

Последнее, иррациональное, уже никогда не сотрется в нашем подсознании.

¹ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2. С. 19.

² Исаев И. А. Слово к читателю // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 6.

³ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Официальный сайт Президента России. 12 июля 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru>.

⁴ Исаев И. А. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // Lex russica. 2021. № 6. С. 32.

Научная мысль содержит в себе призыв к действию. Нелегко достичь истины, идентифицировать себя с революционным запретным, выйти за пределы невозможности. «Читая строки истории науки, мы видим и науку на кострах, и титанов мысли на эшафотах»⁵. Меж тем ничто не сломит волю Ученого, не испепелит любовь к познанию: ни костер, ни молчаливое безразличие большинства, ни импозитивность масс (по терминологии Ж. Бодрийяра). Боль и неудачи сохранят возвышенный образ мыслей и направят от временного к вечному, чтобы «жило высшее сознание»⁶. Ученый никогда не отвергнет свет знаний, и, напротив, настоящая трагедия, «когда человек боится света» (Платон), — пустота души и интеллекта.

Наука потому и требует не только фиксации результата, но и прорыва. Только он дает социальный прогресс, гармонию и справедливость, титанизацию ученых и свободу творчества, инстинкт подъема и веру человечества в себя и, наконец, победу над шаблонностью, бестолковщиной, поверхностным суждением («У человека есть только один тиран — невежество». В. Гюго).

Р. Паунд возлагал надежды на науку как хранительницу порядка, эффективно устраняющую конфликты между людьми: «Это задача социальных наук найти, как постоянно делать процесс удовлетворения человеческих претензий и требований менее убыточным, с меньшим сопротивлением и более эффективным в удовлетворении непрерывно возрастающего количества человеческих требований»⁷. Юриспруденция «должна быть чем-то более, чем организованным и систематизированным собранием юридических предписаний»⁸. Мир юриста — не мир абстрактных образований, полученный по учебникам отдельных юридических дисциплин.

Творческую силу юриспруденции убедительно доказывает Р. Иеринг: «К новым открытиям приводит нас... движущая сила мысли, внутренняя диалектика юридического отношения. Последняя раскрывает пред нами самые отдаленные и скрытые отношения»⁹. Бунтарский социологизм его учения фундируется в непокорности в восприятии мертвых правоотношений («вырвать полипа, прикрепившегося тысячью отростков»¹⁰), в перестраивании терминологии и переработке доктрины авторитетов по современным запросам. Прорыв в науке Р. Иеринг сравнивает со свежим ветром, поднимающим пыль («хотя и очень многим придется протереть чрез это глаза»).

Р. Иеринг отрицает пассивность истории права, в частности то, что происхождение права — непостижимая тайна, перед ней останавливается всякое дальнейшее исследование, а историк избавлен от хлопот¹¹. «Золотому веку» истории

⁵ См.: Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты : сб. / сост. и авт. предисл. Е. С. Лихтенштейн. М. : Книга, 1974. Кн. 1. 320 с.

⁶ Шопенгауэр А. Новые Paralipomena // Собр. соч. : в 6 т. М. : ТЕРРА — Кн. клуб ; Республика, 2001. Т. 6 : Из рукописного наследия. С. 120.

⁷ Pound R. Interpretations of Legal History. Cambridge ; Massachusetts : The Macmillan Group, 1946. P. 158.

⁸ Pound R. Op. cit. P. 153.

⁹ Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юридический вестник. 1883. № 8. С. 547.

¹⁰ Иеринг Р. Борьба за право. М. : Феникс, 1991. С. 8.

¹¹ Jhering R. Entwicklungsgeschichte des römischen Rechts. Leipzig : Breitkopf & Härtel, 1894. S. 13.



противопологается прозаическая правда истории. Историзм служит опорой прогрессу, а не (по К. Савиной) знаменем охранительных начал.

История права дает абстрактным нормам их жизненное значение и тем самым не становится материалом для других наук, имея свои самостоятельные задачи. Сближение науки и жизни — вот задача современной юриспруденции¹². Юристы призваны объяснять развитие права с точки зрения влияния, оказываемого внешним миром, а юридическая литература должна отражать новое направление, выход из догматизации и идеализации норм¹³. При этом практическое никогда не должно ограничиваться практическим: «Юриспруденция не была бы юриспруденцией и не выполняла бы своего практического назначения, если бы она старалась отыскать одно только непосредственно практическое»¹⁴.

Историк права должен обнаружить причины происхождения и условия применения права, связь явлений и процессов. Изучить что-либо из любознательности еще не значит слепо поклоняться предмету исследования: «Кроме историко-правового конкретного материала, внешних факторов исторического развития права, в истории права есть еще и другая часть — часть самая лучшая, но закрытая для современников»¹⁵. Естествоиспытатель заставляет говорить окаменелости, отвечать даже на то, что опосредованно (по косточке воспроизводя целое животное), а юрист извлекает знания из остатков прежних времен истории права. Таков залог научного успеха. «Всем этим объясняется и то, почему юриспруденция не только наука, но и искусство; она — искусство, поскольку она творит, как искусство; но она еще и потому искусство, что предполагает дарования художника — умение формировать и конструировать; юриспруденция и потому еще искусство, что та же фантазия, которая открывает взору художника картины жизни, открывает умственному взору юриста жизненные явления, в которые он может провести свои принципы»¹⁶.

Историк права преобразуется в творца, архитектора, расширяющего границы не просто человеческого — космического:

- ранее значение и ценность историко-правовых исследований и открытий «измеряли степенью согласия их с источником»;
- «заслуги нового направления определяются степенью их отдаленности от источника»¹⁷.

Историко-правовое познание — космическое действие (вспомним Ф. Шелленга), пронзающее пространство и время, интегрирующее все цивилизации.

Будущее истории права, или, как назвал Р. Иеринг, «Евангелие истории права будущего», — в инновационной диалектике с креативным мышлением, нестандартными подходами, безграничным инструментарием методик и методологий. Вот мнение И. А. Исаева:

- «То, что сейчас происходит в историко-правовой науке, и не только, — это наступление новых методик. Цифра активно наступает на основания

¹² Иеринг Р. Задача современной юриспруденции. С. 551.

¹³ См.: Jhering R. Op. cit. 124 S.

¹⁴ Иеринг Р. Задача современной юриспруденции. С. 546.

¹⁵ Иеринг Р. Задача современной юриспруденции. С. 535.

¹⁶ Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 115.

¹⁷ Иеринг Р. Задача современной юриспруденции. С. 535.

гуманитарной науки, к которым мы привыкли, исходящие от Платона и Аристотеля. Посмотрим, что будет. Возможно ли ужиться этим двум направлениям, кто из них окажется более справедливым или они найдут общий язык?»;

- «История права подходит к технологизации, или цифре, как сейчас говорят, несколько иначе, воспринимая технологические вызовы на каком-то более глубинном уровне, более основательно»¹⁸.

История права XXI в. как открытая наука, обращаясь к «цифровым» категориям, без которых «уже сейчас и еще более — завтра будет совершенно невысказано»¹⁹, гармонично соединяет и памятное наследие, и право, развивающееся, «идущее вперед, навстречу растущим потребностям жизни»²⁰.

Отрицание прогресса истории права — характерная уловка бездарного. Персеверация историко-правовой информации суть экзистенция узника затхлой пещеры, пугающегося от фрагментарности тени теней внутри нее. Имитативность, стереотипность, клишированность убивают эстетику познания, раскалывают идеи и образы — «игнорируют творческие достижения предыдущих эпох»²¹. Китч обезображивает историю права. Чем и губителен разрыв между наукой и учебной дисциплиной. Исчезает свобода творчества. Узники «предпочитают сумерки темных понятий», а их «фантазия создает по собственному желанию удобные образы»²². Свет знаний меркнет. Адепты бездарного «не излучают, а, напротив, поглощают всё излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла»²³. Подобное благоприятно для симуляции научной деятельности, диктата симулякров над правовой жизнью. Диалектическое естество истории права поглощается и нейтрализуется безвозвратно инерцией масс. Гиперреальность торжествует, повелевая молчаливым большинством.

Научный прорыв, альтернатива гиперреальному, по-новому разворачивает труд историка права как Специалиста. Высок риск делать ставку только на человека в эру механизации, и тем более по многим проектам, но точка приложения усилий — не проекты, а их основатели и исполнители. Творчество никогда не будет заменено машиной. И. А. Исаев поясняет это так: «В науке нужна интуиция. У машины нет интуиции, нет никаких этических и эстетических соображений. У нее есть искусственный интеллект, но нет разума: разум и интеллект — вещи все-таки разные (например, предрассудки — качество до рассуждения, строящееся как раз

¹⁸ Исаев И. А. Фундаментальные проблемы истории права (доклад на Международном научно-практическом семинаре «Проектная мастерская кафедры истории государства и права», 24 декабря 2020 г.) ; История права как открытая наука (доклад на Международной конференции «Современные проблемы юридической науки», посвященной 98-летию общенационального лидера азербайджанского народа Г. Алиева, 22 апреля 2021 г.) // Канал YouTube “Open Science. History & Future of Law”.

¹⁹ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2. С. 9.

²⁰ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). С. 441.

²¹ Поляков А. Ф. Культурные смыслы китча // Вестник ТОГУ. 2010. № 4. С. 203.

²² См.: Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: Рипол-классик, 2018. 240 с.

²³ См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2000. 95 с.



на интуиции). Очень часто поэты открывали более яркие государственно-правовые перспективы, чем исследователи и тем более политики»²⁴. Будущее остается за креативностью человека как архитектора мира.

Инновация истории права проявляется осторожно (история сама по себе консервативная наука). С каждым годом это будет, безусловно, все явственнее для окружающих: сверхобъемы историко-правовой информации, сверхскорости самих исследователей, сверхреализация для жизни.

Новый импульс истории права заключен в ее проблематике. Историк права всегда дедуцирует актуальные темы. Мощная доминантная энергия творческой силы юриспруденции открывает генезис и тенденции будущего государства и права, звуча в инновационном историко-правовом изложении концептов:

- «технологии власти», «власть технологий», «машина власти»;
- «коллективное тело власти», «властный статус», «театр власти»;
- «виртуальное политическое пространство» и «властные иерархии и сети»;
- «истоки публичного права» и «симулякры и симуляции власти»;
- «мифологемы Закона», «метафоры Закона», «Закон и истина в утопии»;
- «глубинное государство» и «третье царство».

Миссия истории права особая. История права, верный спутник юриста в рациональном и иррациональном государственно-правовом мировоззрении, остается вне конкуренции при постижении идей и идеалов, выборе эпистем. Поскольку сама история считается политикой, опрокинутой в прошлое (М. Н. Покровский), постольку для юриста существуют два основных предмета, две вещи, которые должно узнать, исследовать, не просто комментировать, а пытаться совершенствовать, — это власть и закон: их взаимодействия и взаимоотношения как раз и раскрываются в историко-правовом анализе (И. А. Исаев). Историк права становится новой «мягкой силой» на политико-исторической сцене.

История права, а теперь история и будущее права, есть сама жизнь — то завораживающая, то разочаровывающая, изменчиво придающая государственно-правовым институтам «исторический нимб или осадок»²⁵ — и, бесспорно, вдохновляющая на гуманистические искания био-, социо-, технопорядка настоящего и грядущего сквозь интеллектуальную интуицию и интерпретации исторической природы. Своеобразный мактуб историка права — все написано во времени и пространстве:

- «Припоминать подлинно сущее, глядя на то, что есть здесь...» (Платон);
- «Когда я размышляю, то это мировой дух стремится осмыслить себя, это природа желает познать и постичь самое себя. Не по следам мыслей другого духа хочу идти я, но то, что есть, я хочу превратить в познанное....» (А. Шопенгауэр).

Магнетизм жизни — удивлять своей многоликостью. Вслед за И. Гёте («Фауст»), читая тайный свиток минувшего, «книгу за семью печатями», постигая отражение веков, мы идем вперед за жизнью. Сберегая картину ускользающего мира, его идеи и образы, создаем будущее — новый правопорядок, реальное и виртуальное пространство государства и права.

²⁴ Исаев И. А. Пространство Закона в век технологий (доклад на Международном научно-практическом семинаре «Проектная мастерская кафедры истории государства и права», 28 мая 2021 г.) // Канал YouTube “Open Science. History & Future of Law”.

²⁵ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб. : Владимир Даль, 2006. С. 206.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. — Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 95 с.
2. Иеринг Р. Борьба за право. — М. : Феникс, 1991. — 64 с.
3. Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юридический вестник. — 1883. — № 8. — С. 533—573.
4. Исаев И. А. История права как открытая наука (доклад на Международной конференции «Современные проблемы юридической науки», посвященной 98-летию общенационального лидера азербайджанского народа Г. Алиева, 22 апреля 2021 г.) // Канал YouTube “Open Science. History & Future of Law”.
5. Исаев И. А. Метафоры Закона: от «света» к «пламени» // Lex russica. — 2021. — № 6. — С. 32—35.
6. Исаев И. А. Пространство Закона в век технологий (доклад на Международном научно-практическом семинаре «Проектная мастерская кафедры истории государства и права», 28 мая 2021 г.) // Канал YouTube “Open Science. History & Future of Law”.
7. Исаев И. А. Слово к читателю // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 6—7.
8. Исаев И. А. Фундаментальные проблемы истории права (доклад на Международном научно-практическом семинаре «Проектная мастерская кафедры истории государства и права», 24 декабря 2020 г.) // Канал YouTube “Open Science. History & Future of Law”.
9. Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. — 1887. — № 9. — С. 112—117.
10. Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. — 1904. — Кн. 74 (IV). — С. 397—450.
11. Поляков А. Ф. Культурные смыслы китча // Вестник ТОГУ. — 2010. — № 4. — С. 201—210.
12. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Официальный сайт Президента России. — 12 июля 2021 г. — URL: <http://www.kremlin.ru>.
13. Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты : сб. / сост. и авт. предисл. Е. С. Лихтенштейн. — М. : Книга, 1974. — Кн. 1. — 320 с.
14. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — № 2. — С. 9—20.
15. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. — М. : Рипол-классик, 2018. — 240 с.
16. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. — СПб. : Владимир Даль, 2006. — 300 с.
17. Шопенгауэр А. Новые Paralipomena // Собр. соч. : в 6 т. — М. : ТЕРА — Кн. клуб ; Республика, 2001. — Т. 6 : Из рукописного наследия. — 352 с.
18. Jhering R. Entwicklungsgeschichte des römischen Rechts. — Leipzig : Breitkopf & Härtel, 1894. — 124 S.
19. Pound R. Interpretations of Legal History. — Cambridge ; Massachusetts : The Macmillan Group, 1946. — 171 p.

Конституция как историческая матрица и политический ресурс



**Михаил Олегович
АКИШИН,**

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Ленинградского
государственного
университета
имени А. С. Пушкина,
доктор исторических наук,
кандидат юридических
наук, доцент
akishin-mo@yandex.ru
196605, Россия,
г. Санкт-Петербург,
Петербургское ш., д. 10

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА ЕКАТЕРИНЫ II¹

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что учения эпохи Просвещения были совместимы с основами сословного общества и абсолютной монархии. Становление отрасли конституционного права принято связывать с «Великим мятежом» и «Славной революцией» в Англии. Однако в результате английской революции появилась неписанная конституция, толкование которой породило три подхода: «божественное право» Р. Филмера, теорию общественного договора Дж. Локка и теорию «древней конституции». Основание науки конституционного права заложили учения эпохи Просвещения XVIII в. Идеи «естественного» равенства, личных и политических прав и свобод, ограничения «деспотизма» законом и разделением властей противоречили основам сословного общества и абсолютных монархий, но при этом оказались совместимы с ними. Деятели Просвещения занимали должности на королевской службе или были влиятельными писателями своего времени. Доктрина и законотворчество «просвещенной» монархии Екатерины II основывалась на этих учениях, что привело к усвоению ряда конституционно-правовых идей и оформлению государственного права Российской империи.

Ключевые слова: юриспруденция, история государства и права, история конституционного права, государство, право, закон, естественное право, Просвещение, просвещенный абсолютизм, Екатерина II.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.104-110

MIKHAIL O. AKISHIN,

*Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Pushkin
Leningrad State University, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), Professor*

akishin-MO@yandex.ru

10, Peterburgskoe shosse, Saint Petersburg, Russia, 196605

CONSTITUTIONAL IDEAS OF THE ENLIGHTENMENT ERA AND THE LEGAL DOCTRINE OF CATHERINE II

Abstract. *The article substantiates the position that the teachings of the Enlightenment were compatible with the foundations of class society and absolute monarchy. The formation of the branch of constitutional law is usually associated with the “Great Rebellion” and “Glorious Revolution” in England. However, as a result of the English revolution, an unwritten constitution appeared, the interpretation of which gave rise to three approaches: the “divine right” of R. Filmer, the theory of the social contract of J. R. Tolkien. Locke and the theory of the “ancient constitution”. The foundation of the science of constitutional law was laid by the teachings of the Enlightenment of the XVIII century. The ideas of “natural” equality, personal and political rights and freedoms, the restriction of “despotism” by law and the separation of powers contradicted the foundations of class society and absolute monarchies, but they were compatible with them. Enlightenment figures held positions in the royal service or were influential writers of their time. The doctrine and law-making of the “enlightened” monarchy of Catherine II was based on these teachings, which led to the assimilation of a number of constitutional and legal ideas and the formation of state law of the Russian Empire.*

Keywords: *jurisprudence, history of state and law, history of constitutional law, state, law, law, natural law, Enlightenment, enlightened absolutism, Catherine II.*

В истории Российской империи вторая половина XVIII в. — эпоха «просвещенной» монархии Екатерины II. Ее правление вызывало споры уже среди современников. В начале XIX в. Н. М. Карамзин оценивал Екатерину II как «образовательницу новой России». Напротив, от А. С. Пушкина императрица получила прозвище «Тартюф в юбке и короне». Во второй половине XIX — начале XX в. Р. Ю. Виппер, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтер, В. Н. Латкин, Н. Д. Чечулин и другие оценивали реформы Екатерины II как важный этап в европеизации России. Но в советской историографии ее правление было объявлено эпохой «диктатуры дворянства». П. С. Грацианский утверждал, что «Екатерина выхолощивала революционное содержание теории естественного права», из которой «вытекала необходимость ликвидации сословного строя, провозглашение юридического равенства граждан, принципов свободы собственности и свободы договора»².

² Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 52—53.

Этапным трудом в изучении «законной монархии» Екатерины II стали исследования О. А. Омельченко. Ее правовую доктрину он определил как «консервативно-либеральную, опирающуюся на дворянство и аристократию», придя при этом к выводу о том, что «российскому закону и праву времени “просвещенного абсолютизма” вполне были присущи известные гарантии неприкосновенности личности, собственности, чести и достоинства»³.

Будущая императрица увлеклась учениями просветителей в юном возрасте. Особое влияние на будущую императрицу оказали труды Ш. Л. Монтескье. В 1750-х гг. профессор юриспруденции Петербургской академии наук Ф. Г. Штрубде-Пирмона подверг критике «ложные умозаключения и толкования» «опасного писателя» Монтескье. Ознакомившись с этой критикой, великая княгиня Екатерина Алексеевна поддержала Монтескье. Особо отмечу два ее замечания, которые в последующем определили основы доктрины «просвещенной» монархии.

Первым эпохальным действием Екатерины II после восшествия на престол стал созыв Уложенной комиссии и подготовка «Наказа» для нее. Текст «Наказа» содержал прямые заимствования из сочинений Ш. Л. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера. Наибольшее влияние оказал труд Ш. Л. Монтескье «О духе законов». По подсчетам Н. Д. Чечулина 294 статей «Наказа» содержат заимствования из этого труда.

Вопрос о том, как Екатерина II использовала его сочинение, является дискуссионным. А. Ф. Кистяковский, Н. Д. Чечулин и другие считали, что заимствования Екатерины II — простой перевод текста Монтескье⁴. Напротив, некоторые, в том числе Р. Ю. Виппер, О. А. Омельченко, доказывали наличие собственных идей у Екатерины II, что вело к изменению первоначального смысла положений теории Монтескье⁵.

«Наказ» и законопроекты Уложенной комиссии стали важнейшими источниками законотворчества Екатерины II в 1770—1790-х гг. Кроме того, императрица использовала в правотворчестве сочинение Ш. Л. Монтескье, «Энциклопедию» Д'Аламбера и Дидро. В 1770-х гг. ее внимание привлек шеститомный труд профессора Оксфордского университета У. Блэкстона *Commentaries on the Laws of England*, переведенный и изданный в 1780—1782 гг. в типографии Московского университета по повелению императрицы. Отмечу, что Блэкстон был сторонником теории «древней конституции» Англии и толковал сложившуюся там дуалистическую монархию в духе незыблемых и полноправных свойств власти монарха.

Реформы государственного аппарата Екатерины II привели прежде всего к новациям в структуре высших и центральных органов. 17 января 1769 г. был создан Совет при высочайшем дворе, в полномочия которого фактически вошли законосовещательные функции и координация деятельности ведомств при проведении внешней и внутренней политики. Реформа Сената, осуществленная на основе Манифеста от 15 декабря 1763 г., лишила его административных функций и превратила в высший судебный и контрольно-надзорный орган.

³ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй : Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 358—359.

⁴ Чечулин Н. Д. Об источниках «Наказа» // Журнал М-ва нар. просвещения. 1902, апр. С. 280—281.

⁵ Омельченко О. А. Указ. соч. С. 76—95.

В 1780—1790-х гг. была проведена реформа центрального управления, в результате которой были ликвидированы Камер-коллегия, Вотчинная коллегия, Коллегия экономии, Юстиц-коллегия, Малороссийская коллегия, Ревизион-коллегия, Коммерц-коллегия.

Одной из целей реформ высших и центральных органов власти была децентрализация управления, приближение верховной власти к подданным, в результате чего во главе местного управления должны были оказаться представители монарха, осуществляющие свою власть «в пределах закона». Как доказал Ю. В. Готье, эта идея начала реализовываться при проведении областной реформы 1764 г., обсуждалась в Уложенной комиссии и была осуществлена при проведении губернской реформы 1775 г.

Основной акт губернской реформы — «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. — закрепил новое административно-территориальное деление империи, оформил разделение местной администрации и суда. Вся полнота управления в губернии вверялась наместнику (губернатору), который назначался по усмотрению императора и определялся как «сберегатель императорского величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел».

Осуществляя реформы государственного аппарата, Екатерина II не забывала об основном лейтмотиве своих преобразований — достижения «блаженства каждого и всех», что предопределило реформы сословно-правового строя империи.

Борьба дворянства за свои сословные права проявилась уже во время «затейки верховников» 1730 г. Отправной точкой для политики Екатерины II в этом вопросе стал манифест «О вольности дворянской», изданный Петром III 18 февраля 1762 г. Вопрос о сословном статусе дворянства обсуждался в Комиссии о вольности дворянской 1763 г., «Наказе» Екатерины II и в Уложенной комиссии 1767 г.

Основное противоречие заключалось в подходе к статусу дворянства. Императрица определяла дворянство как высшее сословие, связанное с государственной службой. Главное условие дворянского звания — это «пожалование монарха». Напротив, в проекте «Права дворянского», разработанного комиссией 1763 г., принадлежность к дворянству определялась правом наследования, в «Проекте правам благородных», разработанном Уложенной комиссией, — как «нарицание в чести», возникающее по воле монарха и по наследованию. Объем сословных прав разногласий не вызывал.

8 апреля 1785 г. императрица подписала и 21 апреля (к дню своего рождения) опубликовала «Грамоту на права и преимущества благородному российскому дворянству». Статус дворянства определялся как пожалование за государственную службу и «награждение добродетели». Звание дворянина утверждалось как «неотъемлемое, потомственное и наследственное». «Благородному» сословию устанавливались «на вечные времена и непоколебимо» «фундаментальные» права на дворянское достоинство, честь, гарантии охраны судом неприкосновенности личности и жизни, освобождение от телесных наказаний, свобода от обязательной государственной службы, право на выезд за границу и на поступление на иностранную службу, право земельной собственности и др.

Екатерина II устанавливала политическое право дворянства на выражение сословных интересов. Во время выборов в Уложенную комиссию 1767 г. дворяне

впервые в имперский период получили своего представителя на местном уровне — выборного предводителя. При проведении губернской реформы 1775 г. уездный предводитель получил статус постоянного выборного лица, участвующего в решении местных сословных дел. Согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 г., дворянские «общества» уезда и губернии получили права публичной корпорации и юридического лица.

С начала царствования Екатерины II был поставлен вопрос о реформе сословного статуса «третьего чина» — купечества и посадских людей. В 1763 г. была создана Комиссия о коммерции. Вопрос о «среднем роде людей» ставился Екатериной II в «Наказе» Уложенной комиссии 1767 г. Как установил А. А. Кизеветтер, к работе над урегулированием сословного статуса городского сословия Екатерина II приступила примерно в 1780 г., используя при разработке законопроекта городские указы и работы Уложенной комиссии, предшествующее законодательство о цеховом устройстве и правах купечества, иностранное законодательство и др.⁶

Наибольшую сложность при анализе доктрины и практики просвещенного абсолютизма представляет исследование крестьянского вопроса. Как уже отмечалось, советских и некоторых современных ученых его изучение приводит к заключению о том, что стремление Екатерины II представить себя сторонницей учений Просвещения было только демагогией.

Впервые в истории правовой политики России Екатерина II поставила вопрос об ограничении крепостной зависимости в «Наказе» Уложенной комиссии. Но даже эта ограниченная постановка вопроса вызвала резкое отторжение дворян. Е. Р. Дашкова об этом писала: «Во время второго посещения Москвы по случаю общего собрания депутатов... Екатерине угрожал мятеж. Общее неудовольствие дворян... готово было разлиться новой революцией»⁷. Сама Екатерина II жаловалась: «Едва посмеешь сказать, что они (крепостные. — М. А.) такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями»⁸.

В 1765—1767 гг. по инициативе Екатерины II был объявлен конкурс законодательных предположений и публицистических сочинений Вольного экономического общества по теме «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны». В конкурсе принял участие дворянин А. Я. Поленов, обучавшийся в 1762—1767 гг. юриспруденции в Страсбургском и Геттингенском университетах. Вернувшись в Россию, он к весне 1768 г. написал трактат, в котором осудил крепостничество, аргументировав это ссылками на естественное право, неэффективностью подневольного труда и опасностью крестьянских «бунтов». Поленов выступал за освобождение крестьян с землей

⁶ *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М., 1909.

⁷ *Дашкова Е. Р.* Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям // Е. Р. Дашкова. О смысле слова «воспитание»: сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 95.

⁸ Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 12. С. 169.

и иным имуществом. По высочайшему повелению автор 13 июля 1768 г. получил «награждение» в виде золотой медали весом в 12 червонцев⁹.

Реакция дворян заставила Екатерину II отказаться от публичного обсуждения вопроса о крепостном праве. Однако до конца своего царствования она оставалась противницей крепостного права. Она придерживалась принципа, запрещавшего «крепостить» «вольных до того людей»¹⁰. Думается, именно этим объясняется падение численности крепостного населения Российской империи в годы ее правления¹¹. Неизменный гнев Екатерины II вызывали известия о бесчеловечном обращении помещиков с дворовыми. Она контролировала ход следствия и суда по делам Салтыковой, Козловской, вдовы Эттингер и др.

В период разработки Жалованных грамот дворянству и городам императрицей был подготовлен проект «Об устройстве свободных сельских обывателей», в котором впервые в истории российского законодательства она попыталась урегулировать правовой статус государственных крестьян. Проект предполагал утвердить за «сельскими обитателями» сословные права, включая право на свободное звание, собственность. Крестьяне могли отказаться выполнять незаконно определенные повинности и разного рода сборы. Они получали право на занятия земледелием, мелкой торговлей и промыслами. Сельское общество наделялось правами корпорации публичного права.

Причины, по которым этот проект не обрел силу закона, неясны. О. А. Омельченко считал, что «обстоятельства, не позволившие ему стать полноправным законом, могли быть чисто случайные»¹². К сожалению, исследователи этого проекта и крестьянского вопроса в целом не уделяют достаточного внимания тому, что императрица наделяла своих наместников правом издания локальных нормативных актов. В данном случае это является существенным обстоятельством.

В 1787 г. Г. А. Потемкин разработал и ввел в действие Положение для установления сельского порядка в казенных селениях ведомства директора экономики Екатеринославского наместничества. Императрица знала об этой реформе.

Последний вопрос, на котором хотелось бы остановиться, — влияние на правовую политику просвещенного абсолютизма в России Французской революции. Именно в ходе этих революционных потрясений были приняты первые кодифицированные конституционные акты и завершился процесс формирования конституции в современном смысле слова. Публично Екатерина II негативно воспринимала известия о Французской революции. Однако эту реакцию не следует переоценивать.

О том, что основы доктрины просвещенной монархии сохранились в 1790-х гг. в неизменном виде, свидетельствует проект Свода государственных установлений, над которым Екатерина II работала с 1785 г. и до конца своего правления. О. А. Омельченко назвал его «проектом конституции “просвещенного абсолютизма”», подчеркнув при этом преемственность «Свода» по отношению к

⁹ Русский архив : историко-литературный сборник. М., 1866. Вып. 3. Стлб. 218—219, 511—519.

¹⁰ Цит. по: Омельченко О. А. Указ. соч. С. 341.

¹¹ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971. С. 12.

¹² Омельченко О. А. Указ. соч. С. 237.

предшествующему законодательству императрицы¹³. В этом проекте Екатерина II подчеркивала неограниченную власть самодержца, но при этом планировала закрепить статус постоянного «Совета императорского величества», в задачи которого входило «иметь рассуждение и бдение, дабы в поручаемых ему от нас дел ничего не было упущено, что служить может к обороне, безопасности и целости государства», и Сената как «хранилища законов». Судебные полномочия предполагалось вверить высшему судебному органу — Главной Расправной палате.

Теория естественного права и учения эпохи Просвещения были совместимы с доктриной абсолютной монархии. Установление абсолютной власти — всегда само по себе важное событие, приводящее «к унификации и систематизации права»¹⁴. Доктрина и законотворчество просвещенной монархии Екатерины II основывались на их положениях, что привело к оформлению государственного права Российской империи и усвоению им ряда конституционно-правовых идей: «учредительных» (фундаментальных, коренных) законов, принципа разделения властей, статуса высших государственных органов, личных и политических прав подданных. Эти фундаментальные новации стали основой развития государственного права Российской империи в XIX — начале XX вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Грацианский П. С.* Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. — М. : Наука, 1984. — 253 с.
2. *Дашкова Е. Р.* О смысле слова «воспитание» : сочинения, письма, документы. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. — 455 с.
3. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
4. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). — М. : Наука, 1971. — 190 с.
5. *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. — М. : Тип. имп. Моск. ун-та, 1909. — 473 с.
6. *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй : Просвещенный абсолютизм в России. — М. : Юрист, 1993. — 428 с.
7. *Русский архив : историко-литературный сборник.* — Вып. 3. — М. : Тип. В. Грачева и Ко, 1866.
8. *Сочинения императрицы Екатерины II.* — СПб. : Имп. Акад. наук, 1901. — Т. 12.
9. *Чечулин Н. Д.* Об источниках «Наказа» // Журнал Министерства народного просвещения. — 1902, апр. — С. 279—320.

¹³ *Омельченко О. А.* Указ. соч. С. 337, 347, 358—359.

¹⁴ *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 28.

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКИХ КОНСТИТУЦИЯХ¹

Аннотация. Все советские конституции содержали положения, касающиеся организации территории государства. В первых советских конституциях вопросы территории отражались в статьях, устанавливающих систему местных органов власти и закрепляющих право наций на самоопределение. Этническое разнообразие, отличия в социальной и правовой жизни национальных сообществ делали эту идею близкой и официальной государственно-правовой доктрине и партийной программе большевиков, в которой заявлялось о необходимости областного самоуправления для местностей, отличающихся особыми бытовыми условиями и составом населения. Начиная с Конституции СССР 1936 г. в Основном законе стали перечисляться административно-территориальные и национально-территориальные единицы, входящие в состав государства.

Ключевые слова: история государства и права, право, закон, советское государство, советское право, конституция, территория государства, государственная граница.



Татьяна Федоровна ЯЩУК,

заведующий кафедрой
теории и истории
государства и права
Омского государственного
университета
имени Ф. М. Достоевского,
доктор юридических наук,
профессор
yashukomsu@mail.ru
644077, Россия, г. Омск,
просп. Мира, д. 55А

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.111-115

TATYANA F. YASHCHUK,

Head, Department of the Theory and History of state and law
of the Dostoevsky Omsk State University,
Dr. Sci. (Law), Professor
yashukomsu@mail.ru

644077, Russia, Omsk, prosp. 55A Mira, 55A Omsk, Russia, 644077

STATE TERRITORY ISSUES IN SOVIET CONSTITUTIONS

Abstract. All Soviet constitutions contained provisions concerning the organization of the territory of the state. In the first Soviet constitutions, the issues of territory were reflected in the articles establishing the system of local authorities and establishing the right of nations to self-determination. Ethnic diversity, differences in the social and legal life of national communities, made this idea close to both the official state-legal doctrine and the Bolshevik party program, which stated the need for regional self-government for localities that differ in special living conditions and the composition of the population. Starting with the Constitution of the USSR in 1936, the main law began to list the administrative-territorial and national-territorial units within that state.

Keywords: history of state and law, law, law, Soviet state, Soviet law, constitution, territory of the state, state border.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00523).

Основные государственные законы 1906 г., которым в современной юридической науке придается значение конституционного акта, определяли Российское государство как единое и неделимое. Эта норма содержалась в ст. 1, что подчеркивало ее основополагающее значение для содержания всего документа. Принадлежность лица к государству определялась по принципу подданства, а не гражданства.

Унитаризм как способ организации территории оставался и в конституционных разработках Юридического совещания 1917 г., подготавливаемых к Учредительному собранию. В проекте «Основных законов об автономии (Федерации)» также в ст. 1 дословно повторялся тезис о едином и неделимом государстве. Допускалось введение «областной автономии». Проектируемые положения не отражали реальных процессов децентрализации, происходивших на территории бывшей Российской империи, не содержали ничего определенного, «напоминающего демократический принцип права наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств»². Указанный лозунг, составлявший важную часть идеологии левого движения и включенный в программу РСДРП(б), получил закрепление в Конституции РСФСР 1918 г. Вошла в нее и идея областной автономии.

Первые советские конституции уделяли вопросам территории государства мало внимания. Сама по себе конституция еще не могла быть итогом революции³.

Территориальное устройство государства отражалось через призму организации государственной власти, удовлетворения национальных интересов. Последнее обстоятельство повлияло на изменение внешних границ государства. Конституция РСФСР 1918 г. легитимировала действия правительства, «провозгласившего полную независимость Финляндии... вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении» (ст. 6). Транзит в Конституцию идеи об автономных областных союзах прослеживается в ст. 11. Россия объявлялась федеративной республикой, и автономные союзы должны были входить в ее состав на началах федерации.

В реальности национально-государственное строительство пошло по иному варианту, а именно через создание национально-территориальных образований. Достаточно быстро оформились их типы: республики и области, а позднее — округа.

Иерархично (снизу — вверх) выстраиваемая система советов следовала за исторически сложившимся территориальным делением государства, где низовой единицей выступала волость, затем следовали уезды, а верхний уровень занимали губернии. Однако такая система стала называться «неудобным» наследием прежнего режима, приспособившего ее под фискальные и полицейские интересы, поэтому уже в начале 1920-х гг. развернулись масштабные административно-территориальные реформы, получившие название «районирование»⁴.

² Лельчук С. В. Конституционные проекты Временного правительства России в 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия : Экономика. Управление. Право. 2008. № 5. С. 48.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 32.

⁴ Яцук Т. Ф. Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е гг. // Lex russica. 2017. № 10 (131). С. 171—186.

Самой крупной территориальной единицей становилась область (край), границы которой в целом должны были совпадать с объективно существующим экономическим районом. Районы в виде новых административных единиц заменяли собой прежние волости, но отличались от них большей территорией, а также демографическими, хозяйственными и иными показателями.

Принятие в 1924 г. союзной Конституции имело огромное значение для обеспечения территориальной целостности СССР, создавало гарантии единства государства «не на договорном, а на законодательном основании»⁵. Действительно, с точки зрения установления внешних границ СССР, внутреннего территориального устройства, принципов объединения советских республик Конституция не содержала принципиальных новаций по сравнению с уже действовавшими Декларацией об образовании СССР и Договором об образовании СССР, но статус Конституции как особого юридического акта в политической и правовой культуре оценивался более высоко.

В ведении СССР в лице его верховных органов находилось изменение внешних границ Союза, регулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками. Территория республики не могла быть изменена без ее согласия. Территориальная целостность СССР обеспечивалась общностью системы советов, единым гражданством, отнесением к компетенции общесоюзного центра стратегических вопросов, связанных с обороной, внешним представительством, поддержанием внутренних инфраструктурных связей (через транспорт, почту и телеграф).

Можно назвать и иные, непосредственно не указанные в Конституции факторы (экономические, политические, культурные и др.), способствующие сохранению и достаточно длительному развитию СССР. Союзные республики обладали всеми полномочиями по разрешению вопросов внутреннего территориального устройства.

Конституция РСФСР 1925 г. отразила состоявшиеся административно-территориальные преобразования, указав фактически действовавшие национальные автономии (республики и области) и местные органы власти, образуемые в административных единицах и на уровне поселений. С учетом продолжавшихся реформ в Конституцию неоднократно вносились редакционные дополнения и поправки, отражавшие создание новых административно-территориальных единиц и национально-территориальных автономий и связанные с ними изменения.

Так, согласно редакции 1925 г. местные органы власти выбирались в краях, областях, губерниях, округах, уездах, районах и волостях. В редакции 1935 г., ставшей последней перед принятием нового Основного закона, зафиксировано достижение более простого и однотипного административного устройства: местные органы создавались на территории края, области и района.

Определенный итог переформатирования территориального деления государства и, соответственно, административного управления подвела Конституция СССР 1936 г. Впервые в документ такого характера вводится глава «Государственное устройство», в которой закреплён территориальный состав государства с учетом сложившейся двухуровневой федерации. В статье 13 перечисляются

⁵ Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года. М. : Зерцало-М, 2004. С. 89.



республики, образующие СССР, а в ст. 22—29 последовательно описывается внутреннее территориальное устройство каждой союзной республики.

Апробированный прием был повторен в конституциях союзных республик. Так, в статье 14 Конституции РСФСР 1937 г. назывались все края, области, автономные республики и области, из которых состояла РСФСР.

Сложно сказать, в какой степени конституционный способ закрепления территориального устройства государства способствовал стабилизации внутреннего деления. Однако в последующем, вплоть до конца советского периода, новые административно-территориальные единицы, как и виды автономий, не вводились.

Исключение составляют автономные округа, но они имели давнюю историю, впервые появившись в ходе реформ 1920-х гг., когда осуществлялся переход от схемы «волость — уезд — губерния» к схеме «район — округ — область (край)». В дальнейшем округа стали рассматриваться как избыточное, промежуточное звено между районом и областью и были повсеместно упразднены, но в некоторых малонаселенных, труднодоступных местностях, где проживали национальные меньшинства, они были сохранены, поскольку представляли удобную форму территориальной организации.

Конституция СССР 1977 г. расширяла и углубляла федеративные начала государства. Необходимо учитывать, что принятый в 1977 г. текст, в отличие от предыдущей Конституции СССР 1936 г., не был единственным проектом. Первоначальные наброски относятся еще к 1960-м гг.⁶, к периоду демократизации общественных отношений в различных сферах. Так, республики получили существенные права в области судостроительства и судопроизводства, кодификации законодательства и др. Хотя подготовка новой конституции в середине 1960-х гг. была прекращена, а затем документ готовился в иной политической обстановке, демократический настрой не мог не сказаться на содержании основного закона.

Значительно обогатились статьи, касающиеся состава государства. Они вошли в новый раздел «Национально-государственное устройство СССР». Раздел включал несколько глав: гл. 8 «СССР — союзное государство»; гл. 9 «Союзная советская социалистическая республика»; гл. 10 «Автономная советская социалистическая республика»; гл. 11 «Автономная область и автономный округ». Глава 8 поддерживала конституционную традицию утверждения состава СССР, в других главах давалось исчерпывающее описание национально-территориальных образований соответствующих типов.

Сформированная в советский период конституционная традиция отражать в основном законе территориальный состав государства была поддержана в современных условиях. Конституция РФ в момент ее принятия указала состав субъектов Федерации, в дальнейшем, в связи с объединением некоторых субъектов, в соответствующие статьи вносились изменения.

⁶ Байбаков С. А. О теоретических и идеологических основах проекта Конституции СССР 1963—1964 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. 2005. № 5. С. 3—23.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Байбаков С. А.* О теоретических и идеологических основах проекта Конституции СССР 1963—1964 гг. // Вестник Московского университета. — Серия 8 : История. — 2005. — № 5. — С. 3—23.
2. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
3. *Лельчук С. В.* Конституционные проекты Временного правительства России в 1917 г. // Вестник РГГУ. — Серия : Экономика. Управление. Право. — 2008. — С. 45—55.
4. *Чистяков О. И.* Конституция СССР 1924 года. — М. : Зерцало-М, 2004. — 216 с.
5. *Яцук Т. Ф.* Реформы местного управления в РСФСР в 1920-е гг. // Lex russica. — 2017. — № 10 (131). — С. 171—186.





Павел Александрович АСТАФИЧЕВ,
 профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор
pavel-astafichev@rambler.ru
 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВК 2020 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда проблем, связанных с конституционными изменениями в российском правопорядке от 2020 г. Автор доказывает, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, установившая юридическую необходимость «обеспечения защиты исторической правды», действует во взаимосвязи с конституционными правами на свободу научного творчества, свободу мысли и слова, принципом идеологического многообразия и демократическим характером российской государственности. Право граждан на собственную позицию по историческим вопросам и поиск своей «исторической правды», которая не может быть юридически предписана извне в форме государственно обязательных идеологических установлений, следовала из действовавшего конституционного регулирования до конституционных поправок от 2020 г. и продолжает действовать сегодня в силу неизменности глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

Ключевые слова: история государства и права, право, конституция, конституционализм, права человека, идеология, идеологическое многообразие, историческая правда, демократический строй.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.116-121

PAVEL A. ASTAFICHEV,

Professor, Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Dr. Sci. (Law), Professor
nrasuvaev@yandex.ru

1, ul. Pilot Pilyutov, Saint Petersburg, Russia, 198206

HISTORICAL TRUTH AS A CATEGORY OF MODERN CONSTITUTIONAL LAW: ON 2020 CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

Abstract. The article is devoted to the study of a number of problems associated with constitutional changes in the Russian legal order from 2020. The author proves that part 3 of Art. 67.1 of the Constitution of the Russian Federation, which established the legal necessity of “ensuring the protection of historical truth”, operates in conjunction with the constitutional rights to freedom of scientific creativity, freedom of thought and speech, the principle

of ideological diversity and the democratic nature of Russian statehood. The right of citizens to their own position on historical issues and the search for their "historical truth", which cannot be legally prescribed from the outside in the form of state-binding ideological provisions, followed from the existing constitutional regulation until the constitutional amendments of 2020 and continues to operate today due to the invariability of the chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: *history of state and law, law, constitution, constitutionalism, human rights, ideology, ideological diversity, historical truth, democratic system.*

Понятие правды и ее смысл — одна из ключевых социально-философских проблем, над разрешением которой билось не одно поколение цивилизованного человечества. В сущности, это системообразующий вопрос в юридической теории, законодательстве и правоприменительной практике:

- поиск «правды» в нормативном выражении — то, к чему вообще стремятся позитивно настроенные юристы-теоретики и правоведы-практики;
- правда — то же, что и право (в объективном смысле) и справедливость¹.

Конституция исходит из существующих «правил справедливого поведения»².

К достижению правды, права и справедливости нужно стремиться, иногда к этому можно приблизиться и даже в определенной степени этого можно ненадолго достигнуть, но объявлять что-либо безусловно правдой было бы весьма опрометчиво со стороны критически настроенного к себе деятеля и вообще мыслящего индивида. Русскоязычный термин «правда» имеет еще одно значение — противоположность лжи. Это вопрос об истине, достоверности фактов, исключении мистики и вымыслов.

Нуждается ли «историческая правда» в защите?

В некоторой степени, да. Если исследователю препятствуют в доступе к информации, ее свободной интерпретации и доведении до сведения общественности — противоправно нарушаются или правомерно ограничиваются конституционные права на информацию, свободу мысли и слова. Информация о государстве не может быть совершенно общедоступной. Иное нарушало бы режим государственной тайны, препятствовало общепризнанным мировым сообществом гарантиям национальной безопасности каждой из стран — участниц международного взаимодействия.

¹ См.: Борисов В. А., Синютин С. С. Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. С. 155—163; Бояршинова И. М. Историческая правда о Второй мировой войне как фактор становления мировоззрения современной молодежи // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 5. С. 25—30; Гуц А. К. Миф о свободе восстановления исторической правды // Математические структуры и моделирование. 1998. Вып. 1. С. 4—12.

² Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 30.

Установление правомерности или противоправности соответствующих законодательных ограничений в демократическом обществе составляет компетенцию конституционного правосудия, будь оно специализированным в виде организационно обособленного конституционного суда или относящимся к сфере деятельности судов общей юрисдикции.

Вправе ли государство в лице его уполномоченных органов притязать на установление «исторической правды»?

При кажущейся очевидности отрицательного ответа на поставленный вопрос, по крайней мере в конституционно-правовом измерении, нетрудно заметить, что Российское государство практически всегда это делало, причем стремилось придать этому именно государственно-правовой характер. Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Московское царство, императорско-петровский период, Советская Россия и современное общество никогда не отличались гармоничной государственно-методологической преемственностью. Скорее, напротив — это были совершенно «разные России», которые относились с явной непримиримостью к своему прошлому. Вслед за этим каждая из вышеназванных «Россий» вырабатывала свою идеологически ориентированную «историческую правду», основной смысл которой сводился к принижению достижений предыдущих правителей и адекватному возвышению величия действующей власти.

В связи с этим выглядит довольно спорным положение ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ об «объединении тысячелетней историей», о «сохранении памяти предков» и особенно — о «преемственности в развитии Российского государства». Россия как государство действительно объединена более чем тысячелетней историей, но ее исторический генезис был весьма дискретным. Можно ли при такой степени прерывности (Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Московское царство, императорско-петровский период, Советская Россия и современное общество) требовать на конституционном уровне признания «преемственности» в развитии, тогда как дискретность была едва ли не главной особенностью отечественной политической истории? Иначе говоря, наше поколение конституционно обязывается быть «преемственным, уважая волю предков», в то время как сегодня исторически точно известно, что многие наши предки преемственность вовсе не ценили и предпочитали путь дискретного развития, отрицающий историческую преемственность и уважение воли предков.

Должны ли мы почитать гипотетическую позицию прежних поколений, если они волю своих предшественников ценили совсем не так, как нам сегодня хотелось бы вследствие конституционных установлений 2020 г.?

Все это, в конечном итоге, ведет к ненужной сакрализации истории государства, глубоко чуждой подлинной юридической сущности конституционного строя современного демократического общества и объективности историко-правовой науки.

Конституционная демократия базируется на воле и потребностях сегодняшнего поколения людей. Прошлое, конечно, имеет определенное значение, но оно не может считаться решающим. Общество меняется, а вслед за этим должны корректировать свою позицию правящие политические силы, представляющие интересы электората вследствие очередных выборов. В период горбачевской «перестройки» россияне жаждали единения с мировым сообществом с той же ортодоксальностью, с какой они сегодня предпочитают национальную идентичность и

патриотизм в государственном строительстве. Аналогичным образом меняются и другие предпочтения избирательного корпуса, что должно сопровождаться гибкой государственной политикой. Чрезмерная увлеченность традициями и историческим прошлым чревата стагнацией, застоем или даже деградацией государственного механизма.

Часть 3 ст. 67.1 Конституции РФ упоминает о необходимости «обеспечения защиты исторической правды» в контексте двух близких по смыслу установлений: обязанности «читать память защитников Отечества» и не допускать «умаления значения подвига народа при защите Отечества».

Означает ли это, что «обеспечение защиты исторической правды» сводится, главным образом, к военно-исторической тематике?

Более того, анализ литературы по этому поводу показывает, что значительное число авторов вообще понимают «историческую правду» только как «правду о Великой отечественной войне». Логично предположить, что пропагандистская машина ряда зарубежных стран действительно стремится к пересмотру сложившейся исторической трактовки некоторых событий Второй мировой войны, что не всегда и не во всем соответствует геополитическим интересам современной России.

Однако означает ли это, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ юридически обязывает российских граждан непременно включиться в это информационное противоборство, причем именно на стороне российских интересов? Свобода научного творчества (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ), свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) предполагают как минимум право гражданина воздержаться от участия в подобной дискуссии, не говоря уже о праве индивида на самостоятельную оценку исторических фактов так, как он считает нужным без какого-либо юридически обязательного предписания извне.

Такова правовая суть конституционной свободы достойного человека, проживающего в демократической стране, поддерживающей ценности правового государства. Противоборство пропагандистских машин может осуществляться на основе добровольного, внеконституционного объединения соответствующих идеологов, но не вследствие юридической обязанности граждан на историко-правовую позицию в отношении итогов тех или иных политических событий прошлого.

Кроме того, ограничительное (если не сказать, усеченное) понимание ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ в контексте оценки лишь результатов Второй мировой войны свойственно далеко не всем авторам. Так, И. Д. Чечель ставит проблему «исторической правды» о сталинизме³, В. Г. Ольшевский — о величии «Красного Октября»⁴, А. В. Нифонтов — об отречении Николая II от престола⁵ и др.

³ Чечель И. Д. Заметки об исторической правде. «Сталинизм» // Горбачевские чтения. Проблемы внешней политики М. С. Горбачева. Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего / под ред. О. М. Здравомысловой. М. : Горбачев-Фонд, 2003. С. 185.

⁴ Ольшевский В. Г. Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «Красного Октября» по Гамбургскому счету // Теория и практика современной науки. 2017. № 6. С. 609.

⁵ Нифонтов А. В. Отречение Императора Николая II: от мифологии к исторической правде или новым мифам // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской госу-



Во всех приведенных случаях авторы заявляют о необходимости установления «исторической правды», что неизбежно подпадает под предписания ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ и расширяет ее нормативный смысл за рамки как Второй мировой войны, так и вообще военно-исторической тематики.

Следовательно, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, возможно, даже вопреки желаниям и воле ее авторов, приобретает совершенно другое конституционно-правовое значение. Конституционный Суд РФ в заключении от 16 марта 2020 г. установил, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ не нарушает конституционный принцип идеологического многообразия, поскольку она не может толковаться как устанавливающая обязательную и государственную идеологию⁶. Но, к сожалению, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ буквально прочитывается именно как «идеологическая». Заключение Конституционного Суда РФ в юридическом смысле действует в системном единстве с ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, поэтому идеологическое толкование данной нормы будет противоправным.

Но в этом случае логично задать следующий вопрос: зачем тогда вообще в правовой системе появилась норма ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ? Если она «идеологическая», то это противоречит главе первой Конституции РФ вследствие правовой позиции Конституционного Суда РФ, если же она «не идеологическая» — то это лишено какого-либо юридического смысла. Можно ли как-либо иначе, чем «идеологически», понять конституционное требование об «обеспечении защиты исторической правды»?

На основании изложенного считаем возможным сформулировать следующие обобщения и выводы. Часть 3 статьи 67.1 Конституции РФ, установившая юридическую необходимость «обеспечения защиты исторической правды», заслуживает главным образом критической оценки в контексте ее соотношения с

дарственности. Кострома : Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2009. С. 317.

⁶ Конституционный Суд РФ установил буквально следующее: «Включение данных положений в текст Конституции РФ не может рассматриваться как несовместимое с положениями глав 1 и 2 Конституции РФ, в частности ее статей 1, 13, 14, 28 и 29, поскольку, будучи призванными отразить содержательную направленность и конституционно-правовые условия деятельности органов государственной власти Российской Федерации и в значительной степени — субъектов Российской Федерации, предлагаемые нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут рассцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии и светского характера Российского государства, вводящие какие-либо недопустимые с точки зрения глав 1 и 2 Конституции РФ ограничения прав и свобод человека и гражданина и вмешательство в них». См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

конституционными правами на свободу научного творчества, свободу мысли и слова, принципом идеологического многообразия и демократическим характером российской государственности. Право граждан на собственную позицию по историческим вопросам и поиск своей «исторической правды», которая не может быть юридически предписана извне в форме государственно обязательных идеологических установлений, следовала из действовавшего конституционного регулирования до конституционных поправок от 2020 г. и продолжает действовать сегодня в силу неизменности глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Борисов В. А., Синютин С. С.* Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия : История России. — 2015. — № 4. — С. 155—163.
2. *Бояршинова И. М.* Историческая правда о Второй мировой войне как фактор становления мировоззрения современной молодежи // Современные научные исследования и разработки. — 2016. — № 5. — С. 25—30.
3. *Гуц А. К.* Миф о свободе восстановления исторической правды // Математические структуры и моделирование. — 1998. — Вып. 1. — С. 4—12.
4. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
5. *Нифонтов А. В.* Отречение Императора Николая II: от мифологии к исторической правде или новым мифам // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности. — Кострома : Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2009. — С. 317—328.
6. *Ольшевский В. Г.* Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «Красного Октября» по Гамбургскому счету // Теория и практика современной науки. — 2017. — № 6. — С. 609—627.
7. *Чечель И. Д.* Заметки об исторической правде. «Сталинизм» // Горбачевские чтения. Проблемы внешней политики М. С. Горбачева. Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего / под ред. О. М. Здравомысловой. — М. : Горбачев-Фонд, 2003. — С. 185—195.



**Сергей Русланович
ЧЕДЖЕМОВ,**

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Северо-Кавказского
горно-металлургического
института
(Государственный
технологический
университет),
доктор педагогических
наук, кандидат
исторических наук,
профессор
srchedgemov@mail.ru
362021, Россия,
г. Владикавказ,
ул. Николаева, д. 44

КОНСТИТУЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость законодательного закрепления защиты исторической правды и противодействия искажению истории. Эта задача обусловлена духом и буквой принятых в 2020 г. всенародным голосованием поправок в текст Конституции РФ, задачами патриотического воспитания. Чем дальше в историю уходят от нас годы Второй мировой войны, тем больше возникает политических инсинуаций, прямо искажающих истинное положение дел на мировой арене восьмидесятилетней давности. Это объяснимо, ведь участников тех событий, живущих среди нас, становится все меньше и меньше и этим очень ловко стремятся воспользоваться определенные политические силы как за рубежом, так и внутри нашего государства. Это выводит вышеозначенную проблему на уровень междисциплинарного анализа в рамках панельной дискуссии «Историко-правовая наука и образование».

Ключевые слова: история государства и права, государство, право, Отечество, конституционное право, фальсификация, патриотизм, наука, образование, просвещение, воспитание, Вторая мировая война, Великая Отечественная война.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.122-129

SERGEJ R. CHEDZHEMOV,

Professor, Department of theory and history of state and law
of the North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy
(State Technological University),
Dr. Sci. (Pedagogy), Cand. Sci. (History), Professor
srchedgemov@mail.ru
44, ul. Nikolaeva, Vladikavkaz, Russia, 362021

CONSTITUTIONAL BUILDING IN RUSSIA: ON PROTECTING HISTORICAL TRUTH

Abstract. The article substantiates the need for legislative consolidation of the protection of historical truth and countering the distortion of history. This task is determined by the spirit and letter of the amendments to the text of the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020 by popular vote, and the tasks of patriotic education. The further into history the years of the Second World War go, the more political insinuations arise that directly distort the

true state of affairs on the world stage eighty years ago. This is understandable, because the participants of those events living among us are becoming fewer and fewer, and this is very cleverly sought to take advantage of certain political forces both abroad and within our state. This brings the above-mentioned problem to the level of interdisciplinary analysis in the framework of the panel discussion "Historical and legal science and education".

Keywords: *history of state and law, state, law, Fatherland, constitutional law, falsification, patriotism, science, education, enlightenment, education, World War II, the Great Patriotic War.*

В 2021 г. исполняется 80 лет со дня нападения фашистской Германии на СССР, правопреемником которого является современная Россия. Эта памятная дата призывает всех честных людей и тем более ученых в области истории государства и права отстаивать историческую объективность в освещении событий тех лет. Гигантский размах получили фальсификация и искажение событий Второй мировой войны, решающей роли нашего народа в достижении победы фактически и юридически, когда в 2009 г. парламентская комиссия ОБСЕ одобрила документ, приравнивающий сталинизм к нацизму¹. Начался новый виток оголтелого искажения и фальсификации российской истории. Эта тенденция особенно усилилась с 2014 г., когда в результате всенародного волеизъявления Крым и Севастополь вошли в состав России.

Особое значение приобретают не только исторические исследования событий 1939—1945 гг., но и вопросы их историографии, правового анализа, причем важно осознать, что объективное исследование возможно только с учетом взаимообусловленности международного и внутригосударственного права на основе конкретного анализа исторических фактов и их объективной интерпретации.

Принятие на всенародном голосовании поправок в текст Основного закона нашей страны — Конституции РФ не только знаменует определенный этап в истории российского конституционализма, но и в значительной мере обосновывает правовую базу нашей борьбы за историческую объективность в анализе историко-правовых вопросов. Так, ст. 67.1 Конституции РФ устанавливает:

«1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

¹ *Нетреба Н.* Россия заплатит за Сталина? // Аргументы и факты. 2009. № 28. С. 2.

Главным становится правовой механизм реализации этих положений Конституции РФ. И. А. Исаев указывает, что основополагающее значение конституций — в их требовании «некой предварительной договоренности и особых усилий для того, чтобы придать себе авторитет и уважение, коими издавна традиционно пользовался закон»². Наивно призывать политических оппонентов к соблюдению норм исторической объективности и морали: необходимо разработать правовую систему противодействия и санкций за их нарушение как внутри страны, так и за ее пределами.

Небольшой опыт подобной работы у нас в стране имеется. Речь идет о специальной комиссии, название которой говорит само за себя — Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России³. Заседания комиссии проводились согласно регламенту ее деятельности не реже двух раз в год и все организационно-технические, информационные и документационные мероприятия по обеспечению ее деятельности возлагались на Министерство образования и науки Российской Федерации.

Оценивая опыт работы данной комиссии, можно отметить, что весьма затруднительно наладить ее эффективную работу в силу организационных причин, а именно по причине кадрового вопроса. Так, в ее состав входил довольно разнородный коллектив государственных деятелей, и не все из них имели базовое высшее гуманитарное образование и глубокие патриотические убеждения. Именно в силу этого полезные начинания комиссии, инициированные ее членами — «государственниками», отстаивающими национальные интересы России, С. Е. Нарышкиным, Н. А. Нарочницкой и некоторыми другими, наталкивались на прямое сопротивление других членов комиссии, не раз публично заявлявших о своих сомнениях в целесообразности и надобности этой комиссии⁴.

Все это привело к тому, что вышеназванная комиссия, к сожалению, не внесла сколько-нибудь заметный вклад в благородное дело борьбы с искажениями нашей истории, фактически перестала работать и в результате была ликвидирована путем признания указа о ее создании утратившим силу⁵.

Причины неуспеха деятельности данной комиссии очень образно характеризуют слова из названия статьи бывшего в те годы директором Института российской истории РАН профессора А. Н. Сахарова «Историческая наука нуждается в государственной поддержке»⁶. Как раз государственной поддержки было маловато.

² *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 23.

³ Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Ливоваров Ю. С.* К вопросу о методологии понимания России // Россия и современный мир. 2011. № 3 (72). С. 6.

⁵ Указ Президента РФ от 14.02.2012 № 183 «Об утверждении состава комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации».

⁶ *Сахаров А. Н.* Историческая наука нуждается в государственной поддержке // Русская история. 2011. № 4 (18) С. 24.

В связи с этим считаем нужным подчеркнуть, что на кафедре истории государства и права России тогда еще Московской государственной юридической академии сложилась научная школа под руководством профессоров И. А. Исаева, Ю. П. Титова и Р. С. Мулукаева, основным лейтмотивом деятельности которой стало утверждение, что «наше историческое прошлое нуждается в разоблачении фальсификаторов»⁷.

Профессор Ю. П. Кожаев констатировал: «За последние 30 лет при содействии ряда организаций была развернута антисоветская и антироссийская пропаганда, направленная на преуменьшение роли СССР в разгроме фашистской Германии и ее сателлитов. Реанимированы профашистские и нацистские группировки, а их идейные вожди возведены в национальные герои. Планомерно уничтожаются памятники советским воинам, освободившим Европу от фашизма»⁸.

К сожалению, эти процессы на современной мировой политической арене ныне не только не прекращаются, но и нарастают. Возьмем, к примеру, недавние сентенции одного из могильщиков СССР — бывшего президента Украины Л. М. Кравчука о встрече И. В. Сталина и А. Гитлера, неоднократные заявления нынешнего президента Украины В. А. Зеленского о вине Советского Союза за начало Второй мировой войны, сделанные во время его визита в Польшу в 2020 г., иные политические инсинуации, интерпретируемые как новое слово в исторической науке.

Тенденциозность, а то и наглая ложь, причем воинствующая, присуща многим западным политикам, но теперь от них не отстают и «наши» доморожденные «политики и исследователи» проблем истории Великой Отечественной войны, ее локальных аспектов. Одним из примеров этого является неоднократно переиздаваемое под различными наименованиями так называемое «исследование», повествующее о службе осетин Третьему рейху.

На сайте Министерства юстиции РФ в перечне экстремистской литературы значатся различные варианты этого опуса. Приводим их с указанием порядкового номера в этом перечне: «5093. Книга “Форпост на юге России. Осетины на службе фашистской Германии 1941—1945”, политсовет, Демократический союз Ингушетии “Нийсхо” (Справедливость), тираж 500 экз., содержащая 140 страниц печатного текста (решение Магасского районного суда Республики Ингушетия от 2 марта 2020 г.)»; «5120. Печатное издание “Осетины на службе Третьего рейха. Факты массового сотрудничества осетин с фашистами в годы Великой Отечественной войны”, г. Ростов-на-Дону, 2019, 230 л. (решение Ленинского районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия — Алания от 19 августа 2020 г.)»⁹.

Общеизвестно, что в период Второй мировой войны противники СССР всячески поддерживали сепаратистские антисоветские настроения на ее национальных окраинах. Эта тенденция явственно проявляется и сегодня, в условиях оголтелых

⁷ Титов Ю. П. История государства и права России. М. : Проспект, 2009. С. 3.

⁸ Кожаев Ю. П. Вклад советской молодежи в экономику Победы СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) // Вестник МИЭП. 2015. № 4 (21). С. 111.

⁹ Кавказский узел (Новости Кавказа) // Лента новостей. URL.: <https://www.kavkaz-uzel.eu/> (дата обращения: 01.04.2021).



нападков на наше государство, очернительства ее истории, противопоставления и даже прямого стравливания народов страны. Ярким примером этого является и вышеназванный опус заведомо провокационного свойства.

В отношении организаторов указанного выше пасквиля-издания, в том числе его авторов, составителей и юридического лица — издательства, действенной мерой стало бы уголовное преследование, так же как и иных очернителей народной памяти, но в силу определенных причин в современных правовых реалиях это представляется труднодостижимым делом.

Следует признать весьма продуктивным мнение М. А. Яворского и П. А. Антось, справедливо полагающих, что «наиболее проблемной с точки зрения уголовно-правовой охраны фактов о ВОВ является узкая квалификация деяния. Уголовная ответственность наступает только за искажение приговора Международного военного трибунала (Нюрнбергского и Токийского трибунала), а также деятельности СССР (военного руководства и должностных лиц). Никакого указания на ответственность за искажение фактов об отдельных исторических личностях (невоенных), о сражениях и о положениях идеологии нацизма в уголовном законе нет. Подобное положение дел говорит о пробеле в праве: созданы предпосылки искажения фактов о вышеперечисленных личностях и о значимых военных событиях»¹⁰.

Вышеприведенные обстоятельства затрудняют борьбу с извращениями исторических фактов в юридической проекции, значительно снижают ее эффективность, что, по сути, превращает отповедь клеветникам без действенной силы юридического убеждения — наказания в обычный диалог мнений, в котором, к сожалению, не действует принцип «истина не в силе, а в правде».

Необъективная информация о событиях Великой Отечественной войны активно внедряется через средства массовой электронной информации не только в общественное сознание мирового сообщества, но и в умы россиян. В этих условиях задача историков отечественного государства и права состоит не в том, чтобы колошматить ботинком по трибунам международных конференций, а чтобы выработать адекватный ответ тем, кого еще в начале XIX в. А. С. Пушкин прозорливо называл «клеветниками России».

Именно они в своей грязной работе особый упор делают на искажении государственно-правового аспекта как отечественной истории, так и истории внешней политики России и международного права в целом. Усердствуют не только исследователи из стран, являющихся геополитическими соперниками России, но и представители определенных политических сил внутри нашей страны. Между тем тенденция искажения исторических фактов и их превратное толкование могут не только пагубно сказаться на современном поколении, но и привести к непредсказуемым последствиям, одной из которых может стать развязывание новых войн.

Как знать, может быть ради войны «горячей» реанимирована и модернизирована война «холодная», в которой навязывается «массовому сознанию

¹⁰ Яворский М. А., Антось П. А. Вопрос об уголовной ответственности за преднамеренное искажение фактов о Великой Отечественной войне // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2018. № 25. С. 84—87.

европейцев, американцев и россиян представление о русских не просто как о народе неудачников, но как о народе преступных неудачников, народе-преступнике»¹¹.

Поскольку в грязной работе искажения нашей истории от западных русофобов не отстают и некоторые наши доморощенные «ученые», для начала необходимо ответить на вопрос: в силу каких причин они это делают. Как говорили юристы еще в древности, в поиске истины следует задаваться вопросом: кому это выгодно? Только ли природное скудоумие, святая простота или вражеское наущение лежат в основе того, что не только литераторы и публицисты, но и профессиональные историки превратно истолковывают многие аспекты взаимосвязи нашего государства и общества как в прошлом, так и в настоящем.

К сожалению, здесь за фактами, как говорится, далеко идти не приходится: очернительство нашей истории и одной из славных ее страниц — героизма многонационального народа России во главе с русским народом на полях Великой Отечественной войны идет полным ходом и становится очевидной тенденция — историческим фактам противопоставляются ставшие популярными, раскрученные литературно-художественные стереотипы в освещении страниц Великой Отечественной, ее действующих лиц.

Своеобразными трендами стали упреки советского командования и лично И. В. Сталина в том, что он не только «прозевал» начало нападения Германии на СССР, но и во время войны «воевал по глобусу» и подобные измышления, которые необходимо сегодня сделать предметом вдумчивого осмысления на занятиях по курсу «история отечественного государства и права», в том числе и на основании анализа нижеприведенных работ¹².

О формах и методах этой аудиторной и самостоятельной работы по разоблачению исторических фальсификаций мы скажем в дальнейшем, а ныне, в рамках задач настоящей статьи, хочется высказать наше предположение о том, почему именно о глобусе поведал делегатам XX съезда КПСС Н. С. Хрущев, обосновывая свою критику бывшего Верховного главнокомандующего.

Критика Н. С. Хрущевым И. В. Сталина меньше всего была вызвана его стремлением упорядочить имевшие место определенные ошибки. Хрущев целенаправленно уничтожал притягательный образ нашего государства, а не только И. В. Сталина и социализма, который сложился в Западной Европе, да и в мире по окончании Второй мировой войны.

Н. С. Хрущев фактически первым в нашей стране с трибуны важнейшего политико-правового института власти — съезда партии, перед лицом иностранных делегаций и представителей масс-медиа всего мира на уровне подсознания

¹¹ *Комлева Н. А.* Геоцивилизационный смысл искажения истории Второй мировой войны // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории : сб. ст. / под общей редакцией С. А. Минюровой, Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. Екатеринбург, 2020. С. 292.

¹² См.: *Гровер Ф.* Тени XX съезда или антисталинская подлость. М. : Эксмо, 2010. 464 с. ; Отчетный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М. : Госполитиздат, 1956. 192 с. ; *Сванидзе Н. К., Сванидзе М. Н.* Погибель империи. Наша история, 1941—1964. На пике. М. : АСТ, 2019. 414 с. ; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М. : Воениздат, 1989. 540 с.



поставил знак равенства между А. Гитлером и И. В. Сталиным. Неслучайно в его речи всплыло это абсурдное умозаключение о войне по глобусу. В общественном сознании тех лет все еще ярким был созданный Чарли Чаплиным образ А. Гитлера из фильма «Диктатор». Этой фразой с трибуны съезда выстраивался своеобразный видеоряд, обосновывающий мысль о тождестве руководителей фашистской Германии и СССР.

Именно от этих слов пошли различные сентенции, с которыми выступали и выступают сегодня люди, не видящие и не желающие видеть разницы между СССР и нацистской Германией, И. В. Сталиным и А. Гитлером. К сожалению, под это подводится и международно-правовая база в виде уже упоминающейся нами резолюции ОБСЕ. В связи с этим хочется вспомнить, как убедительно на этот счет высказался корифей российского права профессор В. Д. Зорькин, не раз подчеркивающий, что «коммунистическая идея не чета фашистской»¹³. И, кстати сказать, позиции этой придерживаются не только в России. Наглядным примером объективного взгляда на нашу историю является исследование американского ученого Ф. Гровера¹⁴.

В систему российского законодательства необходимо внести определенные уточнения в связи с внесенными поправками в текст Конституции РФ. В вопросах защиты исторической правды о Великой Отечественной войне необходимо применять те же юридические принципы, которые лежат в судопроизводстве о защите чести, достоинства и доброго имени в международном и отечественном праве.

Важно создать правовой механизм не только гражданско-правовой защиты чести и доброго имени ныне здравствующих физических лиц, но и защиты чести и достоинства умерших и доброго имени народа-освободителя от фашистского порабощения. Предлагаем в УК РФ ввести новую статью «Клевета в отношении участников и ветеранов Великой Отечественной войны» либо дополнить уже имеющуюся ст. 128 «Клевета», значительно ужесточив ее санкционные составляющие. Эта новелла органически проистекает из содержания ст. 23 Конституции РФ, прямо гарантирующей право каждого на судебную защиту своей чести и доброго имени от распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, что является важным средством ограничения злоупотреблений в деле осуществления свободы слова и массовой информации.

Необходимо ввести уголовную ответственность для физических и юридических лиц за составление, издание, тиражирование и интерпретацию фактов искажения истории Великой Отечественной войны. Данные нормы права послужат одной из форм правовоспитательной работы, а их учет поможет обновить систему правового воспитания как в учебных заведениях при изучении вопросов истории государства и права нашей страны, так и во внеаудиторной деятельности. Естественно, что вопрос этот весьма непростой и требует детальной правовой и психолого-педагогической оценки, что представляется возможным в рамках научного диалога и свободного обмена мнениями.

¹³ Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5.

¹⁴ См.: Гровер Ф. Тени XX съезда, или Антисталинская подлость. М.: Эксмо, 2010. 464 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гровер Ф.* Тени XX съезда или антисталинская подлость. — М. : Эксмо, 2010. — 464 с.
2. *Зорькин В. Д.* Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. — 2019. — № 1. — С. 5—14.
3. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
4. Кавказский узел (Новости Кавказа) // Лента новостей. — URL.: <https://www.kavkaz-uzel.eu/> (дата обращения: 01.04.2021).
5. *Кожеев Ю. П.* Вклад советской молодежи в экономику Победы СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) // Вестник МИЭП. — 2015. — № 4 (21). — С. 111—120.
6. *Комлева Н. А.* Геоцивилизационный смысл искажения истории второй мировой войны // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории : сб. ст. / под общей редакцией С. А. Минюровой, Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. — Екатеринбург, 2020. — С. 292—295.
7. *Нетреба Н.* Россия заплатит за Сталина? // Аргументы и факты. — 2009. — № 28.
8. Отчетный доклад Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. — М. : Госполитиздат, 1956. — 192 с.
9. *Пивоваров Ю. С.* К вопросу о методологии понимания России // Россия и современный мир. — 2011. — № 3 (72). — С. 6—26.
10. *Сахаров А. Н.* Историческая наука нуждается в государственной поддержке // Русская история. — 2011. — № 4 (18). — С. 24—29.
11. *Сванидзе Н. К., Сванидзе М. Н.* Погибель империи. Наша история, 1941—1964. На пике. — М. : АСТ, 2019. — 414 с.
12. *Титов Ю. П.* История государства и права России. — М. : Проспект, 2009. — 630 с.
13. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. — М. : Воениздат, 1989. — 540 с.
14. *Яворский М. А., Антось П. А.* Вопрос об уголовной ответственности за преднамеренное искажение фактов о Великой Отечественной войне // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. — 2018. — № 25. — С. 84—87.





**Сергей Николаевич
БАБУРИН,**

научный руководитель,
главный научный сотрудник
Центра интеграционных
и цивилизационных
исследований
Института государства
и права Российской
академии наук,
профессор Московского
университета
имени С. Ю. Витте,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
igpran@igpran.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА XX В.

Аннотация. В статье представлены авторское видение процесса политико-правового и конституционного развития России в течение XX в., особенности динамики закрепляемых в конституциях ценностных предпочтений общества. Аргументируется плодотворность применения цивилизационного подхода к оценке уроков конституционного развития России, ключевая роль духовно-нравственных ценностей общества, прежде всего православной традиции. Конституционная реформа 2020 г. в нашей стране положила конец безраздельному господству неолiberaлизма в государственном развитии нашего Отечества, но не решила всех конституционно-правовых вопросов. Неизменяемая часть российской Конституции закрепляет не только основы государственного строя России, права и свободы человека, но и нашу цивилизационную капитуляцию. Иначе не сказать, видя регламентированную ущербность суверенитета и конституционный триумф нигилизма, воплощенный в запрете любой государственной или общеобязательной идеологии, в равноправии всех идеологий, что есть уравнивание добра и зла.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, конституция, конституционализм, православная традиция, революция, русский народ, система советов, цивилизационный союз.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.130-136

SERGEJ N. BABURIN,

Academic Director, Chief Researcher, Center for Integration
and Civilizational Studies of the Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
Professor, Moscow Witte University, Dr. Sci. (Law), Professor,
Distinguished Scientist of the Russian Federation
igpran@igpran.ru
10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

MODERN SIGNIFICANCE OF VALUE DYNAMICS OF THE 20TH-CENTURY RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Abstract. The article presents the author's vision of the process of political-legal and constitutional development of Russia during the twentieth century, features of the dynamics of the values of society enshrined in the constitutions. The fruitfulness of the application of the civilizational approach to the assessment of the lessons of the constitutional development of Russia, the key role of the spiritual and moral values of society, especially the Orthodox

tradition, is argued. The constitutional reform of 2020 in our country put an end to the undivided rule of neoliberalism in the state development of our Fatherland, but did not solve all the constitutional and legal issues. An unchangeable part of the Russian constitution, it enshrines not only the foundations of the Russian state system, human rights and freedoms, but also our civilizational capitulation. It is impossible to say otherwise, seeing the regulated inferiority of sovereignty and the constitutional triumph of nihilism, embodied in the prohibition of any state or mandatory ideology, in the equality of all ideologies, that there is an equalization of good and evil.

Keywords: *spiritual and moral values, constitution, constitutionalism, Orthodox tradition, revolution, Russian people, system of councils, civilizational union.*

Конституционные поправки 2020 г. обострили потребность в глубокой конституционной реформе, стали ее первым этапом. При подготовке новой Конституции, однако, крайне не только важно осмыслить политический и конституционный опыт последних 30 лет, но и полезно проанализировать весь исторический путь российского конституционализма.

Конституционализм современных государств отражает формирование мира транснациональных корпораций, развитие сценария планетарного тоталитаризма, которому требуются навыки с манипулированием зомбированным населением, о чем писал академик Н. Н. Моисеев еще в конце XX в.¹ Цифровизация управления не отменяет борьбы альтернативных государственных стратегий власти, опирающихся на компьютерные сети и виртуальную среду, она порождает качественно новую форму интеллекта, который, как отметил в своей статье «"Очеловеченная" власть машин» (2019) И. А. Исаев, представляет собой не просто новый механизм мысли, но быстро мутирующее невидимое пространство знания и интеллектуальной власти, по-новому моделирующее общество².

Используя прежде всего историко-хронологический и сравнительный методы исследования, остановлюсь на столетней динамике ценностных аспектов такого явления, как конституционализм. Ведь уроки истории выступают всегда заповедями на будущее³.

Первое. Кризис духовно-нравственных основ общества с неизбежностью обрекает его на социально-политические потрясения, приводит к разрыву преемственности в процессе конституционализма. Роль духовно-нравственных ценностей общества стала особенно очевидна после Исламской революции 1979 г. в Иране⁴, при нарастании ныне во всем мире безнравственных социальных процессов.

¹ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998. С. 153—158.

² Исаев И. А. «Очеловеченная» власть машин // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы : материалы X Международной научной конференции / под ред. С. Н. Бабурина и А. М. Осавелюка. М., 2019. С. 141.

³ Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.

⁴ Бабурин С. Н. Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116—130.



Февраль 1917. Российский император Николай II принужден отречься от престола. Он отрекается за себя и своего сына. На следующий день отказался принять императорскую корону его брат Михаил, запросивший согласия на монархию у Учредительного собрания. Именно они пустили Россию вразнос: страну стал разрывать на части неведомый ранее сепаратизм, была деморализована армия, в краткий срок обвалился фронт, начался паралич экономической жизни. 1 сентября 1917 г., не дожидаясь Учредительного собрания, Временное правительство А. Ф. Керенского своим решением «упразднило» империю и провозгласило Россию республикой. Защитники империи объявлены «черносотенцами», их преследуют «белые», и лишь значительно позже «красные».

Декабрь 1991. Волюнтаристски убран с мировой сцены Советский Союз. Акту «беловежского итога» предшествовали несколько лет проводимого сверху демонтажа внутреннего единства общества. При энергичной поддержке из центра развивающихся националистических движений окраин, на возродившееся русское национально-патриотическое движение сразу наклеен фальшивый и оскорбительный ярлык «красно-коричневых».

За столетие русскую цивилизацию дважды толкнули в сторону небытия, разрушили ее государственную форму, под угрозой оказался сам ее духовно-нравственный стержень. Способствовали тому бездарность верхов и нравственная слепота низов. Не разобравшись с правдой о феврале 1917 г., российское общество получило трагедию 1991 г.

Второе (второй урок истории). Вопреки всем заявлениям отечественных апологетов либерализма, XX в. подтвердил, что революции выступают закономерным этапом развития российского общества, они порождены нежеланием или неспособностью власти и стоящей за ней правящей элиты правовым путем разрешить назревшие внутренние социально-экономические проблемы общества. При нерешенности сугубо политических проблем столь же вероятен лишь государственный переворот. Революция же в корне меняет конституционно-правовую ситуацию, полностью отказываясь от старого государства и права, выступает механизмом перевода государственности на другой уровень. Н. А. Бердяев вскоре после 1917 г. утверждал: «Революция не есть событие внешнее для каждого из нас и для всего христианского мира, а есть внутреннее духовное событие, духовная болезнь в христианском человечестве, в христианском народе»⁵.

Современные хулителю революции просто оскорбляют русский народ, считая, что он был покорным пушечным мясом для революционеров. В народном сознании происходит, по словам Н. Я. Данилевского, тот же процесс внутреннего перерождения, который совершается в душе отдельного человека, переходящего из одного нравственного состояния в другое, высшее, получив к прежнему своему состоянию полное отвращение⁶. Нравственный потенциал государства русской монархии к Февралю 1917 г. был уже исчерпан, но и буржуазно-демократическая альтернатива не стала выбором русского народа.

⁵ Бердяев Н. А. Царство Божие и царство кесаря // Путь. Орган русской религиозной мысли. № 1. Париж. Сентябрь 1925. С. 25.

⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 191.

Для верного осознания духовного смысла и политико-правового результата Великой Русской революции, начавшейся в Октябре 1917, пора вспомнить глубокое наблюдение Н. Я. Данилевского о том, что русский народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, что борьба происходит внутри народного сознания, и, когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы, к совершенному ошеломлению тех, кто думает, что всё должно совершаться по одной мерке, считаемой ими за нормальную. Февральская же революция не просто неудача, напишет уже П. Б. Струве в эмиграции, а «исторический выкидыш со всеми чертами, присущими такого рода явлениям. И прославление этой революции есть либо вредное самообольщение, либо настоящий обман».

Уже к началу XX в. в России было разрушено национально-государственное духовное единение, общество вступило в эпоху господства социальных химер, которые овладели умами подавляющей части интеллектуальной элиты⁷. Февральский либерально-буржуазный эксперимент, игнорировавший цивилизационную сущность России, был прекращен Октябрем 1917, заменившим его на эксперимент коммунистический, начиная с военного коммунизма.

И события 1991 г., сама гибель Советского Союза, а в 1993 г. и ликвидация власти советов стали результатом поражения в политическом противостоянии русских традиционалистов, реваншем духовных наследников Февраля. В основе того свершившегося реванша — самообман завышенных ожиданий миллионов граждан страны, которые жили в целом хорошо, но им пообещали жизнь еще лучше, если придет западная демократия.

Третье. Конституционализм даже в революционной ситуации строится на культурно-историческом опыте национальной истории. Именно поэтому система советов, взявшая на себя государственную власть в Российском государстве осенью 1917 г., получила конституционное закрепление в первой Конституции РСФСР 1918 г. и строилась первоначально (до реформы 1936 г.) по принципам земства, спроецированным на всю государственную вертикаль. И. А. Исаев пишет: «Каждый раз к правотворчеству призывается тот, кто действительно способен право осуществлять: революция влекла за собой предусмотренную этой «базовой (основной) нормой» смену социальных сил, расположившихся на самой вершине власти. Благодаря этой норме новое революционное правительство выступало настоящим и легитимным правопреемником старого легитимного правительства»⁸.

Именно поэтому в период системного кризиса 80-х гг. к вертикали советов попытались вернуться, восстановив систему съездов на уровне СССР и РСФСР, но без должного осмысления и популяризации этой модели государственного управления советы потерпели в 1993 г. поражение и перестали существовать.

Четвертое (урок четвертый). Духовность общества имеет культурно-исторический характер и строится в России на православной духовной традиции, даже в тех случаях, когда духовенство Русской православной церкви в силу тех

⁷ Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М. : ФИВ, 2012. С. 514—515.

⁸ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 22.



или иных причин полностью или частично утратило свой авторитет в народной среде, как это произошло в 1917 г. По своей основе русская православная традиция общества наднациональна и не ориентирована только на одну конфессию, она гармонично соединяет в качестве опоры государства духовно-нравственные ценности всех мировых религий.

Пятое (пятый исторический урок). Насильственное укоренение чуждого России конституционализма контрпродуктивно. При всей важности заимствования и осмысления опыта конституционно-правового развития других стран, чужой для России конституционный опыт либо совсем не укореняется в русской правовой культуре, либо включается в ее ткань через очень значительное преломление национальным правосознанием и национальным политико-правовым опытом.

Особенно ярко это проявилось при попытках западных демократий внедрить в российский конституционализм расширительное толкование таких высших ценностей, как права и свободы человека. После 25 лет безуспешных попыток со стороны России найти приемлемый для большинства общества нравственный конституционный компромисс, в 2020 г. Российская Федерация вернулась к рассмотрению семьи и брака в традиционном для нее культурно-историческом смысле.

Не приживается в России и неуклюже скопированная после 1993 г. из Европы модель местного самоуправления, которой заменили традиционную национальную систему советов. К отечественному государственному строительству полностью относятся слова Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который, выступая 1 ноября 2016 г. на XX Всемирном русском народном соборе, напомнил, что «слепое перенесение на русскую почву чуждых мировоззренческих моделей и политических образцов, без учета национальной специфики и духовно-нравственного контекста, нередко, а лучше сказать, что почти всегда приводило к масштабным потрясениям и трагедиям»⁹.

Шестое. Цивилизационная основа жизни народа — национальная система духовно-нравственных ценностей — не может быть изменена чужим опытом конституционализма. Российский конституционализм, пройдя через этапы отрицания собственной самобытности, сохранил свою цивилизационную основу, которая выражается как в собственной, неповторимой системе духовно-нравственных ценностей, так и в особенностях организации государственного устройства¹⁰.

Видный болгарский славист О. Загоров говорит о неизбежности конфликта между западной и остальными цивилизациями, причиной которого «может быть не различная степень модерности, а различная степень порочности и отдаленности от гуманистической цивилизации»¹¹.

Седьмое. Государство в России традиционно строится как цивилизационный союз народов. Цивилизационная основа российского конституционализма

⁹ Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Выступление на XX Всемирном русском народном соборе (1 ноября 2016 г.) // Сайт Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.vrns.ru/news/4234> (дата обращения: 01.04.2021).

¹⁰ Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М. : Норма ; Инфра-М, 2020. С. 118—127, 186—235.

¹¹ Загоров О. Славянская духовность европейской мечты. София : Фонд «Устойчивое развитие Болгарии», 2013. С. 43.

заключается в построении государства как цивилизационного союза славянских, тюркских, финно-угорских, кавказских и иных племен, что возможно лишь на федеративных началах либо в форме союзного государства. Это цивилизационный союз и создал многонациональную русскую нацию.

И, наконец, *восьмое — урок восьмой*, или, скорее, итоговый вывод. Реформа Конституции РФ 2020 г. вернула российский конституционализм на его национальный маршрут. Более чем вековой опыт российского конституционализма позволяет ему с терпеливым вниманием использовать в своих конструкциях и процессах идеи различных мировоззренческих направлений. Он пережил богорборческий максимализм военного коммунизма, прекраснотушные времена нэпа и «развернутого строительства социализма». Российский конституционализм, вознесенный до небес при общенародном государстве, успешно проходит и испытания неолиберализмом.

Социальная и духовно-нравственная направленность изменений Конституции РФ весной 2020 г., при всей неоднозначности государственно-правовых новаций, вселяет надежды на преодоление пагубного неолиберального наследия минувших 30 лет.

За период великой смуты конца XX — начала XXI в. Россия прошла сразу несколько ступеней развития, ведь развитие означает не только прогресс, но и деградацию. В конечном итоге после романтических намерений народа 1989—1993 гг. усовершенствовать социализм победил альянс прогнившей номенклатуры с организованной преступностью, начался дикий капитализм, переросший усилиями группировки Б. Н. Ельцина в капитализм олигархический. Ныне олигархический капитализм потеснен государственно-монополистическим, но Россия все равно отстает, у наших соседей либо социализм стремительно обретает качества высокотехнологического (Китай, Вьетнам, Куба), либо капитализм, давно переросший в свою потребительскую форму, стремится стать информационно-технологическим.

Важную закономерность выделил И. А. Исаев, отмечая связь государства и лежащей в основе нравственности национальной идеологии: национальное государство через свою идеологию выражает национальную идею, когда эта связь нарушается, и государственность начинает питать другая (ненациональная, наднациональная, глобальная) идея, исчезает и само государство¹². Вывод И. А. Исаева корреспондирует с наблюдением Н. Я. Данилевского о том, что нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развилась без политической самостоятельности¹³, а переход народа из этнографического состояния в государственное, а из государственного в цивилизационное требует от каждого народа пройти через серьезные внешние испытания¹⁴.

Духовный и политико-правовой смысл опыта российского конституционализма XX в., отразившийся в реформе 2020 г., состоит именно в том, что России требуется сформировать конституционно-правовую основу перехода на стратегию

¹² Исаев И. А. Национальная идея и национальная идеология // Национальные интересы. 2006. № 5. С. 27.

¹³ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 92.

¹⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 111.



опережающего развития. Догоняя других, она может только деградировать, а все еще сохранившиеся советские интеллектуальный и моральный потенциалы способны обеспечить форсированный бросок вперед в социально-экономическом процессе, минуя или сведя к минимуму промежуточные стадии существования социума. Для такого технологического скачка требуются инструменты не только социально-экономические, но и качественно новые политико-правовые. Среди главных необходимых условий успешного форсированного развития необходим осознанный всем обществом переход к нравственному государству.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабурин С. Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия : Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116—130.
2. *Бабурин С. Н.* Интеграционный конституционализм. — М. : Норма ; Инфра-М, 2020. — 264 с.
3. *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. — М. : Норма, 2020. — 536 с.
4. *Бердяев Н. А.* Царство Божие и царство кесаря // Путь. Орган русской религиозной мысли (Париж). — № 1. — Сентябрь 1925.
5. *Боханов А. Н.* Российская империя. Образ и смысл. — М. : ФИВ, 2012. — 554 с.
6. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М. : Книга, 1991. — 574 с.
7. *Загорев О.* Славянская духовность европейской мечты. — София : Фонд «Устойчивое развитие Болгарии», 2013. — 210 с.
8. *Исаев И. А.* Национальная идея и национальная идеология // Национальные интересы. — 2006. — № 5. — С. 26—29.
9. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
10. *Исаев И. А.* «Очеловеченная» власть машин // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы : материалы X Международной научной конференции / под ред. С. Н. Бабурина и А. М. Осавелюка. — М., 2019.
11. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. — М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. — 224 с.
12. *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.* Выступление на XX Всемирном Русском Народном Соборе (1 ноября 2016 г.) // Сайт Всемирного Русского Народного Собора. — URL:<http://www.vrns.ru/news/4234> (дата обращения: 01.04.2021).

АВТОРСКИЕ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ: ЧТО НЕ УСЛЫШАЛА РАБОЧАЯ ГРУППА

Аннотация. *Используя исторический и сравнительный методы исследования, автор настоящей статьи показал, что конституционные преобразования, состоявшиеся в 2020 г. и нашедшие отражение в тексте Конституции РФ, в определенной части основаны на тех предложениях, которые уже поступали от политического и ученого сообщества в процессе конституционной реформы России 1990—1993 гг. Автор особенно приветствует, что Конституция РФ, отказавшись от присущих ей либерально-демократических граней, сделала уклон в сторону тысячелетних державных, историко-культурных традиций. Однако, по мнению исследователя, в Конституции РФ не были учтены важнейшие поправки, часть которых необходима для развития институтов гражданского общества, в том числе общественного контроля, отдельных форм местного самоуправления. Автор раскрыл смысл предложенных им поправок в Конституцию РФ и представил их заинтересованному читателю в целях дальнейшей научной дискуссии и проведения научных исследований по вопросам теории и истории права и государства, конституционного и муниципального права.*

Ключевые слова: *история государства и права, история, гражданское общество, конституционализм, Конституция РФ, местное самоуправление, нравственность, общественный контроль, проекты конституции.*



**Виталий
Владиславович
ВЫШКВАРЦЕВ,**
заместитель
председателя Совета
депутатов городского
округа Краснознаменск
Московской области,
кандидат юридических наук
info@vyshkvartsev.ru
143090, Россия,
г. Краснознаменск
Московской области,
ул. Краснознаменная, д. 1

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.137-144

VITALIJ V. VYSHKVARTSEV,

*Deputy chairman; Council of deputies
urban district Krasnoznamensk of Moscow oblast, Cand. Sci. (Law)*

info@vyshkvartsev.ru

ul. Krasnozmennaya, Krasnozmensk, Russia, 143090

AUTHORS' AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: WHAT THE WORKING GROUP DID NOT HEAR

Abstract. Using historical and comparative research methods, the author of this article has shown that the constitutional reforms that took place in 2020 and reflected in the text of the Constitution of Russia are, to a certain extent, based on the proposals that have already been received from the political and academic community in the process of the constitutional reform of Russia 1990—1993. The author especially welcomes that the Constitution of Russia,

© В. В. Вышкварцев, 2021

having abandoned the liberal-democratic facets has made a bias towards the millennial sovereign, historical and cultural traditions. However, according to the researcher, the Russian Constitution did not take into account the most important amendments, some of which are necessary for the development of civil society institutions, including public control, and certain forms of local self-government. The author revealed the meaning of the proposed amendments to the Constitution of the Russian Federation and offered them to the interested reader for the purpose of further scientific discussion and scientific research on the theory and history of law and state, constitutional and municipal law.

Keywords: *history of state and law, history, civil society, constitutionalism, the Constitution of the Russian Federation, local government, morality, public control, draft constitutions.*

Принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в кругу современных ученых нередко называют «малой конституционной реформой»¹. Произошли лишь отдельные конституционные преобразования. Сегодня требуется качественно новый уровень осмысления проблем развития Конституции РФ, ее стабильности и динамизма, в том числе в соотношении с неизменностью «вечных», фундаментальных конституционных идеалов². Конституция должна видеть мир фактов³.

О более чем двухстах поправках, которые были предложены для обсуждения с последующим, альтернативным референдуму, общероссийским голосованием, знали только 23 % граждан Российской Федерации, о чем свидетельствовали социальные опросы⁴. Для сравнения: проект конституции РФ официально не обсуждался. Однако так называемый «президентский» проект конституции и

¹ *Игнатенко В. А.* Конституционная реформа 2020 г. и ее влияние на правовую жизнь общества // URL: <https://research-journal.org/law/konstitucionnaya-reforma-2020-goda-i-ee-vliyaniye-na-pravovuyu-zhizn-rossijskogo-obshhestva/> (дата обращения: 01.04.2021); Конституционная реформа против духа Конституции. Ответственный секретарь Конституционной комиссии 1990—1993 гг. Олег Румянцев о том, что меняют поправки в Основной закон // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/27/821484-konstitutsionnaya-reforma> (дата обращения: 01.04.2021).

² *Бондарь Н. С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 21.

³ *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 31.

⁴ ВЦИОМ: 77% россиян не знают, какие готовятся поправки в Конституцию // URL: https://www.znak.com/2020-02-25/vciom_77_rossiyan_ne_znayut_kakie_gotovyatsya_popravki_v_konstitutsiyu (дата обращения: 01.04.2021); ВЦИОМ: о сути поправок к Конституции не знает большинство россиян // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4267885> (дата обращения: 01.04.2021).

проект конституции, разработанный Конституционной комиссией, «публиковались в газетах и отдельными изданиями с миллионными тиражами. Поэтому граждане могли знакомиться с текстами и вносить по ним свои предложения»⁵.

По воспоминаниям ответственного секретаря Конституционной комиссии О. Г. Румянцева, «общий тираж публикаций составил кажущуюся сегодня невероятной цифру в 40 млн экземпляров уже осенью 1990 г. Проект дошел до каждой второй семьи во многом благодаря публикациям в популярнейшем тогда издании «Аргументы и факты», <...> в «Российской газете», <...> в газете Президиума Верховного Совета РСФСР «Россия», <...> а также в ряде региональных СМИ, перепечатавших одну из официальных публикаций»⁶.

Обсуждение проекта закона РФ о поправке к Конституции РФ велось на двух уровнях: профессиональном (на площадках рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ, в рамках «круглых столов», организованных кафедрами вузов, обсуждений на заседаниях и совещаниях в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления) и обыденном (на предприятиях, в учреждениях, в рамках публичных мероприятий, проведенных институтами гражданского общества).

Наибольшее внимание уделялось «социальному блоку» поправок, который вызвал у населения особенный интерес.

К сожалению, не был сделан акцент на основополагающем смысле конституционных поправок. Да, мы увидели не только рассеивание либерально-демократических «туч», за которыми оказались светлые «небесные просторы» тысячелетних державных, историко-культурных традиций, ожидавших жаждающих взоров нашего многонационального народа Российской Федерации, но и обращение к тем особенным идеям, некогда реализованным в истории и вновь прозвучавшим 30 лет назад на страницах почти 40 проектов конституции России, поступивших в Конституционную комиссию от ученого, профессионального сообщества и отдельных граждан⁷. Например, в действующую редакцию п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ вернулось упоминание о молодежной политике, о чем говорилось в ст. 126 Конституции СССР (Основного Закона) от 5 декабря 1936 г., в ст. 25 Конституции (Основного Закона) СССР от 7 октября 1977 г.

Долгожданное «признание» в Конституции РФ гражданского общества нашло отражение в п. «е.1» ст. 114, это своего рода дань уважения Конституционной комиссии и лично ее ответственному секретарю О. Г. Румянцеву, который отстаивал необходимость и важность раздела 3 «Гражданское общество». Важно помнить, что с провозглашением России как правового государства должна была получить закрепление и его основа — гражданское общество, но в силу того, что этот феномен был для российского конституционного строительства 1990—1993 гг. новым, разработчики проекта, подготовленного представителями Конституционного совещания, осторожно избежали включения специального

⁵ Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. М. : Юрист, 2005. Т. 1. С. 163.

⁶ Румянцев О. Г. Конституция девяносто третьего. М. : Издательство РГ, 2018. С. 87.

⁷ Румянцев О. Г. Указ. соч. С. 88.

раздела о гражданском обществе, по всей видимости, считая, что оно представляет противовес государству⁸.

Парламентский контроль, которому уделено место в ст. 103.1 Конституции, — это не обычное техническое действие законодателя, связанное с переносом в нее отдельных положений Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле», а рецепция ст. 39 проекта Конституции России («Вариант 0»), подготовленного рабочей группой под руководством С. М. Шахрая 9 апреля 1992 г.⁹ Интересно появление п. «ж.1» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ, в котором, в частности, институт брака получил четкое определение как союз мужчины и женщины. Эта норма объединяет традиционный межконфессиональный, аксиологический подход к пониманию брака как основы семьи, на конституционном уровне не допускающей деформаций и «нравственных покушений» на соответствующие институты. «Родителя № 1» и «родителя № 2», у нас не будет. Будут «папа» и «мама» — заявил Президент РФ на одной из встреч с рабочей группой по подготовке поправок в Конституцию РФ.

В ряде зарубежных государств брак как союз мужчины и женщины также закреплен на конституционном уровне: в конституциях Беларуси (ст. 32), Болгарии (ст. 46), Венгрии (ст. М), Польши (ст. 18), Сербии (ст. 62) и др. Но, если обратиться к религиозным правовым памятникам, таким, например, как Кормчая книга (Номоканон), мы обнаружим, что в одной из ее глав («О тайне супружества, то есть законного брака») сказано о союзе любви, дружбы и взаимной помощи мужа и жены («Вещь сия тайны есть муж и жена»)¹⁰. Отсюда последовательность и логичность ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ, которая провозглашает Россию как государство, объединенное тысячелетней историей, сохраняющее преемственность в его развитии. И духовно-нравственный традиционный потенциал нашей обновленной Конституции стал очевидным.

Примечательно, что данный проект конституции получил вторую премию (3 000 рублей) в рамках открытого конкурса на проект новой конституции РСФСР, объявленного в распоряжении Председателя Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1990 г. «О порядке деятельности Конституционной комиссии». Три поощрительных премии (500 рублей) получили украинский социолог Р. И. Ленчовский (г. Киев), ученый-биолог В. К. Мешавкин (г. Москва) и юрист В. В. Явич (в настоящее время священник, проректор по административно-хозяйственной работе Екатеринбургской духовной семинарии).

Из поступивших проектов конституции России часть рукописей принадлежит перу простых граждан из Москвы, Московской области, Ивановской, Калужской, Новгородской областей и других регионов и городов¹¹.

⁸ *Вышковарцев В. В.* Гражданское общество: нереализованная идея в проектах Конституции России // Вестник Института мировых цивилизаций. 2018. Т. 9. № 3 (20). С. 96.

⁹ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия : стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.). М. : Фонд конституционных реформ, 2009. Т. 5 : Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990—1993 гг.). С. 776.

¹⁰ Кормчая : Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. [Перепечатка 1912 г. редчайшего Иосифовского издания 1650 г.] М., 1912. С. 1155.

¹¹ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия. Т. 5. С. 392—393.

В процессе разработки закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и обсуждения предложений, поступивших как от органов государственной власти, местного самоуправления, Общественной палаты РФ, региональных, муниципальных общественных палат, иных институтов гражданского общества, включая ученое сообщество, так и от активных и неравнодушных граждан России, подобные конкурсы не объявлялись, и в настоящее время какие-либо публикации, содержащие сведения о людях, внесших свой вклад в историю современного преобразования Конституции, отсутствуют.

Подчеркнем, что в палаты Федерального Собрания Российской Федерации автором настоящей статьи было направлено предложение обсудить актуальность издания сборника предложений в Конституцию России, содержащего прежде всего предложения Президента России, а также альтернативные предложения от граждан России и институтов гражданского общества в целях обобщения материала и придания конституционному процессу характера крупного исторического события. Фактически такой сборник материалов представил бы не только историографическую ценность, но и послужил методологическим источником для дальнейших научных исследований в области развития российского конституционализма.

Печально, что ожидаемая автором ответная реакция последовала лишь в некоторой части от Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в лице Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству: «Предложения, изложенные в вашем обращении, приняты во внимание и будут рассмотрены с участием экспертов и специалистов в установленном порядке наряду с другими предложениями граждан в работе по совершенствованию законодательства Российской Федерации. Благодарим за активную гражданскую позицию»¹². Помимо указанных предложений, были направлены и авторские поправки в Конституцию России, которые могут рассматриваться для практической применимости в дальнейших научных исследованиях проблематики «Конституции будущего».

Остановимся на закреплении в преамбуле Конституции РФ «Идеи Д. Н.К.» («Духовность. Нравственность. Культура»). Если о культуре в Конституции РФ сказано много, то упоминание о духовности отсутствует, а слово «нравственность» употребляется лишь один раз — в ч. 3 ст. 55. Представляется правильным, чтобы в преамбуле Конституции РФ эти ценности-ориентиры прежде всего символизировали достижение их нашими гражданами, которые, принимая Конституцию, выражают желание развивать их и в настоящем, и в будущем. Возможно, в этой триаде ценностей и заключается русская национальная идея России. Преамбулу Конституции РФ предлагалось дополнить строкой четвертой следующего содержания: «...развивая духовные, нравственные и культурные ценности».

¹² Ответ первого заместителя Председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. В. Полетаева. № 3.1-53/1492 от 06.03.2020. Из личного архива автора.

«Каталог обязанностей» человека и гражданина в Конституции России весьма скромный. Русский язык является своего рода символом, отличающим их носителей от носителей иностранных языков. Другие языки, употребляемые в России, также составляют грани национально-культурной самобытности России. Однако этот живой инструмент не имеет конституционных гарантий защиты, в том числе и от случаев его намеренного искажения (эрративов). Достаточно вспомнить некогда существовавший так называемый «олбанский» язык, который получил популярность в неформальной среде общества, в том числе и в средствах массовой информации, и стал использоваться в речи граждан, а отдельные слова и словосочетания при их публичном выражении и употреблении продолжают намеренно искажаться.

Можно дополнить ст. 68 Конституции РФ частью 4 следующего содержания: «4. Каждый обязан уважать государственный язык Российской Федерации, государственные языки республик, родной язык народов Российской Федерации, не допускать их намеренного искажения».

Цифровизация сегодня выступает одним из векторов развития государства и отдельных его институтов (концепция правового государства постепенно приобретает новые формы, одной из которых является «цифровое государство»). Цифровизация — это методологическая основа новых технологий, применяемых в отдельных отраслях экономики, что требует ее законодательного регулирования по предмету ведения Российской Федерации.

Пункт «и» статьи 71 Конституции РФ предлагается изложить в следующей редакции: «и) федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информация и связь; деятельность в космосе, цифровизация».

В данном случае хотим особо акцентировать, что концепт «цифровизация» все же нашел свое предметное закрепление в пункте «м» статьи 71 Конституции РФ в качестве предмета ведения России — «оборот цифровых данных». Это позволило увязать состоявшееся нормативно-правовое закрепление цифровизации в качестве объекта гражданских прав, ее регулятивные механизмы в специальном законодательстве с исключительной конституционно обоснованной компетенцией федерального законодателя.

В Конституции РФ не содержатся гарантии осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. Пункт «н» статьи 72 Конституции РФ можно изложить в следующей редакции:

«н) установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления; установление правовых основ организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия».

В части 2 статьи 85 Конституции РФ предлагается императивно закрепить полномочие Президента России приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам

Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом. В данном случае слова «вправе приостанавливать» предлагалось заменить словом «приостанавливает».

В проекте Конституции РФ, подготовленном Конституционной комиссией в 1990—1993 гг., был предложен раздел 3 «Гражданское общество», который закреплял институты гражданского общества как составную часть правового государства. В настоящее время в Конституции РФ институты гражданского общества не названы, хотя и закреплены в отдельных ее положениях, равно как и не названы формы общественного контроля.

Конституционное закрепление Общественной палаты РФ в качестве субъекта права законодательной инициативы позволит восполнить исторический пробел и усилить роль и значимость гражданского общества в Российской Федерации. Часть 1 статьи 104 Конституции России предлагается дополнить абзацем следующего содержания: «Право законодательной инициативы принадлежит также Общественной палате Российской Федерации».

Исходя из системного толкования ст. 2, ч. 1 и 2 ст. 15, ст. 18, ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, часть 3 статьи 115 Конституции РФ должна быть императивной и Президент незамедлительно должен отменить указанные акты, которые могут создавать угрозу основам конституционного строя. Императивная норма позволит усилить соответствующее полномочие Президента РФ. Важно, чтобы было закреплено императивное полномочие Президента РФ отменять постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ.

В части 3 статьи 115 Конституции РФ слова «могут быть отменены» предлагается заменить словом «отменяются». Одно из предложений касалось института публичных слушаний и общественных обсуждений как форм местного самоуправления граждан. Оно позволило бы придать публичным слушаниям и общественным обсуждениям не формальный, а действенный характер.

В настоящее время данные формы местного самоуправления, носящие в подавляющем большинстве случаев рекомендательный характер, не отражают реального волеизъявления граждан, что выступает фактором развития правового нигилизма и недоверия к институтам местного самоуправления. Статью 130 Конституции РФ можно дополнить частью следующего содержания: «В случаях, предусмотренных федеральными законами, итоги публичных слушаний, общественных обсуждений носят обязательный для их исполнения характер».

Хотелось бы, чтобы все это не только вызвало в дальнейшем исследовательский интерес к вопросам российского конституционного строительства, но и заложило основу для конструктивных научных дискуссий о новом проекте Конституции РФ. Ее принятие востребовано и необходимо для будущей российской цивилизации и грядущих ее поколений, в руках которых сохранение и приумножение духовного, нравственного, культурного, нематериального и материального наследия, которое останется после нас.



БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. — М. : Юрист, 2005. — Т. 1. — 719 с.
2. *Бондарь Н. С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. — 2020. — № 6. — С. 20—34.
3. ВЦИОМ: 77 % россиян не знают, какие готовятся поправки в Конституцию // URL: https://www.znak.com/2020-02-25/vciom_77_rossiyan_ne_znayut_kakie_gotovuyatsya_popravki_v_konstituciyu (дата обращения: 01.04.2021).
4. ВЦИОМ: о сути поправок к Конституции не знает большинство россиян // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4267885> (дата обращения: 01.04.2021).
5. *Вышкварцев В. В.* Гражданское общество: нереализованная идея в проектах Конституции России // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2018. — Т. 9. — № 3 (20). — С. 91—97.
6. *Игнатенко В. А.* Конституционная реформа 2020 г. и ее влияние на правовую жизнь общества // URL: <https://research-journal.org/law/konstitucionnaya-reforma-2020-goda-i-ee-vliyanie-na-pravovuyu-zhizn-rossijskogo-obshhestva/> (дата обращения: 01.04.2021).
7. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия : стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.). — М. : Фонд конституционных реформ, 2009. — Т. 5 : Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990—1993 гг.). — 1120 с.
8. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
9. Конституционная реформа против духа Конституции. Ответственный секретарь Конституционной комиссии 1990—1993 гг. Олег Румянцев о том, что меняют поправки в Основной закон // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/27/821484-konstitutsionnaya-reforma> (дата обращения: 01.04.2021).
10. Кормчая. Напечатана с оригинала Патриарха Иосифа. — [Перепечатка редчайшего Иосифовского издания 1650 г.] — М., 1912. — 1476 с.
11. *Румянцев О. Г.* Конституция девяносто третьего. — М. : Издательство РГ, 2018. — 400 с.

Прагматизм истории: потенциалы и опыт, новые вызовы

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВА ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье изучены тенденции развития правовопонимания в условиях цифровизации. На основе постклассической методологии в статье исследованы основные структурные элементы правовопонимания как философско-правовой категории: субъект правовопонимания, объект правовопонимания, содержание правовопонимания. Сделан вывод, что в условиях цифровизации эти элементы существенно трансформировались как по смыслу, так и по роли в юридических исследованиях. Однако трансформация правовопонимания обусловлена не только цифровизацией, но и изменением мировоззренческих парадигм отечественной юридической науки в постсоветский период. Усиление конвенциональности права и правопонимания приводит к смещению юридических исследований с реконструкции правовой реальности к ее деконструкции. Правопонимание не только сохраняет, но и расширяет свое значение в качестве методологического основания юридических исследований теоретической и отраслевой направленности.

Ключевые слова: правовопонимание, сущность права, теория права, философия права, методология исследования права, цифровизация.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.145-152

ANDREY V. SKOROBOGATOV,

*Professor, Department of theory of state and law and public legal disciplines
Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova,
Dr. Sci. (History), Associate Professor
av.skorobogatov@mail.ru
42, ul. Moskovskaya, Kazan, Russia, 420111*

LEGAL CONSCIOUSNESS AS THE BASIS OF LEGAL RESEARCH IN THE DIGITALIZATION ERA

Abstract. The article studies trends in the development of law understanding in the context of digitalization. Based on a postclassical methodology, the article investigates the main structural elements of law understanding as a philosophical and legal category: the subject of law understanding, the



**Андрей Валерьевич
СКОРОБОГАТОВ,**

профессор кафедры
теории государства
и права
и публично-правовых
дисциплин
Казанского инновационного
университета
имени В. Г. Тимирязова,
доктор исторических наук,
доцент
av.skorobogatov@mail.ru
420111, Россия, г. Казань,
ул. Московская, д. 42

© А. В. Скоробогатов, 2021

object of law understanding, the content of law understanding. It is concluded that in the context of digitalization, these elements have changed significantly, both in meaning and in terms of their role in legal research. However, the transformation of law understanding is due not only to digitalization, but also to a change in the worldview paradigms of domestic legal science in the post-soviet period. Strengthening the conventionality of law and jurisprudence leads to a shift in legal research from the reconstruction of law reality to its deconstruction. Law understanding not only retains, but also expands its significance as a methodological basis of law research of theoretical and sectoral orientation.

Keywords: *law understanding, essence of law, theory of law, philosophy of law, law research methodology, digitalization.*

Современная правовая реальность характеризуется глобализацией¹, транскоммуникативными и ценностными трансформациями, которые связаны с формированием информационного (цифрового, диджитального) общества². Все больше происходит усиление перформативности, символизма и интерпретативности жизни человека. Деконструируя окружающую реальность, индивид не столько стремится отразить ее истинность, сколько сформулировать в форме, понятной прежде всего ему лично. Однако благодаря коммуникации, в том числе и виртуального характера, ценностные ориентации субъекта при этом зависят от его правовой идентификации. Кроме того, в процессе коммуникации субъективный образ реальности становится интерсубъективным, приобретает конвенциональные черты³.

В этих условиях большое значение приобретают базовые правовые понятия, с одной стороны, позволяющие человеку придать рефлексии правовой реальности аргументированный характер, с другой — способствующие исследованию этих процессов не только абстрактно, но и в широком социокультурном контексте. Важнейшим из таких понятий является «правопонимание», определяющее общее направление правовых исследований и определяющее методологическую основу изучения правовых понятий и явлений. От того, как понимается сущность права, что входит в это понятие, какими признаками оно наделено, зависят понимание, интерпретация и оценка всех других явлений правовой сферы.

Цифровизация всех сторон жизни человека и формирование принципиально новых правил коммуникации в виртуальной среде обуславливают необходимость признания права сложным, многогранным, многоаспектным, многоуровневым явлением, познание которого возможно лишь на основании синтеза классических и постклассических методологических установок и широкого привлечения

¹ Goldman D. B. Globalisation and the Western Legal Tradition: Recurring Patterns of Law and Authority. New York : Cambridge University Press, 2007. XIV. 362 p.

² Sheldon P., Rauschnabel P. A., Honeycutt J. M. The Dark Side of Social Media: Psychological, Managerial, and Societal Perspectives. London : Academic Press, 2019. 200 p.

³ Giltrow J. The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2017. XI. 373 p.

к исследованию достижений современного социогуманитарного знания, что в целом соответствует развитию мировоззрения в ситуации постмодерна⁴.

Тенденция совпадает с закономерностями развития отечественной юридической науки постсоветского периода, связанного с трансформацией правовой доктрины, отказом от господствующего в советской науке нормативизма и формированием принципиально иных методологических установок правового развития на нормативном, институциональном и доктринальном уровне:

- происходит существенное расширение исследовательского поля юридической науки за счет выявления новых проблем и детализации имеющихся, а также в форме освоения методологии и проблематики иных гуманитарных наук;
- идет активное освоение зарубежного опыта, что выражается не только в переводах на русский язык наиболее значимых работ зарубежных авторов, но и в конструировании на их основе собственных оригинальных концепций;
- происходит переосмысление правового наследия российской дореволюционной юриспруденции. В совокупности эти тенденции выводят на необходимость осуществлять правовые исследования на основе интеграции различных исследовательских подходов⁵ и трансформации классических теорий в интегральном направлении.

Смещение научной рефлексии с реконструкции изучаемого явления к его деконструкции существенно повышает роль методологических оснований проводимых исследований. Важнейшей методологической категорией выступает «правопонимание», одновременно отражающее уровень развития юридической науки в цифровую эпоху и формирующее теоретическую основу для исследования правовой реальности (в том числе в виртуальном пространстве) и места в ней человека⁶.

Присутствуя на всех уровнях правовой реальности, правопонимание определяет онтологические, аксиологические и гносеологические аспекты юридического дискурса, а также анализ, интерпретацию и оценку правовой реальности и отдельных правовых явлений в соответствующем контексте. Одновременно от конкретного понимания права зависят вектор развития и функционирования государства и общества, а также ценностная ориентация отдельных национальных правовых систем. Это позволяет рассматривать правопонимание как категорию философско-правового уровня.

Как научная категория правопонимание является системой научно обоснованных знаний о правовой реальности и раскрывает не только непосредственно юридический, но и политический, социальный, экономический, моральный и другие аспекты ее содержания. Хотя правопонимание как явление правовой жизни возникло практически одновременно с появлением права, правопонимание как категория имеет относительно короткую историю, началом которой следует

⁴ *Minda G.* Postmodern legal movements: law and jurisprudence at century's end. New York : New York University Press, 1995. 362 p.

⁵ *Ершов В. В.* Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5 (133). С. 6—18.

⁶ *Стовба А. В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4. С. 88—101.



считать дискуссию о сущности права, развернувшуюся во второй половине XX в. между позитивистами и юснатуралистами⁷.

Правопонимание всегда опиралось на общее миропонимание, представление о закономерностях бытия природы и общества. Изменения в философских парадигмах оказывают непосредственное воздействие не только на определение понятия права, но и на анализ и интерпретацию его сущности и источников, оценку возможности познания правовой реальности, выявление роли и назначения права в жизни человека и общества, что находит отражение в правовых доктринах, в той или иной степени влияющих на конструирование правовой реальности в пределах определенного хронотопа. Это позволяет рассматривать прапонимание как статично-динамичную категорию.

С одной стороны, прапонимание как теоретическая основа любого правового исследования или рефлексии правовой реальности отражает результат познавательной деятельности человека. С другой стороны, прапонимание отражает процесс прапознания и формирования правовых знаний и образов. Этот процесс может быть сформулирован в следующем порядке: от познания отдельных правовых явлений через формирование в сознании их образов к системному осмыслению и оценке сущности правовой реальности. Однако в условиях цифровой эпохи зачастую этот процесс ограничивается лишь вторым этапом: в сознании человека конструируется самодостаточный симулякр правовой реальности, осложненный виртуальными аллюзиями, которого вполне достаточно для рефлексии и саморефлексии.

Как правило, прапонимание рассматривается как категория доктринального правосознания, т.е. научная категория, которая связывается с научным познанием, основанным на определенной философской парадигме. Это позволяет рассмотреть прапонимание системно, с учетом отдельных элементов, составляющих его структуру, и принципов их организации и взаимосвязи. В структуре прапонимания можно выделить три основных элемента: субъект прапонимания, объект прапонимания и содержание прапонимания.

В качестве субъекта прапонимания всегда выступает конкретный человек, личность со своим мировоззрением, образованием, степенью компетентности в правовых вопросах и собственным отношением к праву. Прапонимание зависит от личностных качеств и характеристик человека, его правосознания. Однако необходимо учитывать, что человек, будучи социальным существом, формирует свои взгляды, руководствуясь не только индивидуальным, но и социальным опытом. Поэтому прапонимание является не только субъективным явлением, но и интересубъективным.

Правосознание отражает рефлексивные способности человека по формированию образа правовой реальности, формированию и проявлению в сознании индивида определенного эмоционально-ценностного отношения к правовой реальности, определяемого не столько научными рассуждениями, сколько ценностными установками и представлениями сообщества, с которым себя идентифицирует индивид.

Чем выше степень развития правосознания, и прежде всего правовой идеологии, тем более глубоко индивид проникает в сущность правовой реальности, тем более адекватным является его интерпретация содержания реальности и

⁷ См.: Харп Г. Философия и язык права. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.

места в ней человека, в том числе в процессах правообразования и правовой коммуникации как в реальном мире, так и в виртуальном пространстве. Это позволяет рассматривать правовопонимание как субъективное явление, отражающее индивидуальную позицию субъекта, участвующего в интеллектуальном процессе правовопонимания.

В случае группового или общественного правовопонимания речь идет об интерсубъективной конвенциональной позиции, основанной на ценностных ориентациях социума и позволяющей определить место человека, локальной группы и общества в целом в правовой реальности. В условиях цифровизации и усиления значения виртуального пространства в социальной, в том числе правовой, коммуникации происходит усиление конвенциональности правовопонимания, связанное увеличением числа субъектов, выступающих в качестве не только адресатов, но и адресантов.

Субъектов правовопонимания можно типологизировать на основании аксиологических и гносеологических критериев. Аксиологически критерием типологии выступает ценностная ориентация субъекта познания, определяемая его правовой идентификацией и ролью в правовой реальности. Гносеологическими критериями выступают уровень правовой рефлексии, мировоззрение и методы познания правовой реальности, а также степень научности сформированного в сознании субъекта образа правовой реальности. В соответствии с этими критериями можно выделить три группы субъектов:

- 1) человек, соприкасающийся с позитивным (формальным, официальным) правом ситуативно, обладающий обыденным правовопониманием. Познание правовой реальности преимущественно осуществляется на основании личного правового опыта, который выступает специфичной формой интерпретации социального опыта и представляет собой наблюдение и эмоциональное ощущение тех явлений, которые признаются правовыми в группе, с которой он себя идентифицирует. Отсутствие вовлеченности в юридические процессы при этом воспринимается не просто как стороннее отношение к правовой реальности, а в качестве основания не только для формирования, но и для оправдания правового инфантилизма. Участвуя в правовой коммуникации в виртуальном пространстве, такой индивид не воспринимает себя правотворцем, считая, что правила социальных сообществ носят объективный характер;
- 2) человек, имеющий юридическое образование, обладающий юридическими знаниями и навыками и осуществляющий (реально или потенциально) профессиональную юридическую деятельность⁸. Познание правовой реальности осуществляется так же, как и у первой группы, на основании личного правового опыта, который, хотя и является приоритетным по отношению к социальному опыту, не исключает его полностью. Речь идет не только о наблюдении окружающей реальности, но и о ее анализе и интерпретации в соответствии с практическими потребностями профессиональной деятельности. При этом формируется представление о праве, обладающее признаками системности и критичности, соответствующими профессионально-практическому правовопониманию. Принадлежность к этой группе позволяет субъекту не только

⁸ Боруленков Ю. П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 6—41.



вписываться в правовую реальность, но и оказывать влияние на ее конструирование, хотя это влияние определяется не стратегическими целями, а ситуативными задачами. Как правило, участие в виртуальных сообществах именно в этом качестве приводит к тому, что интернет-коммуникация воспринимается лишь как продолжение взаимодействия в реальном мире;

- 3) человек, имеющий юридическое образование, опыт юридической деятельности не только профессионально-практической, но и научной направленности, обладающий доктринальным правосознанием, осуществляющий исследовательский анализ и интерпретацию правовой реальности с целью ее адекватного объяснения и преобразования в соответствии с социальными интересами. При этом формируется система теоретических знаний о генезисе, эволюции, функционировании, сущности и содержании правовой реальности в ретроспективном, актуальном и перспективном отношении. Прежде всего к этой группе относятся лица, профессионально осуществляющие научную юридическую деятельность в сфере исследования правовой реальности и отдельных правовых явлений в регулятивном, историческом и социокультурном контекстах. Полученное знание о правовой реальности формирует правовую доктрину, определяющую официальную интерпретацию права. Неслучайно в составе Конституционного Суда РФ как высшего органа, призванного не только давать заключения о соответствии законодательства нормам и принципам Конституции РФ, но и определять стратегическое направление развития правовой доктрины, представлены именно ученые, т.е. лица, относящиеся к третьей группе субъектов правопонимания. Кроме того, к этой группе можно отнести лиц, определяющих основные направления правовой политики, как субъектов, деятельность которых связана со стратегическим направлением конструирования правовой реальности. Хотя в силу уровня образования и характера интерпретации правовой реальности они принадлежат к субъектам профессионально-практического правопонимания, в силу специфики их деятельности, связанной с конструированием правовой реальности, мы рассматриваем их в контексте субъектов доктринального правопонимания. Объект правопонимания является комплексным элементом, который можно рассмотреть в различных методологических контекстах:

- онтологически объектом правопонимания выступает правовая реальность как сложно организованная многоуровневая система, включающая всю совокупность объективных и субъективных юридических явлений, которые могут быть представлены когнитивно, функционально, пространственно и темпорально⁹. Необходимо распространить это понимание объекта правопонимания на виртуальное пространство как в контексте отражения отношений в реальном мире, так и с точки зрения формирования принципиально новой реальности, для функционирования которой складываются совершенно иные правила;
- гносеологически в качестве объекта правопонимания выступает процесс познания правовой реальности в правовом дискурсе. В условиях все большей виртуализации правового дискурса постепенно будет происходить увеличение числа исследований неюридической направленности, призванных не столько объяснить специфику правового познания в виртуальном пространстве,

⁹ Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54—58.

- сколько рассмотреть правовую коммуникацию как один из видов социальной коммуникации;
- в аксиологическом подходе внимание сосредоточено на ценностных ориентациях теорий и концепций правовопонимания. Расширение технологий блокчейна и формирование квазиматериальных ценностей в виртуальном пространстве постепенно будет способствовать смещению акцента в аксиологических исследованиях с исследования правовопонимания на изучение его виртуального симулякра;
 - феноменологическая парадигма обращается к процессу социального конструирования правовой реальности как объекта правовопонимания. Отдельным перспективным направлением феноменологических исследований представляется изучение конвенциональных процессов правообразования в виртуальном пространстве и особенностей воздействия сформированных здесь симулякров на коммуникацию и конструирование принципиально нового концепта правовопонимания в реальном мире;
 - при антропологическом подходе преимущественно изучается отношение к правовой реальности человека в контексте его идентификации с различными социальными группами. Наиболее актуальным в этом направлении представляется анализ правового взаимодействия виртуальных сообществ как внутригрупповой, так и межгрупповой направленности, а также изучение правовой идентификации в киберпространстве;
 - лингвистический подход акцентирует внимание на юридическом дискурсе, включающем в себя совокупность образов правовой реальности в правосознании познающих субъектов. При этом возможно изучать не только вербализованные правовые представления, но и символические, что особенно актуально для цифровой эпохи и позволяет проанализировать правовопонимание, конструируемое в виртуальном пространстве, благодаря игровым и симулятивным технологиям.

Содержание правовопонимания составляет правопознавательная деятельность субъекта, направленная на деконструкцию правовой реальности с учетом ее объективно-субъективной природы¹⁰. Правовая реальность при этом рассматривается во всей многогранности и многоуровневости ее природы и социального назначения. Дискурсивность правового познания определяет необходимость обращения к его феноменологическим, методологическим и функциональным аспектам.

Интерсубъективная онтологическая природа правовой реальности обуславливает необходимость синтеза интегративного, аксиологического и антропологического подходов при исследовании этой категории и отдельных ее составляющих с целью разработки теории, соответствующей современному уровню научного знания и способной адекватно объяснить развитие и функционирование правовой реальности, а также сформировать научно обоснованный прогноз ее дальнейшей эволюции. Однако при изучении правовопонимания в виртуальном пространстве в силу его конвенциональности и симулятивности все больше акцент будет смещаться с материальной стороны правовопонимания на процессуальную.

Правопонимание является философско-правовой категорией, которая определяет особенности отношения к правовой реальности. Человек как субъект

¹⁰ Максимов С. И. Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетей, 2018. С. 46—50.



правопонимания стремится познать и объяснить правовую реальность и свое место в ней с различных мировоззренческих позиций. Это особенно важно сегодня, когда человечество «охвачено процессами оптимизации всех сфер деятельности при помощи использования информационных технологий», когда на его долю «выпало общемировое испытание пандемией от коронавирусной инфекции COVID-19»¹¹.

Характерная для современного мира цифровизация ведет к существенной трансформации всех структурных элементов правовопонимания: субъекта, объекта и содержания. Происходит смещение акцента исследований с изучения правил и отношений как результата правового взаимодействия на рассмотрение процесса правовой коммуникации. Больше внимания стало уделяться деконструкции правовой реальности. В этой ситуации значение правовопонимания как методологического основания теоретических и отраслевых юридических исследований не только сохраняется, но и расширяется.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Боруленков Ю. П.* Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Правоведение. — 2017. — № 2 (331). — С. 6—41.
2. *Ершов В. В.* Анализ интегративного правовопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. — 2017. — № 5 (133). — С. 6—18.
3. *Максимов С. И.* Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. — СПб. : Алетей, 2018. — С. 46—50.
4. *Першин А. Н.* Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2. — С. 108—115.
5. *Скоробогатов А. В., Краснов А. В.* Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. — 2017. — № 7. — С. 54—58.
6. *Стовба А. В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. — 2017. — № 4. — С. 88—101.
7. *Харт Г.* Философия и язык права. — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. — 384 с.
8. *Giltrow J.* The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse. — Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2017. — XI. — 373 p.
9. *Goldman D. B.* Globalisation and the Western Legal Tradition: Recurring Patterns of Law and Authority. — New York : Cambridge University Press, 2007. — XIV. — 362 p.
10. *Minda G.* Postmodern legal movements: law and jurisprudence at century's end. — New York : New York University Press, 1995. — 362 p.
11. *Sheldon P., Rauschnabel Ph. A., Honeycutt J. M.* The Dark Side of Social Media: Psychological, Managerial, and Societal Perspectives. — London : Academic Press, 2019. — 200 p.

¹¹ *Першин А. Н.* Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 108.

ПРАВОВОЙ СТИМУЛ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В правовой науке дискуссионным является вопрос о влиянии правопонимания на формирование правовой культуры. Думается, что правопонимание выступает исходной точкой отсчета правовой культуры, поскольку представления о праве в его внутреннем и внешнем выражении лежат в основе поведения личности. В статье представлена авторская интерпретация правовых стимулов с позиции функционального подхода. Памятники права, научное наследие прошлых лет убедительно говорят о глубоких исторических корнях правового стимулирования, объективная необходимость которого обусловлена «вечным» стремлением человека получить награду. Эффективность действия правовых стимулов напрямую зависит от уровня правовой культуры личности, качества правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: право, правовой стимул, правовая культура, правовая мотивация, мотив, правомерное поведение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.153-161



**Светлана
Валентиновна
МИРОШНИК,**
профессор кафедры
теории права, государства
и судебной власти
Российского
государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук,
доцент
miroshnik67@mail.ru
117418, Россия, г. Москва,
ул. Новочеремушкинская,
д. 69

SVETLANA V. MIROSHNIK,

Professor, Department of theory of law
of the Russian State University of Justice,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
miroshnik67@mail.ru

69, ul. Novocheremushkinskaya, Moscow, Russia, 117418

LEGAL INCENTIVE AS AN ELEMENT OF LEGAL CULTURE

Abstract. In legal science, the question of the influence of legal understanding on the formation of legal culture is debatable. It seems that the legal understanding is the starting point of legal culture, since the ideas of law in its internal and external expression are the basis of individual behavior. The article presents the author's interpretation of legal incentives from a functional approach. Monuments of law, the scientific heritage of past years strongly speak of the deep historical roots of legal stimulus, the objective need of which is due to the "eternal" desire of a person to receive a reward. The effectiveness of legal incentives depends directly on the level of the legal culture of the individual, the quality of law-making and law-enforcement activities.

Keywords: law, legal incentive, legal culture, legal motivation, motive, lawful conduct.

В правовой науке нет единства в понимании правовой культуры. Правовая культура — это сложное социальное явление, которое можно анализировать в антропологическом, социологическом, философском ракурсах. Наиболее интересным для нашего исследования представляется первый. Антропологический, или деятельностный, подход позволяет рассматривать правовую культуру одновременно как процесс и результат творчества человека в правовой сфере (сфере жизни права), выражающийся в создании и утверждении правовых ценностей.

Правовая культура воплощается в правовой науке, правовом образовании, юридической практике — всех явлениях, связанных с правом. Поэтому творцом и носителем правовой культуры может выступать только человек. Он же выступает субъектом реализации правовой культуры, воплощая идеи, концепции, взгляды, нормы в своем поведении. Правовая культура включает в себя только позитивные, прогрессивные явления. Именно содержательная составляющая позволяет четко проводить грань между правовой культурой, правовой жизнью, правовой и юридической деятельностью.

Интересную точку зрения высказала Ю. Б. Батурина. По ее мнению, правовая культура — это внешняя правовая форма, которая обеспечивает связь права с неправовыми явлениями (иными частями культурной сферы общества, другими социальными институтами). Правовая культура показывает, что право не может существовать в самом себе, оно постоянно взаимодействует с неправом. Правовая культура — это связь права прежде всего с моралью¹.

Составным элементом права, а следовательно и правовой культуры, выступают правовые стимулы. Вопросы правового стимулирования находились в центре внимания ученых разных времен, разных исторических эпох. Предпосылки возникновения и развития теории правового стимулирования были заложены еще древними мыслителями.

Одним из первых на соотношение наказаний и поощрений обратил внимание Конфуций: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться». Чтобы народ был почитателен, необходимо управлять с достоинством, почитать своих родителей, быть милостивым, возвышать добрых и наставлять неспособных².

Конфуций, как отмечает К. Ясперс, обращал внимание на определенную ограниченность законов. Китайский мыслитель считал лучшим средством управления собственный пример; правильное правление должно быть нацелено на обеспечение достаточного пропитания, достаточной вооруженной силы, доверия населения. Если на все не хватает средств и сил, надо сначала отказаться от вооруженной силы, потом от пропитания, но никогда не делать шагов, подрывающих

¹ Ветютнев Ю. Ю., Шириков А. С., Трифонов А. С. Правовая культура в России на рубеже столетий // URL: <http://vromsu.narod.ru/160201.html> (дата обращения: 01.04.2021).

² Конфуций. Суждения и беседы. М. : Эксмо, 2018. С. 12.

доверие населения, поскольку, если нет доверия, правление оказывается вообще невозможным³.

Непреодолимое значение имеют работы и другого известного философа — Аристотеля. Он обратил внимание на то, что:

- человек не может жить вне общества — «человек по природе своей есть существо политическое»;
- «люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда»; человек больше всего заботится и любит, во-первых, то, что ему принадлежит, во-вторых, то, что ему дорого;
- человеком движут две способности: «стремление и размышление, направленное на деятельность»⁴.

Аристотель указал на необходимость проведения тщательного анализа последствий принятия того или иного закона. Красиво звучат, по его мнению, предложения о необходимости оказания почета тем, «кто придумает что-либо полезное для государства: они должны получать почести»⁵. Но это, по его мнению, в ряде случаев может привести не только к ложным доносам, но и к потрясениям государственного строя. На примере законов лакедемонян, побуждающих граждан иметь больше детей (отец трех сыновей освобождается от военной службы, отец четырех сыновей — от всех повинностей), он отметил, что введение льгот без изменения порядка распределения земельной собственности не только не решает, но усугубляет проблему.

Идеи Аристотеля о благах как средствах к жизни и благосостоянию людей оказали огромное влияние на формирование взглядов многих ученых. Его идеи были развиты, в частности, К. Менгером, сделавшим многое для понимания разграничения полезности и блага. К полезностям, по его мнению, относятся те предметы, которые «обладают способностью быть поставленными в причинную связь с удовлетворением человеческих способностей»⁶. Предметы, которые человек может использовать для удовлетворения своих потребностей, являются благами.

К. Менгер определил условия, при наличии которых предметы становятся благами. Чтобы предмет стал благом, необходимо, чтобы:

- человек осознал свою потребность;
- свойства предмета были таковы, что позволяли удовлетворять данную потребность;
- человек понимал причинную связь предмета с удовлетворением его потребности,
- субъект умел распоряжаться предметом таким образом, что удовлетворял свою потребность⁷.

³ Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагарджуна. М. : ИФ РАН, 2007. С. 131.

⁴ Аристотель. Политика // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

⁵ Аристотель. Указ. соч.

⁶ Менгер К. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. С. 65.

⁷ Менгер К. Указ. соч. С. 66.



Если исчезает хотя бы одно из условий, предмет перестает быть благом для данного человека. Причинное соотношение с удовлетворением человеческих потребностей позволило К. Менгеру выделить блага первого, второго и т.д. порядков⁸. Данная классификация не утратила своей актуальности до настоящего времени.

Правовые стимулы создают условия для удовлетворения потребностей человека. Мощным толчком для развития теории правового стимулирования стали, на наш взгляд, работы представителей психологической школы права. Л. И. Петражицкий исходил из того, что право регулирует общественные отношения по преимуществу психологическими средствами. Действие права «состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики...»⁹. Л. И. Петражицкий был уверен, что стимулирующая правовая мотивация — это фактически единственно действенное средство рационализации индивидуального и массового поведения.

Существенный вклад в понимание социологических аспектов стимулирования внес П. Сорокин. Он рассматривал подвиг как своеобразный психический процесс, являющийся морально положительным, выходящим за пределы «обязанности», в силу этого добровольный. Совершать подвиг или нет — это добрая воля субъекта¹⁰. П. Сорокин обратил внимание на влияние «непонятности». В ее основе разные представления людей о должном, подвиге и награде. Результатом действия такой «непонятности» выступают разные наградные и карательные реакции. Известный социолог раскрыл взаимосвязь услуги и награды, обосновал важность их классификации по объекту на:

- положительно-активные награды-услуги, отмечая, что в современном обществе «деньги являются наиболее обычным предметом награды-услуги... на деньги все можно приобрести»;
- отрицательно-пассивные услуги-награды, выражающиеся в актах воздействия от совершения какого-либо поступка, который «можно было бы безнаказанно совершить», например, действия кредитора, отказывающегося от взыскания долга с должника, последний оказывается в роли награжденного лица;
- активно-терпеливые услуги-награды, кратко характеризующиеся формулой «проси, что хочешь»¹¹.

Правовая природа поощрительных норм права стала предметом исследования и ряда советских ученых. В. М. Баранов отмечал, что без данных общеобязательных правил поведения «невозможно в полной мере обеспечить формирование нового человека»¹². Думается, что данный вывод актуален и сегодня.

⁸ Менгер К. Указ. соч. С. 72.

⁹ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1905. С. 7.

¹⁰ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. С. 119.

¹¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 159—162.

¹² Баранов В. М. Очерки техники правотворчества // Избранные труды. М., 2017. С. 5.

Научное наследие убедительно свидетельствует о глубоких исторических корнях правового стимулирования. Думается, что стремление лица получить значимое для себя благо, было замечено еще в родовой общине. Но только с появлением государства возникли предпосылки для его правового оформления.

Государство не стало, на наш взгляд, использовать весь потенциал правовых стимулов. Гораздо легче было применять институт юридической ответственности как способ утверждения своей воли. В дальнейшем по мере развития общественных отношений, расширения социальной базы политически организованного общества стали очевидны преимущества правовых стимулов, возможности их использования для достижения целей правового регулирования.

Стремление человека получить награду учитывалось при конструировании не только правовых, но и иных социальных норм, в частности религиозных. Например, в Евангелии от Матфея говорится: «Кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10:41). Апостол Иаков пишет, что награда ждет человека, который проходит все испытания и искушения: «Блажен человек, который переносит искушения, потому что, быв испытан, получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1:12). Нормы ислама говорят: «Поистине, дом становится просторным, посещают его ангелы, избегают его шайтаны и увеличивается в нем благо, если читают в нем Коран. И поистине, дом становится тесным для его обитателей, отдаляются от него ангелы и населяют его шайтаны и уменьшается в нем благо, если не читают в нем Коран (Дарими)».

Сегодня правовые стимулы рассматриваются в разных аспектах, что обусловлено сложностью и многосторонностью их природы. А. В. Малько исследует правовой стимул в информационно-психологическом ракурсе как «правовое побуждение к законопослушному деянию, создающее для удовлетворения собственных интересов режим благоприятствования»¹³. Близка к его точке зрения и позиция Д. И. Провалинского, определяющего правовой стимул как «правовое побуждение субъекта общественных отношений к правомерной деятельности, отвечающей интересам государства и общества, путем создания заинтересованности в достижении ожидаемого результата»¹⁴.

Функциональный подход позволяет рассматривать правовые стимулы как комплексный правовой институт, т.е. совокупность норм права, воздействующих на сознание субъектов с целью формирования у них устойчивых мотивов к правомерному и сверхправомерному поведению.

Правовые стимулы содержательно связаны как с субъективными правами, так и с юридическими обязанностями. Субъекту предоставляется право удовлетворить свои потребности и интересы путем использования нормативно закрепленной меры возможного поведения, позволяющей ему получить определенные преимущества по сравнению с теми лицами, которые добровольно отказались от использования своего субъективного права. Например, Налоговый кодекс РФ предусматривает возможность лица получить имущественные налоговые вычеты.

¹³ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юрист, 2004. С. 60.

¹⁴ Провалинский Д. И. Подходы к определению понятия правовой стимул// Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 92.



Но только от самого субъекта зависит использовать ли их и получить материальную выгоду в виде возврата из бюджета ранее уплаченных сумм НДФЛ.

Правовые стимулы — нормы, предусматривающие правовую возможность лица получить награду в виде материальных и моральных благ за публично признанные заслуги, выражающиеся в надлежащем выполнении и (или) перевыполнении юридических обязанностей. Заслуга имеет место только в том случае, когда лицо выполняет обязанности. Соответственно, можно говорить о том, что социально-активное правомерное поведение подразделяется на поведение, связанное с активным использованием своих субъективных прав, и поведение, выражающееся в добросовестном исполнении (соблюдении) юридических обязанностей.

Правовые стимулы отличаются тем, что они влекут для стимулируемого лица наступление всегда позитивных последствий как юридического, так и морального характера (чувства выполненного долга, счастья, успеха, радости от достижения поставленной цели, получения признания со стороны окружающих). Они позволяют субъекту изменить свое внутреннее состояние — ощущение потребности (нехватки чего-либо) сменяется эмоционально привлекательным состоянием ее удовлетворения.

В юридической науке дискуссионным является вопрос о признании юридической ответственности разновидностью правовых стимулов. При рассмотрении данного вопроса мы исходим из того, что человеком движет мотив. Процесс формирования мотива сложен: начинается с возникновения потребности личности и завершается возникновением намерения и побуждения к достижению цели¹⁵. Классическая психология различает две разновидности мотивации: мотивацию «достижения успеха» (мотивацию «пряника», основанную на возможности удовлетворить свои доминирующие потребности и интересы) и мотивацию «избегания неудач» (построенную на страхе).

Правомерное поведение — результат и позитивной, и негативной мотивации. Обойтись только одной мотивацией невозможно, да и не нужно. Они имеют разный механизм действия, разную целевую установку. Позитивная мотивация имеет ряд существенных преимуществ, она выступает источником движения, побуждает к вдохновению. Отрицательная мотивация заставляет поступать именно так, а не иначе. Для нее характерно принуждение, определенное давление. И хотя она называется отрицательной, имеет ряд несомненных достоинств, поскольку заставляет субъекта взвешенно принимать решения, быть предусмотрительным и внимательным.

Правовой стимул и юридическая ответственность, бесспорно, формируют определенные мотивы, но механизм их формирования является прямо противоположным по своему характеру. Правовые стимулы действуют по принципу симпатии, они формируют положительные эмоции, основанные на возможности лица получить необходимое для удовлетворения его потребности благо. Юридическая ответственность мотивационно не менее сильна. Но в основе ее действия положен другой принцип — принцип антипатии. Лицо не совершает правонарушения, поскольку осознает необходимость правомерного поведения, либо отказывается

¹⁵ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2008. С. 21—70.

от неправомерного деяния в силу страха наказания. Поэтому юридическая ответственность не может быть признана правовым стимулом.

Правовые стимулы весьма разнообразны, они могут быть частноправовыми и публично-правовыми, простыми и сложными, формальными и реальными. Правовые стимулы можно классифицировать применительно к видам юридической деятельности — выделять, например, правовые стимулы в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Конструирование правовых стимулов — исключительная прерогатива правотворческого субъекта. Исходным началом его работы является, на наш взгляд, определение тактических и стратегических целей правового стимулирования. Практика убедительно доказывает, что неверное целеполагание ведет к непредсказуемым, незапланированным результатам. Например, Правительством РФ принято решение об использовании мер прямого финансового стимулирования российских туристов в форме фиксированного кэшбэка в случае онлайн-оплаты картами «Мир» приобретаемых туров по России¹⁶.

Конечно, государство заинтересовано в развитии:

- внутреннего туризма прежде всего как крупнейшего источника уплаты налоговых и неналоговых платежей;
- национальной платежной системы «Мир» как важнейшего элемента системы финансовой безопасности государства, средства повышения доступности финансовых услуг.

Даже беглого взгляда оказывается достаточным для выявления многочисленных сложностей, связанных с реализацией данного решения. Ведь очевидно, и ни для кого не является секретом, что главным бичом внутреннего туризма являются отсутствие инфраструктуры, несоответствие цены и качества предоставляемых туристических услуг, отсутствие у отечественных отельеров желания соответствовать мировым стандартам, учитывать изменившиеся и явно возросшие (и это прекрасно) запросы отечественных туристов.

Решение Правительства РФ направлено на достижение исключительно текущих целей. Действительно, данные меры заинтересуют определенное количество туристов. В то же время государственные субсидии в дальнейшем могут привести к негативным последствиям — появлению класса разочарованных туристов. Вряд ли на них в дальнейшем смогут оказать мотивационное воздействие вновь принимаемые правовые стимулы. Кэшбэк окажется очередной пустой тратой бюджетных денег. Для решения проблемы необходимо разработать специальную целевую Программу, предусматривающую комплексное развитие российских курортов, организовать ее публичное обсуждение.

Правовые стимулы должны быть направлены на формирование внутреннего туризма, соответствующего мировым стандартам. Без решения экологических, транспортных проблем, без повышения уровня туристической культуры движения вперед не будет. Также важно определить не только круг лиц, отвечающих за реализацию Программы, но и определить конкретные меры их ответственности

¹⁶ Брифинг руководителя Федерального агентства по туризму Зарины Догузовой // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/40079/> (дата обращения: 01.04.2021).



за невыполнение либо ненадлежащее выполнение пунктов Программы. Внешний контроль следует поручить Счетной палате РФ, Ассоциации туроператоров России.

Абсолютно права Л. И. Казакова, обратившая внимание на значимость одного из выводов И. Бентама — критерием оценки поступков являются не намерения, а результат¹⁷. Поэтому процесс разработки эффективных правовых стимулов должен включать в себя стадию проведения системного анализа создаваемой правовой модели, выявления в ней системных ошибок, не позволяющих обеспечить достижение целей правового стимулирования.

Правовое стимулирование не является исключительной прерогативой государства. В качестве стимулирующего лица может выступать любой субъект правотворчества. Другое дело, что только государство как политическая организация всего общества обладает возможностями по вовлечению в процесс правового стимулирования абсолютно всех субъектов. Г. Еллинек обращал внимание на значимость трех целей государства — сохранения своего существования (высшая цель), целей в области права и культуры¹⁸. Правовые стимулы, формируя социально активную личность, позволяют добиться всех целей. Их несомненным преимуществом является возможность в процессе реализации государственной политики использовать меры убеждения, тем самым расширять социальную базу государства, укреплять доверие к государственным институтам, т.е. достигать главной цели любого государства, выражающейся в самосохранении, основанном на гармонии. Правовое стимулирование актуально для достижения как внутренних, так и внешних задач государства.

Правовые стимулы отличаются от других видов правовых норм тем, что они приносят (обещают) человеку удовольствие, создавая психологически комфортное состояние удовольствия и ожидания. В одних случаях лицо совершает рекомендуемые действия и рассчитывает на наступление определенных позитивных для него последствий, предусмотренных нормами права (например, получение вознаграждения, премии, льготы), в других — действует неосознанно, руководствуясь чувством долга, моральными принципами, не задумываясь и не планируя получить награду.

Воля есть принадлежащее исключительно человеку средство, помогающее ему управлять своим поведением: чтобы правовая мотивация была эффективна, правовые стимулы должны соответствовать ценностям личности. «Для правоустанавливающей практики процедура даже важнее, чем содержание нормы»¹⁹. Эффективность действия правовых стимулов напрямую зависит от уровня правовой культуры личности, ее способности осознавать, оценивать и использовать преимущества права как всеобщего регулятора поведения.

¹⁷ Казакова Л. И. Дж. Бентам и проблема поиска счастья // *Философский век. Альманах*. 1999. Вып. 9 : Наука о морали: Дж. Бентам и Россия. С. 281.

¹⁸ Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 236—270.

¹⁹ Исеев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 8. С. 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». — URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
2. *Баранов В. М.* Очерки техники правотворчества // Избранные труды. — М., 2017. — 586 с.
3. Брифинг руководителя Федерального агентства по туризму Зарины Догузовой // Официальный сайт Правительства РФ. — URL: <http://government.ru/news/40079/> (дата обращения: 01.04.2021).
4. *Ветютнев Ю. Ю., Широков А. С., Трифонов А. С.* Правовая культура в России на рубеже столетий // URL: <http://vromsu.narod.ru/160201.html> (дата обращения: 01.04.2021).
5. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 750 с.
6. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. — СПб. : Питер, 2008. — 512 с.
7. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
8. *Казакова Л. И.* Дж. Бенгам и проблема поиска счастья // Философский век. Альманах. — 1999. — Вып. 9 : Наука о морали: Дж. Бенгам и Россия. — С. 279—285.
9. *Конфуций*. Суждения и беседы. — М. : Эксмо, 2018. — 92 с.
10. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. — М. : Юристь, 2004. — 250 с.
11. *Менгер К.* Избранные работы. — М. : Территория будущего, 2005. — 496 с.
12. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1905. — 325 с.
13. *Провалинский Д. И.* Подходы к определению понятия правовой стимул // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 4 (53). — С. 90—94.
14. *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. — СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. — 448 с.
15. *Ясперс К.* Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагарджуна. — М. : ИФ РАН, 2007. — 236 с.





**Анна Валерьевна
СЕРЕБРЕННИКОВА,**

профессор кафедры
уголовного права
и криминологии
Московского
государственного
университета
имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук,
доцент
serebranna@hotmail.com
119991, Россия, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1,
стр. 33

ВОСТОК — ЗАПАД: ГАРМОНИЯ И ДИХОТОМИЯ

Аннотация. Дихотомия «Восток — Запад» традиционно остается одной из основных проблем культурологии, политической философии, политологии, геополитики. В политико-правовом аспекте противопоставление, начавшись с Аристотеля, чьи идеи были развиты анализом деспотий Востока Ш. Монтескье, а затем К. Марксом в его теории «азиатского способа производства», сформировалось в западноевропейскую и американскую либеральную традицию, проецируемую на исследования тоталитарных диктатур первой половины XX в. В центре рассматриваемой политической концепции стоит антагонизм, противостояние и противоборство традиционно «либерального Запада» и столь же традиционно «авторитарного Востока», которое формировало и укрепляло несколько цивилизационных и политико-правовых мифов. В современных условиях речь идет не только и уже, вероятно, не столько о традиционной дихотомии, сколько о взаимодействии и конвергенции, в том числе для противодействия глобальным угрозам.

Ключевые слова: история государства и права, государство, право, динамика, Восток, Запад, ислам, христианство, дихотомия, цивилизация, элита.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.162-168

ANNA V. SEREBRENNIKOVA,

Professor, Department of Criminal law and Criminology
of Lomonosov Moscow State University,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
serebranna@hotmail.com
1/33, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234

EAST — WEST: HARMONY AND DICHOTOMY

Abstract. East — West dichotomy has traditionally remained one of the main problems of cultural studies, political philosophy, political science, and geopolitics. In the political and legal aspect, the opposition, starting with Aristotle, whose ideas were developed by the analysis of the despotism of East by Sh. Montesquieu, and then by K. Marx in his theory of the “Asian mode of production”, was formed into a Western European and American liberal tradition projected onto research totalitarian dictatorships of the first half of the XX century. At the center of the political concept under consideration is the antagonism, confrontation and confrontation of the traditionally “liberal West”

and the equally traditionally “authoritarian East”, which shaped and strengthened several civilizational and political-legal myths. In modern conditions, we are talking not only, and probably not so much about traditional dichotomy as about interaction and convergence, including to counter global threats.

Keywords: *history of state and law, state, law, dynamics, East, West, Islam, Christianity, dichotomy, civilization, elite.*

Как это часто бывает в научных дискуссиях, стартовав с относительно узкой культурологической платформы, дискуссии быстро охватили иные области интерпретации, в том числе теории государства и права, принимая, как обоснованно отмечает В. А. Гуторов, «подчас гипертрофированные формы»¹. По оценке А. Д. Воскресенского, исследование дихотомии противопоставления Востока и Запада сегодня имеет в большей степени «аналитический и частично интуитивно-прикладной смыслы», хотя и позволяет выявить специфику моделей «базисной идеологии» нескольких типов политических систем и соответствующих процессов»².

Запад и Восток утрачивают четкие географические границы, которые становятся в большей степени цивилизационными. Так, Австралия как государство англосаксонской правовой семьи и соответствующей политической системы традиционно ассоциируется с Западом, хотя географически находится на Востоке. Также все исламские государства, независимо от их локации, принято группировать на «Востоке». В то же время в Европе несколько регионов с мусульманским большинством явно не вписываются в рассматриваемую дихотомию.

Цивилизационные границы все сложнее провести в условиях культурного плюрализма, например в Боснии и Герцеговине или в Сибири, граждане (жители) которых идентифицируют себя по-разному, и как Восток и как Запад, производно от этнического, конфессионального или культурного происхождения. Также жители разных частей света воспринимают границы по-разному. В Европе Россия определяется и как Восток, и как дополняющая часть Запада. В то же время исламские народы рассматривают ее, наряду с преимущественно христианскими народами, однозначно как Запад³.

Сопоставление политико-правовых систем, чаще всего традиционной, исламской и христианской, в последние несколько столетий олицетворяет дихотомию «Восток — Запад», которые, как принято считать, антагонистичны и обладают полярными характеристиками. Такой радикальный подход неизбежно сталкивается с методологическими кризисами в процессе разработки объективных классификаций и типологий государств и их союзов. В политологии устоялся подход,

¹ Гуторов В. А. Дихотомия Восток — Запад в структуре сравнительного анализа политической культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Вып. 208. С. 193—202.

² Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 25—26.

³ Turchin P., Adams J. M. ; Hall T. D. East-West Orientation of Historical Empires // Journal of World-Systems Research. 2000. № 12. December. P. 222.



в соответствии с которым принята дифференциация политико-правовых режимов и их структур на «западные» и «восточные», в различных интерпретациях. Одной из наиболее влиятельных принято считать концепцию Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста о естественном государстве и обществе открытого доступа⁴.

К первому типу, пусть и не вполне демократическому, относится абсолютное большинство современных государств. Ко второму типу относятся государства, где, как считается, есть правовое государство, в том числе и для элиты, гражданское общество, общественная и частная инициатива, а также контроль над силовым блоком. Здесь концентрируются могущественные корпорации, но в идеальной модели такого общества они интересуются прежде всего рынками и политику почти не затрагивают. В то же время «в естественных государствах» такие же корпорации играют политические роли⁵. По этой логике к последним будут отнесены Россия, та же Британия в определенные исторические периоды (например, при Тюдорах), тирании, диктатуры и современные государства Востока, а также большинство развивающихся стран, включая исламские режимы.

В основе не только этической, но и политико-правовой восточной культуры находятся идеология и обычаи, но не конституционно закрепленные принципы, гарантии и законы. В рамках обычаев следует рассматривать и субъективно-ситуативные позиции элиты или правителя. В данном случае восточная патриархально-клановая структура диктует коллективистскую ориентацию, минимизируя статус индивида, который низводится до позиции «винтика»⁶, более или менее полезного для государства, «общего дела» или великой цели. При этом на Востоке власть и политика вообще — это предназначение выдающихся и несменяемых «героев»⁷. В таком государстве политический лидер считается единственным гарантом стабильности, силой, стоящей над обществом и государством. Здесь проявляются архаично традиционные подданнические структуры политико-правовой культуры, определяющие восприятие почти сакральной личности несменяемого политического лидера⁸. Российская модель политического лидерства часто признается не гармонией и не дихотомией, а «смешением восточной и западной версий»⁹.

В рамках классического подхода¹⁰ дифференциация западной демократии и восточной деспотии по основным политико-правовым признакам начинается в эпоху Античности. На Западе основой развития становятся рыночные товарные

⁴ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. С. 40, 82—84.

⁵ Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней*. М. : Европа, 2007. С. 238.

⁶ В обыденной, некорректной, но традиционной, ставшей стереотипом интерпретации фрагмента тоста И. В. Сталина на приеме в честь Победы.

⁷ Пономарев А. Д. Дихотомия «Восток — Запад» в российской политической культуре // *Концепт*. 2018. № 10. С. 243—249.

⁸ Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. М., 2002. С. 7.

⁹ Пономарев А. Д. *Указ. соч.* С. 247.

¹⁰ Васильев Л. С. *История Востока* : в 2 т. М. : Высшая школа, 2011. Т. 2. С. 193—194.

отношения, основанные на гарантиях собственности, а власть в разной степени, но подконтрольна обществу. Исторически здесь общинная самоуправляемая демократия эволюционировала в гражданское общество¹¹. На Востоке частная собственность есть, но не господствует и в меньшей степени гарантируется, доминирует общественная и государственная собственность, преобладает государственно-общинная форма хозяйства, при которой государство доминирует над обществом. Таким образом, в центре социального развития на Западе оказывается индивид (собственник, гражданин), тогда как на Востоке — это община, связанная нормами обязательств общежития, общей собственности и традиций.

Модернизация указанного подхода привела Д. Асемоглу и Дж. Робинсона к дифференциации двух типов «экономических институтов» по их способности стимулировать экономический рост и подрывать господство элиты (Запад) или, с другой стороны, укреплять ее позиции, но оставлять население в бедности (Восток)¹². Авторы выводят процветание либо упадок государств из состояния их экономических и политических институтов в их взаимосвязи, сравнивая «экстрактивные» (исключающие) и «инклюзивные» (включающие) экономические, политические и социальные институты.

Первые создаются для того, чтобы политические элиты управляли экономикой в своих целях и перекрывали другим субъектам доступ к выгодам и благам. Такие институты позволяют отчуждать и концентрировать собственность (доходы) у небольших групп, как это было в рамках абсолютных монархий и диктатур, где элиты властвовали, опираясь на силовые и правовые структуры.

Институты второго типа предоставляют относительно широкие возможности всем, кто этого желает и кто способен, участвовать в политике и экономических отношениях, извлекая прибыль и капитализируя свое участие. Эти институты гарантируют права собственности, произвольное отчуждение которой исключается. В данном случае инклюзивными являются не только экономические, но и политические институты. Они не дают элитам контролировать экономику и политику государства исключительно в своих интересах. Эти институты считаются базисом современных либеральных демократий.

Разрешая вопрос гармонии и (или) дихотомии «Восток — Запад», Д. Асемоглу и Дж. Робинсон делают вывод о том, что экономический прогресс возможен и тех и в других условиях, но при разной динамике. По их мнению, рост экономики в условиях экстрактивных институтов, кратковременен и не имеет следствием устойчивый подъем благосостояния основной части населения. В то же время государства, основанные на инклюзивной модели институтов, демонстрируют стабильность роста, в котором «участвует» большая часть населения. Здесь прослеживается рост уровня жизни, а также общего благосостояния. Также инклюзивные институты в силу своей адаптивности лучше преодолевают любые кризисы, тогда как экстрактивные институты, как правило, их лишь усугубляют.

¹¹ Восток и политика: политическая системы, политические культуры, политические процессы. С. 25—26.

¹² *Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty, 2012 // URL: http://www.lse.ac.uk/assets/richmedia/channels/publicLecturesAndEvents/slides/20110608_1830_whyNationsFail_sl.pdf (дата обращения: 01.04.2021).*



Еще один, относительно новый и по своей сути конвергентный, подход отрицает ригористичное толкование классической дихотомии «Восток — Запад», апеллируя к тому, что значительная часть признаков западной культуры (в том числе плюрализм, разделение властей, толерантность, принципы «открытого общества» и др.) также, пусть и факультативно, но могут быть присущи и Востоку.

В XX в. с крахом колониальных империй, в рамках нового витка глобализации и общего признания основных гарантий в сфере прав человека и документов ООН ускорился процесс конвергенции политико-правовых принципов Запада и Востока. Течение рассматриваемого процесса с разной степенью осторожности (интенсивности) признается большинством исследователей, хотя в ряде сфер (прежде всего в политических институтах) этот синтез и рост взаимного влияния либо отрицаются, либо признаются, но только на самой начальной стадии¹³.

В этой связи исследователи обоснованно ставят вопросы об условиях и предпосылках перехода обществ восточного типа к обществам открытого доступа, а также о выявлении обществ, стремящихся или готовых к такому переходу¹⁴. Этот подход а priori исходит из того, что западный тип общества более прогрессивный. В то же время необходимо помнить, что в свое время европейцы охотно перенимали высшие достижения арабской культуры и науки, которыми сами арабы по ряду причин не воспользовались¹⁵.

Л. С. Васильев предлагает две базовые модели эволюции исламских государств XXI в. Первая — это энергичная европеизация и модернизация традиционного исламского общества, здесь приводятся в пример Турция и Египет, в которых эти процессы (правда, в основном усилиями военных) идут уже более столетия. Другая модель — традиционалистская, сохраняющая исламские основы и шариат в качестве доктринального фундамента исламской государственности, в рамках идеологии которой человек покорен воле Аллаха и его пророка, а соответственно, халифу, имаму и властям. Отсюда фатализм и покорность, которые, как правило, не ассоциируются с прогрессом; незащищенность индивида и в значительной мере корпораций перед властью, реализация базовых принципов власти: собственности, господства элиты и госаппарата, который взимает с подданных и бизнеса ренту.

В традиционных государствах исламская структура, отсекая внешнее влияние, длительно воспроизводится. Исламский традиционализм в этом смысле оказался сильнее не только западного, но и, в свое время, советского влияния. Л. С. Васильев исходит из того, что в сопоставлении с Японией, Китаем, государствами Юго-Восточной Азии и Индией, добившимися лидерских позиций в мировой экономике и в значительной степени модернизировавшими свои общества по западным стандартам, большая часть традиционных исламских государств все также далеки от них, подчеркивают свое отличие¹⁶.

¹³ Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. С. 34.

¹⁴ Гуморов В. А. Указ. соч. С. 198.

¹⁵ Quintern D. Arabic traces in Alexander Humboldt's kosmos and Central Asian geographies // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. № 4. С. 424—435.

¹⁶ Васильев Л. С. Указ. соч. Т. 2. С. 442.

Проблема гармонии и (или) дихотомии «Восток — Запад», несмотря на существенные доктринальные трансформации, сохраняет свое место в числе дискуссионных научных вопросов, поддерживая свой «эвристический потенциал»¹⁷. В этом плане показательна текущая пандемия коронавируса, которая вновь актуализировала ее воспроизведение в мировом общественном сознании. «Постоянное усложнение нормативного пространства и усиление гибридизации регуляторных систем уводят нас от двоичного кода: право/неправо, жесткое/мягкое право в сторону гибридных решений»¹⁸.

С одной стороны, Восток и Запад гармонично выступили против пандемии, приняв сходные жесткие карантинные меры, существенно ограничивающие права граждан, а с другой — оценка происходящих событий свидетельствует о сохранении дихотомии. Так, в первом официальном заявлении властей Ирана о коронавирусе 19 февраля его причиной названы происки «врагов», которые преувеличивали масштаб угрозы, что должно было успокоить население. Через неделю президент Х. Рухани «раскрыл» «вражеский заговор», направленный на запугивание Ирана и паралич экономики. Президент рекомендовал вести обычную жизнь и работать. Государственное телевидение обвинило США в распространении коронавируса как биологического оружия¹⁹.

Современный Запад готов идти на сделку с Востоком, обсуждать с ним цены на нефть, противодействовать глобальным угрозам, преследуя при этом свои экономические и геополитические интересы и подстраивая под них гармонизацию традиционной дихотомии, процесс, который имеет долгосрочные перспективы и явно нуждается в научном осмыслении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильев Л. С.* История Востока : в 2 т. — М. : Высшая школа, 2011. — Т. 2. — 788 с.
2. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А. Д. Воскресенского. — М. : Аспект Пресс, 2011. — 685 с.
3. *Гуторов В. А.* Дихотомия Восток — Запад в структуре сравнительного анализа политической культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Вып. 208. — С. 193—202.
4. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. — М. : Европа, 2007. — С. 688.
5. *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 34—48.

¹⁷ *Гуторов В. А.* Указ. соч. С. 200.

¹⁸ *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 47.

¹⁹ *Хоссейни К.* Коронавирус в Иране: что рассказывают врачи и что скрывают власти // BBC Persian. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51985809> (дата обращения: 01.04.2021).



6. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — С. 82—84.
7. Пономарев А. Д. Дихотомия «Восток — Запад» в российской политической культуре // Концепт. — 2018. — № 10. — С. 243—249.
8. Хоссейни К. Коронавирус в Иране: что рассказывают врачи и что скрывают власти // BBC Persian. — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51985809> (дата обращения: 01.04.2021).
9. Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. — М., 2002.
10. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty, 2012 // URL: http://www.lse.ac.uk/assets/richmedia/channels/publicLecturesAndEvents/slides/20110608_1830_whyNationsFail_sl.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
11. Quintern D. Arabic traces in Alexander Humboldt's kosmos and Central Asian geographies // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Востоковедение и африканистика. — 2018. — Т. 10. — № 4. — С. 424—435.
12. Turchin P., Adams J. M., Hall T. D. East-West Orientation of Historical Empires // Journal of World-Systems Research. — 2000. — № 12. December. — P. 219—229.

ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ ИСЛАМСКОЙ ПРАВозащитной СИСТЕМЫ: ШАГИ НАВСТРЕЧУ

Аннотация. В публикации рассмотрена роль Всеобщей исламской декларации прав человека в формировании и развитии исламской правозащитной системы. Показано, что Всеобщая исламская декларация прав человека обратила внимание мирового и регионального исламского сообщества на проблему прав человека в исламских государствах; обеспечила теоретико-методический фундамент исламской правозащитной системы, включая будущие конвенции и иные документы регионального масштаба в сфере прав человека; стала поводом к дискуссиям по поводу прав человека в исламе среди теоретиков и практиков государственно-правового строительства по всему миру; послужила толчком для разработки доктрины прав человека в исламском регионе. Констатируется, что Всеобщая исламская декларация прав человека устранила одно из мнимых противоречий между доктриной ислама и международной концепцией прав человека. Обосновано, что, хотя на сегодня исламская правозащитная система не функционирует в полной мере, однако достигнут значительный прогресс, позволяющий полагать, что полноценный ее запуск состоится в кратчайшие сроки, для чего необходимы не только политическая воля государств — участников Лиги арабских государств, но и поддержка со стороны Запада, вопреки сомнительным интересам геополитического противоборства.

Ключевые слова: правозащитные системы, механизм защиты прав человека, региональные системы защиты прав человека, Всеобщая исламская декларация прав человека, система защиты прав человека под эгидой Лиги арабских государств, исламская правозащитная система.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.169-178



**Елена Викторовна
САФРОНОВА,**

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Белгородского
государственного
национального
исследовательского
университета,
доктор юридических наук,
профессор
[elena_safronova_2010@
mail.ru](mailto:elena_safronova_2010@mail.ru)

308015, Россия, г. Белгород,
ул. Победы, д. 85

**Мохаммед Аднан
АЛБУТИФ,**

аспирант Белгородского
государственного
национального
исследовательского
университета
etonkov@bsu.edu.ru
308015, Россия, г. Белгород,
ул. Победы, д. 85

ELENA V. SAFRONOVA,

*Professor, Department of theory and history of state and law
of the Belgorod State National Research University,*

Dr. Sci. (Law), Professor

elena_safronova_2010@mail.ru

85, ul. Pobedy, Belgorod, Russia, 308015

ALBUTIF M. ADNAN,

Postgraduate student, Belgorod State National Research University

etonkov@bsu.edu.ru

85, ul. Pobedy, Belgorod, Russia, 308015

HISTORY AND FUTURE OF THE ISLAMIC HUMAN RIGHTS SYSTEM: STEPS FORWARD

Abstract. *The publication examines the role of the Universal Islamic Declaration of Human Rights in the formation and development of the Islamic human rights system. It is shown that the Universal Islamic Declaration of Human Rights drew the attention of the global and regional Islamic community to the problem of human rights in Islamic states; provided a theoretical and methodological foundation for the Islamic human rights system, including future conventions and other regional documents in the field of human rights; has become a reason for discussions about human rights in Islam among theorists and practitioners; served as an impetus for the development of the doctrine of human rights in the Islamic region. It is stated that the Universal Islamic Declaration of Human Rights has eliminated one of the alleged contradictions between the doctrine of Islam and the international concept of human rights. It has been substantiated that, although today the Islamic human rights system is not fully functioning, significant progress has been made, which suggests that its full launch will take place as soon as possible, for which only the political will of the Arab League member states is needed, but also support from the West, contrary to the dubious interests of geopolitical confrontation.*

Keywords: *human rights systems, human rights protection mechanism, regional human rights protection systems, the Universal Islamic Declaration of Human Rights, the system of human rights protection under the auspices of the League of Arab States, Islamic human rights system.*

В силу своих имманентных характеристик ни национальные, ни международная (под эгидой ООН) системы защиты прав человека не способны обеспечить комплексный характер гарантий основополагающих прав и свобод и обеспечить защиту прав каждого. Важным инструментом выступают региональные механизмы (системы) защиты прав человека, которые сложились, в частности, в Европе, Америке, на африканском континенте. Нередко инициаторами создания такого механизма выступают надгосударственные объединения,

региональные организации, такие как Совет Европы и Организация африканского единства.

В 2021 г. отмечается 40 лет с момента принятия первого документа по правам человека в исламском мире — под эгидой Исламского совета Европы и в соответствии с международными стандартами прав человека 19 сентября 1981 г. была принята Всеобщая исламская декларация прав человека — хронологически первый программный гуманистический документ по правам человека, учитывающий доктрину исламского права.

И, несмотря на то, что документ не имел никакой юридической значимости для исламских государств и, более того, принимался их оппозицией в изгнании, он послужил определенным толчком для разработки доктрины прав человека в современном исламском мире — основы для перспективного построения исламской правозащитной системы. 40 лет — значимый срок для оценки и критического осмысления построения механизма защиты прав человека в исламском мире, которое и будет осуществлено в рамках настоящей публикации.

В мировой практике сложилось три уровня функционирования механизма защиты прав человека: национальный, региональный, международный.

Под региональными правозащитными системами следует понимать функционирующие на основе многосторонних договоров с участием группы стран, расположенных на одном континенте или в одном историческом регионе, или объединенных однородной правовой доктриной (например, религиозно-правовой), или участвующих в региональной международной организации, механизмы защиты прав человека, как правило, включающие административный или судебный юрисдикционный орган по защите прав человека, систему контроля (надзора) за соблюдением прав человека в участвующих странах, а также элементы механизма привлечения к ответственности за грубое нарушение международных обязательств в сфере прав человека.

Региональный уровень функционирования правозащитных систем не является неким промежуточным звеном между национальным и международным уровнем защиты прав человека, хотя его механизмы в некоторой мере повторяют международный (международные конвенции, специализированные межправительственные комиссии по правам человека, периодические обзоры, наблюдение за странами, нарушившими международные обязательства, меры ответственности (включая санкции) и, наконец, судебный механизм обжалования неправомочных, по мнению заявителя, государственных решений, в том числе решений высшей и даже конституционной инстанции).

Региональные правозащитные системы являются важным инструментом гарантий и обеспечения прав человека на основе международных и региональных конвенций, поскольку, с одной стороны, облегчают доступ граждан к международному правосудию в сфере прав человека, а с другой — устраняют несовершенства национальных правозащитных систем, дефекты локального правосудия и административно-применительной деятельности и, наконец, способствуют собственно предотвращению грубых и массовых нарушений прав человека в странах мира.

По состоянию на 1981 г. полноценно функционировали, по меньшей мере, две региональные правозащитные системы — европейская и американская, а также



осуществлены решительные действия по созданию африканской правозащитной системы (в 1970-е гг. начата разработка Африканской хартии прав человека и народов, затем ратифицированная в 1986 г. и ставшая фундаментом регионального правозащитного механизма на африканском континенте¹).

Соответствующие идеи оказывали влияние на гуманистические настроения представителей других стран и территорий, особый интерес вызывала задача адаптации правозащитных систем и идей к специфическим региональным правовым системам, прежде всего исламской, которая основана на положениях религиозно-правовой доктрины мусульманского права, воспринимаемых многими западными исследователями, политиками и правозащитниками как противоречащие общим принципам концепции прав человека². В качестве аргументов приводятся прежде всего различия в правах женщин и мужчин, родителей и детей, различных категорий граждан, а также негуманный характер суда, действующего на основе норм религиозно-правовой доктрины — шариатского суда³.

Попытку адаптировать исламскую правовую доктрину под концепцию прав человека в ее глобальном понимании предприняли старейшины исламского мира в Европе — представители Исламского совета Европы, которые согласовали и опубликовали в 1981 г. программный документ, названный как Всеобщая исламская декларация прав человека, по аналогии с документом международного уровня, принятым ООН 30 годами ранее (и как историческая дань процессу формирования международной системы защиты прав человека).

Всеобщая исламская декларация прав человека — документ, направленный на преодоление правового нигилизма в исламских государствах и на эффективное, в том числе научно-методическое, содействие имплементации видения ключевых гражданских прав в правовые системы исламских государств.

Фактически Всеобщая исламская декларация прав человека содержит указание на констатацию прав человека в Священном писании мусульман, а также перечень и характеристики фундаментальных прав человека в исламе, в которые входят: право на жизнь и свободу, на равенство (включая запрет дискриминаций), на правосудие, на беспристрастный суд, защита от властных злоупотреблений, запрет пыток, право на защиту репутации и чести, на убежище, права меньшинств (определяемые через принцип Корана «нет принуждения в религии»), права и обязанности участвовать в управлении общественными делами, право на свободу слова, мысли и вероисповедания, на свободу религии и объединений, экономические, социальные и трудовые права.

¹ *Ouguergouz F.* The establishment of an African court of human and peoples' rights: a judicial premiere for the African union // *African Yearbook of International Law Online/Annuaire Africain de droit international Online*. 2003. Vol. 11. No. 1. P. 79—141.

² *Schirmacher C.* Islamic human rights declarations and their critics: Muslim and non-Muslim objections to the universal validity of the Sharia // *International Journal for Religious Freedom*. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 37—64.

³ *Bielefeldt H.* "Western" versus "Islamic" human rights conceptions? A critique of cultural essentialism in the discussion on human rights // *Political theory*. 2000. Vol. 28. No. 1. P. 90—121.

С учетом специфического восприятия прав женщины в исламе отдельный раздел документа посвящен правам замужней женщины. Важно также отметить, что Всеобщая исламская декларация прав человека содержит пояснения терминологии и смыслов, прежде всего уточнение, что под «законом» понимается шариат — религиозный закон мусульман.

Всеобщая исламская декларация прав человека была зачитана в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО и получила неоднозначные оценки в западном и исламском мире⁴, однако сегодня, спустя 40 лет после данного события, можно говорить о его эпохальном характере: Всеобщая исламская декларация прав человека, по нашему глубочайшему убеждению, явилась фундаментальной основой для разработки и претворения в жизнь исламской региональной правозащитной системы, в том числе:

- обратила внимание мирового и регионального исламского сообщества на проблему прав человека в исламских государствах;
- обеспечила теоретико-методический фундамент исламской правозащитной системы, включая будущие конвенции и иные документы регионального масштаба в сфере прав человека;
- стала поводом к дискуссиям по поводу прав человека в исламе среди теоретиков и практиков государственно-правового строительства по всему миру;
- послужила толчком для разработки доктрины прав человека в исламском регионе (а не в изгнании).

Всеобщая исламская декларация прав человека устранила одно из мнимых противоречий между доктриной ислама и международной концепцией прав человека, хотя исследователям и политическим деятелям соответствующую позицию приходится вновь и вновь обосновывать и отстаивать по сей день⁵.

Важным аспектом понимания соотношения норм мусульманского права и концепции прав человека выступает то, что для применения положений Священного писания мусульман одних собственно его норм недостаточно. Говоря современным юридическим языком, не меньшую важность приобретает их доктринальное толкование, изложенное в документальной форме, влияющее на правоприменение. Толкование религиозно-правовых норм в исламе — многоступенчатый и многоуровневый процесс с длительной историей⁶. Роль в толковании играют не только трактовки, данные святыми учителями, но и актуальные трактовки, которые дают авторитетные старейшины, в том числе в порядке правоприменительной деятельности шариатского суда.

Соответствующий порядок правоприменения может показаться странным и запутанным, а также несправедливым с позиций западного мировоззрения, однако благодаря ему обеспечивается гибкость и адаптивность исламской правовой системы, ее соответствие потребностям современной правовой жизни: нормам

⁴ См.: Региональные системы защиты прав человека : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе. М. : Юрайт, 2019. 378 с.

⁵ См.: *Абд аль-Мухсин ат-Турки А. А. ибн*. Ислам и права человека. Эр-Рияд : Офис по содействию в призыве и просвещении этнических меньшинств в районе Рабва, 2008. 54 с.

⁶ См.: *Ауда Д.* Цели шариата (Макасид аш-шари'а): руководство для начинающих. М. : Изд. дом Марджани, 2015. 187 с.

Корана уже полтора тысячелетия, за которые общественные отношения кардинально поменялись.

Указанные аспекты позволяют модернизировать исламское право и правовую доктрину в отношении прав человека, например уравнивать в правах граждан обоих полов, детей — в отношении родителей, представителей родов — в отношении брачующихся, одновременно не нарушая традиции ислама и оставляя неизменным исламский правовой механизм, сложившиеся веками и являющиеся неотъемлемой частью исламской государственности, общественного бытия и правовой жизни.

По вполне понятным причинам соответствующие ценности не могут разделяться определенными категориями граждан: принадлежащими к другим религиям гражданами исламских государств, проживающими на территории исламского государства иностранцами, апатридами с другими верованиями или с отсутствием таковых. В отношении них параллельно функционирует светская судебная система, которая применяет исключительно нормы светского законодательства, вплоть до национального законодательства страны происхождения при отсутствии релевантной правовой нормы в стране пребывания. Сращивание светских и шариатских судов тоже не следует воспринимать ни как угрозу традиционному доктринальному правосудию, ни как угрозу системе прав человека в их «светском» понимании, принятом на Западе.

Суды могут в обычном режиме выбирать подлежащие применению правовые нормы, что подтверждает успешная практика многолетнего функционирования системы коммерческих международных арбитражных судов. А судьи, специализирующиеся одновременно на доктринальных трактовках, в процессе своей профессиональной деятельности приобретают исключительный опыт, сопоставимый с тем, который имеется у судей англосаксонской правовой системы, вырабатывающих и трактующих прецеденты, и даже превышающий его. При высоком профессионализме большую роль играет моральный облик таких судей — людей с духовным образованием и нередко саном.

Критикуемый аспект мусульманского права, связанный с жестокостью наказаний⁷, не следует однозначно рассматривать как несоответствие международным стандартам в области прав человека. Безусловно, некоторые прямые нормы международных конвенций могут в буквальном смысле не соблюдаться, хотя гуманизм системы прав человека, например, не останавливает большинство штатов США от назначения и исполнения десятков и, порой, сотен смертных казней ежегодно, в некоторых случаях исполняемых способами достаточно унижительными, которые могут причинить дополнительные страдания заключенным.

Приговоры шариатского суда воспринимаются по-другому в исламском мире, как справедливая и неотвратимая кара, назначенная по воле Всевышнего и в строгом соответствии с его пожеланиями, и правопослушный мусульманин, даже единожды или неоднократно преступив закон, должен принять эту волю с достоинством и смирением. Более того, если суровость наказаний, назначаемых шариатским судом, предотвращает совершение новых преступлений и служит

⁷ *Евсеев Д. В., Комаров С. А.* Современная специфика исламских подходов к правам человека // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 67—72.

указанием обществу на желаемое правомерное поведение, то такой механизм играет исключительно превентивную роль, в буквальном смысле спасая жизнь и здоровье граждан, их имущество и общественные интересы от новых преступных посягательств. Не в этом ли состоит гуманизм исламской правовой системы — обеспечение и защита прав наиболее широкого круга граждан в системе практического правоприменения?

Представляется целесообразным констатировать, что при взгляде на исламское право с указанных позиций мнение о правах человека в исламе кардинально трансформируется и может быть дан однозначно положительный ответ на вопрос о том, является ли жизнеспособной идея построения исламской региональной правозащитной системы. Едва ли можно говорить о том, что исламская правовая доктрина стала непреодолимым препятствием на пути к созданию региональной правозащитной системы в мусульманском мире. Думается, что фундаментальных причин соответствующего рода и вовсе не имеется, и в относительно скором времени мир станет свидетелем полноценного запуска исламской правозащитной системы.

Фактором, препятствующим этому, является прежде всего деструктивная геополитика, которая, с одной стороны, не позволяет ряду западных стран адекватно воспринять сосуществование международных стандартов и мусульманской доктрины в системе прав человека, с другой стороны, неоднократно способствовала обострению политической напряженности между исламскими государствами, что, помимо прочего, срывало переговоры по поводу ратификации и вступления в силу надгосударственных норм, формирующих исламский правозащитный механизм.

Как эффективное противодействие соответствующему деструктивному внешнему влиянию целесообразно рассматривать плодотворную работу организаций сотрудничества исламских государств.

Организация Исламская конференция (ныне — Организация исламского сотрудничества, далее — ОИС) стала инициатором разработки Каирской декларации прав человека (КДПЧ), впервые в полном объеме и в соответствии с основополагающими международными стандартами закрепившая систему прав человека в исламском мире. КДПЧ не получила широкого признания мирового сообщества и критиковалась за ее «соглашательский» характер, не позволивший включить в положения Конвенции даже минимальный набор прав человека, гарантированный ООН⁸, между тем причиной ее бездействия стало не только неприятие со стороны международного сообщества, но также недостаточно сильное организационное и политическое влияние ОИС на участвующие государства, как минимум в той мере, которая необходима для диалога по поводу возможного пересмотра многовековых традиций во взглядах на права человека в отдельных исламских государствах.

Мертворожденной оказалась и первая Арабская хартия по правам человека (АХПЧ), принятая в 1994 г., однако прежде всего по причине недостаточного согласования сторонами. Документ был доработан и подписан в 2004 г. как новая

⁸ *Иванов Ф. Л.* Постоянная независимая комиссия по правам человека организации «Исламская конференция»: смена парадигм? // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 273—275.



АХПЧ, которая и стала фундаментом для построения механизма защиты прав человека в исламе.

Вопреки скепсису со стороны западных исследователей, а среди них встречается мнение даже о том, что АХПЧ 2004 г. и вовсе не действует⁹, несмотря на то, что автоматическое ее вступление в силу предусмотрено в соответствии с нормами самой конвенции — при условии ратификации не менее чем 7 участвующими государствами. По факту АХПЧ ратифицирована 14 или 13 государствами (остаётся сложным вопрос о ратификации Сирией, полномочия которой в Лиге арабских государств (ЛАГ) осуществляются представителями непризнанной оппозиции, в то время как членство правительства Б. Асада приостановлено).

Члены ЛАГ уже более десятилетия назад перешли к фазе выработки постоянного механизма и юрисдикционной структуры правозащитной системы — Арабского комитета по правам человека и Арабского суда по правам человека. Готовятся периодические обзоры о состоянии прав человека в государствах ЛАГ, продолжается переговорный процесс по поводу скорейшей ратификации АХПЧ 2004 г. всеми государствами, участвующими в ЛАГ, а также расширения ее действия на исламский мир, в частности на более широко представленную ОИС.

В 2014 г. был согласован Статут арабского суда по правам человека¹⁰. Документ является «ядром» юрисдикционного механизма исламской правозащитной системы, которое после своего запуска, для которого требуются прохождение ратификации установленным числом государств, избрание и созыв судей, завершит формирование контуров исламской правозащитной системы и позволит считать ее официально действующей. В данном конкретном случае, помимо геополитики, переговорным и иным организационным процессам несколько воспрепятствовала пандемия COVID-19, однако не имеется практически никаких сомнений в том, что через некоторое время ситуация кардинально изменится и в международной практике будет четвертая полноценная региональная правозащитная система.

Соответствующим трансформациям должны поспособствовать и западные государства, снизив градус политического давления на переговорный процесс в исламском мире и прекратив препятствовать интеграции через раскол, по меньшей мере в таких важнейших вопросах, как защита прав человека, под предлогом которой отдельные государства «западного мира» оправдывали и продолжают оправдывать вмешательство во внутренние дела многих других государств, включая мусульманские.

С вопросом о том, кто является нарушителем прав человека и какие меры ответственности он должен понести, эффективно справиться и внутренняя региональная правозащитная система, созданию которой пытаются воспрепятствовать политики отдельных стран и группировок. В этой связи навязывание мнения извне

⁹ Mayer A. E. The OIC's Human Rights Policies in the UN: A Problem of Coherence // The Organization of Islamic Cooperation and Human Rights. 2019. P. 91.

¹⁰ Court of Human Rights (The Council of the League of Arab States, Ministers of Foreign Affairs, adopted during his (142) session, and by his resolution n° 7790, E.A (142) C 3, 07/09/2014, the Statute of the Arab Court of Human Rights) // URL: https://aci.hl.org/texts.htm?article_id=44&lang=ar-SA (дата обращения: 01.04.2021).

не только непродуктивно, но и способствует дальнейшему искажению адекватного восприятия системы прав человека, причем проявляющемуся в действиях «продвинутого» (по его же мнению) в этих вопросах Запада.

Субъектам геополитического противоборства также следует самостоятельно определиться с позитивным восприятием сосуществования исламских религиозно-правовых норм и глобальной доктрины прав человека, по меньшей мере в случае с государствами, у которых исламское право является государственным. Выше было показано отсутствие фундаментальных противоречий в данной сфере, которое подчеркивается авторитетными исследователями, в том числе и на Западе¹¹.

Для дальнейшего позитивного развития исламской правозащитной системы видится важным, чтобы мировое сообщество перешло от необоснованной критики АХПЧ 2004 г. к принятию определенных отличий между глобальной и региональной доктриной прав человека с учетом исключительно гуманистической направленности обеих и полезности для населения Земли. Это будет важным посылом для исламских государств активизировать переговоры, превзойти противоречия политического и доктринального характера (последние обусловлены кардинальными порой отличиями доктрин различных ответвлений ислама, положенных в основу государственной религии) и в кратчайшие сроки завершить построение исламской правозащитной системы и перейти к ее полноценному функционированию во благо всего глобального исламского сообщества.

Всеобщая исламская декларация прав человека стала толчком к осуществлению важных действий по формированию исламской правозащитной системы, обратила внимание мирового и регионального исламского сообщества на проблему прав человека в исламских государствах, обеспечила теоретико-методический фундамент исламской правозащитной системы, стала поводом к дискуссиям по поводу прав человека в исламе. Это первый документ, который направлен на приведение исламской доктрины прав человека в соответствие даже не с международными стандартами и правилами, а с реалиями правовой жизни, которые свидетельствуют о возможности гибкой адаптации исламского права под требования международных правозащитных стандартов, однако лишь при условии взаимного пересмотра механизма действия таких стандартов.

«Борьба за существование кипит на всем земном шаре, но далеко не всюду и всегда с одинаковой силой»¹². Спустя 40 лет после принятия Всеобщей исламской декларации прав человека исламская правозащитная система не функционирует в полной мере, однако достигнут значительный прогресс, позволяющий полагать, что полноценный ее запуск состоится в кратчайшие сроки, для чего

¹¹ Галиуллина С. Д., Сулейманов А. Р. Стереотипное мышление о правах человека в исламе // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 281—283 ; Siebenrock H. The Enforceability of the Arab Charter for Human Rights: Illusion or Reality? // Die Friedens-Warte. 2020. Vol. 93. No. 1—2. P. 173—194 ; Tomuschat C. Adaptation of Human Rights to Cultural Specificities? // Die Friedens-Warte. 2020. Vol. 93. No. 1—2. P. 12—32.

¹² Мандельштам А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 261.



необходимы не только политическая воля государств — участников ЛАГ, но и поддержка со стороны Запада, вопреки сомнительным интересам геополитического противоборства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абд аль-Мухсин ат-Турки А. А. ибн.* Ислам и права человека. — Эр-Рияд : Офис по содействию в призыве и просвещении этнических меньшинств в районе Рабва, 2008. — 54 с.
2. *Ауда Д.* Цели шариата (Макасид аш-шари'а) : руководство для начинающих. — М. : Изд. дом Марджани, 2015. — 187 с.
3. *Галиуллина С. Д., Сулейманов А. Р.* Стереотипное мышление о правах человека в исламе // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 10 (113). — С. 281—283.
4. *Евсеев Д. В., Комаров С. А.* Современная специфика исламских подходов к правам человека // Правовое государство: теория и практика. — 2015. № 2 (40). — С. 67—72.
5. *Иванов Ф. Л.* Постоянная независимая комиссия по правам человека организации «Исламская конференция»: смена парадигм? // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 3 (19). — С. 273—275.
6. *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 261—263.
7. Региональные системы защиты прав человека : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе. — М. : Юрайт, 2019. — 378 с.
8. *Bielefeldt H.* “Western” versus “Islamic” human rights conceptions? A critique of cultural essentialism in the discussion on human rights // Political theory. — 2000. — Vol. 28. — No. 1. — P. 90—121.
9. *Mayer A. E.* The OIC's Human Rights Policies in the UN: A Problem of Coherence // The Organization of Islamic Cooperation and Human Rights. — 2019.
10. *Ougergouz F.* The establishment of an African court of human and peoples' rights: a judicial premiere for the African union // African Yearbook of International Law Online/Annuaire Africain de droit international Online. — 2003. — Vol. 11. — No. 1. — P. 79—141.
11. *Schirrmacher C.* Islamic human rights declarations and their critics: Muslim and non-Muslim objections to the universal validity of the Sharia // International Journal for Religious Freedom. — 2011. — Vol. 4. — No. 1. — P. 37—64.
12. *Siebenrock H.* The Enforceability of the Arab Charter for Human Rights: Illusion or Reality? // Die Friedens-Warte. — 2020. — Vol. 93. — No. 1—2. — P. 173—194.
13. *Tomuschat C.* Adaptation of Human Rights to Cultural Specificities? // Die Friedens-Warte. — 2020. — Vol. 93. — No. 1—2. — P. 12—32.

РАЗВИТИЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье осуществлен сравнительно-правовой анализ условий образования и статусов существовавших и действующих судебных органов евразийских интеграционных объединений (Союзного государства, СНГ, Таможенного союза, ЕвразЭС, ЕАЭС), являющихся неотъемлемым элементом институциональной структуры этих объединений. Выявлена и сформулирована обусловленность статусов этих судов спецификой каждого интеграционного объединения, определяемой совокупностью интересов, целей и задач, преследуемых входящими в это объединение государствами. Определена также обусловленность развития судов согласованностью правовых систем и национальных правосознаний в странах — членах интеграционных организаций.

Последний по времени образования на постсоветском интеграционном пространстве Суд ЕАЭС имеет целый ряд преимуществ по сравнению с Экономическим Судом СНГ, судьба которого должна рассматриваться в контексте определения перспектив развития самого СНГ. В то же время, будучи «правопреемником» Суда ЕвразЭС, Суд ЕАЭС во многих элементах статуса оказывается «слабее» своего предшественника. Автор указывает на ошибочность упрощенного объяснения произошедших ограничений в статусе Суда ЕАЭС, в частности неоправданным судебным активизмом его предшественника. По его мнению, действующий статус Суда ЕАЭС явился признанием сложной политико-ментальной природы Экономического союза, требующей более эволюционного развития коммунитарного законодательства, форм его взаимодействия с национальными правовыми системами, в полной мере учитывающих традиции и правосознание в странах — членах ЕАЭС.

Ключевые слова: интеграционное объединение, суд, юрисдикция суда, статус суда, коммунитарное законодательство.



**Виктор Пантелеевич
ОЧЕРЕДЬКО,**

профессор кафедры
государственно-правовых
дисциплин
Северо-Западного филиала
Российского
государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный работник
высшей школы Российской
Федерации
ocheredkovp@mail.ru
197046, Россия,
г. Санкт-Петербург,
Александровский парк, д. 5

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.179-187

VIKTOR P. OCHERED'KO,

*Professor, Department of state law disciplines
North-West branch of the Russian State University of Justice,
Dr. Sci. (Law), Professor,
Distinguished Worker of Higher School of the Russian Federation
ocheredkovp@mail.ru
5, Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, Russia, 197046*

DEVELOPMENT OF JUDICIAL BODIES OF INTEGRATION ASSOCIATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. *The article provides a comparative legal analysis of the conditions for the formation and status of existing and existing judicial bodies of Eurasian integration associations (the Union State, the CIS, the Customs Union, the EurAsEC, the EAEU), which are an integral element of the institutional structure of these associations. The author identifies and formulates the conditionality of the status of these courts to the specifics of each integration association, determined by the totality of interests, goals and objectives pursued by the states that are members of this association. The author also determines the conditionality of the development of courts by the consistency of legal systems and national legal consciousness in the member countries of integration organizations.*

The latest in the post-Soviet integration space, the EEU Court has a number of advantages over the CIS Economic Court, the fate of which should be considered in the context of determining the prospects for the development of the CIS itself. At the same time, being the "legal successor" of the EurAsEC Court, the EAEU Court is "weaker" in many elements of its status than its predecessor.

The author points out the fallacy of the simplified explanation of the restrictions that occurred in the status of the EAEU Court, in particular, the unjustified judicial activism of its predecessor. In his opinion, the current status of the EAEU Court was a recognition of the complex political and mental nature of the Economic Union, which requires a more evolutionary development of communitarian legislation, forms of its interaction with national legal systems that fully take into account the traditions and legal consciousness in the EAEU member states.

Keywords: *history of state and law, state, law, integration, court, jurisdiction of the court, status of the court, community law.*

Современный мир характеризуется развитием интеграционных процессов во многих сферах. В настоящее время в мире насчитывается более десятка интеграционных объединений, представляющих собой организационную форму развития интеграции в различных сферах межгосударственного сотрудничества, и прежде всего в экономической. «Вероятно, что сегодня закладываются те мировоззренческие, теоретические и методологические установки,

направленные на осмысление реальности права и околоправового пространства, которые в будущем обусловят новую версию понимания права»¹.

Неизбежной проблемой, сопровождающей развитие этого процесса, является соотношение интеграционных процессов и государственного суверенитета, в частности передача части государственного суверенитета надгосударственным органам. Наиболее активно этот вопрос дискутируется в Европе в контексте развития Европейского Союза. Довольно часто используются термины «совместно реализуемый суверенитет», «разделяемый странами ЕС суверенитет». Видный европейский политик Г. Верховстадт в своей книге «Соединенные Штаты Европы» утверждает, что никогда еще столько стран добровольно не уступали часть своего суверенитета ради мира и процветания². Очевидно, что подобные представления порождают у ряда стран опасения потери государством суверенитета и обусловленный этими опасениями оппортунизм в отношении делегирования интеграционным объединениям части своих суверенных компетенций.

Акцент здесь может быть другим. Вступление в интеграционное объединение представляет собой проявление суверенитета страны и сопровождается принятием соответствующих обязательств и приобретением дополнительных возможностей осуществления суверенных прав. В правовой сфере это означает обязательства по согласованию национальных правовых систем, выработку и исполнение норм коммунитарного права (права интеграционного образования) во имя достижения национальных интересов стран, входящих в интеграционное объединение.

Правосудие является важным элементом и фактором развития интеграционных процессов. Судебные органы, действующие либо на постоянной основе, либо *ad hoc*, присутствуют почти во всех интеграционных объединениях мира. Они составляют отдельную группу международных судов и характеризуются тем, что их «институционализация» осуществляется учредительными договорами соответствующих объединений.

Полномочия таких судов определяются волеизъявлением государств — членов объединения, т.е. также на договорном уровне. Основанием для обращения в суд является нарушение нормы права интеграционного образования (коммунитарного права), являющегося применимым правом при разрешении споров. Решения судов являются важнейшим инструментом разрешения споров между странами-участниками. Помимо этой традиционной функции, на них возлагается право контроля актов и решений институтов интеграционного объединения, заключенных в рамках интеграционного объединения международных договоров на предмет их соответствия учредительному договору.

Таким образом, суды выступают значимым элементом формирующегося общего правового пространства интеграционного объединения, на них возлагаются задачи выстраивания его системы, обеспечения решения интеграционных задач правовыми средствами, защиты правопорядка интеграционного объединения.

¹ *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 36.

² Интеграционное право // В. В. Блажеев, С. Ю. Кашкин [и др.]. М. : Проспект, 2017. С. 82.



Безусловно, суды в этом качестве потенциально представляют собой весьма влиятельный институт интеграционного объединения.

В наиболее зрелых формах интеграционное правосудие предстает в Европе. Развитие Суда Европейского Союза в значительной мере является залогом и условием эффективного развития Европейского Союза, по общему мнению, наиболее продвинутого интеграционного объединения в мире. Суд ЕС не только разрешает споры, но и формирует новую интеграционную правовую реальность. В значительной мере его усилиями происходят координация и гармонизация национальных правовых систем, формируется единое правовое пространство ЕС, в том числе в сфере правосудия, определяются основные векторы становления европейского правосознания.

Этот же процесс, хотя и не так последовательно, развивается на постсоветском пространстве в рамках формируемых интеграционных объединений: Союзного государства, СНГ, Таможенного союза, ЕврАзЭС, ЕАЭС. Неотъемлемым элементом институциональной структуры этих объединений являются суды. Политико-правовые предпосылки создания интеграционных объединений на постсоветском пространстве, как и интересы, цели и задачи входящих государств, были и остаются различными. Этим обусловлены различные объемы юрисдикций образуемых судебных органов, результаты и перспективы их развития.

Следует назвать «спящий» суд — Суд Союзного государства. Учреждение Суда Союзного государства предусматривается Договором Российской Федерации и Республики Беларусь о создании Союзного государства. Он определяется как орган, призванный обеспечить единообразное толкование и применение выше-названного договора, а также нормативных правовых актов Союзного государства. Однако этот судебный орган так и не создан.

В рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) действует Экономический суд СНГ. Он создан в соответствии со ст. 5 Соглашения о мерах по улучшению расчетов между хозяйственными организациями стран — участниц СНГ от 15 мая 1992 г. Экономический суд СНГ, как и другие международные суды, обладает компетенцией рассматривать межгосударственные экономические споры, возникающие при исполнении экономических обязательств, предусмотренных межгосударственными соглашениями, решениями органов Содружества, а также осуществлять толкование актов Содружества.

Посредством включения государствами — участниками Содружества юрисдикционных оговорок о передаче Экономическому суду СНГ других споров, связанных с исполнением соглашений и принятых на их основе иных актов Содружества, расширена предметная юрисдикция Экономического суда СНГ. В настоящее время действуют 39 многосторонних договоров, заключенных в рамках Содружества и содержащих оговорки, предусматривающие юрисдикцию Экономического суда. Это позволило Суду выходить за рамки вопросов экономического характера, оценивая проблемы организационно-политического значения, расширило перечень государств, правомочных обращаться в Экономический суд СНГ (Азербайджан, Армения, Туркменистан)³.

³ Компетенция Экономического суда СНГ // URL: <http://sudsng.org/competence/sng/> (дата обращения: 01.04.2021).

Подавляющее число дел, рассмотренных Экономическим судом СНГ, представляют собой запросы о толковании актов органов Содружества и норм международных договоров, заключенных в рамках СНГ (около 90 %), а не межгосударственные экономические споры (около 10 %), которые, по идее, должны составлять его основную юрисдикцию. В литературе весьма распространен вывод о его недостаточной востребованности и высказываются сожаления по поводу недостаточной эффективности⁴. Именно это является основной проблемой развития Суда, здесь же кроются основные перспективы его развития.

Необходимость реформирования Экономического суда СНГ в направлении расширения его предметной и персональной компетенций и повышения его эффективности была очевидна с начала его функционирования. Уже в 1995 г. было принято решение Совета глав государств СНГ, согласно которому Экономическому суду было поручено разработать проект концепции о статусе Суда Содружества. Разработанный проект в течение ряда лет проходил стадии доработки и согласования, однако его принятие застопорилось из-за существенных разногласий в позициях государств Содружества по вопросу компетенции Суда.

В 1998 г. Экономический суд начал разрабатывать проект протокола о внесении изменений и дополнений в Соглашение о статусе Экономического суда СНГ, который также прошел в 1999—2003 гг. длительный процесс согласования на всех уровнях, а в 2004 г. даже был рассмотрен и одобрен в соответствующем решении Совета министров иностранных дел СНГ. В 2006 г. Экономическим судом были подготовлены предложения по механизму судебного разрешения экономических споров в СНГ.

Однако все предложения, направленные на активизацию деятельности Экономического суда СНГ, наталкивались на несогласованность интересов, целей и задач государств — членов СНГ и не подкреплялись необходимыми нормативными и организационными усилиями. Наоборот, можно проследить нарастающее ослабление статуса Суда. Это проявилось в целом ряде принятых решений Совета глав государств СНГ (далее — СГГ), в частности в решении СГГ от 7 октября 2002 г. об уменьшении квоты представительства с двух до одного судьи от каждого государства — участника Соглашения, в решении СГГ от 16 сентября 2004 г. о переводе Экономического суда на сессионную основу деятельности, в решении СГГ 16 сентября 2016 г. о переводе Суда в формат *ad hoc* и сокращении численности его аппарата, реализованном в 2017 г.

Определенным проявлением кризиса в деятельности Экономического суда СНГ является уменьшение в 10-е гг. XXI в. обращений в Суд. Так, в 2015 г. Судом было принято — 3 решения и 1 определение о разъяснении ранее принятого решения, в 2016 г. — только 1 решение о толковании, последнее решение было вынесено судом в 2017 г. Ряд государств — членов СНГ перестали направлять своих судей в состав Экономического суда СНГ (Таджикистан — с 2011 г., Кыргызстан — с 2013 г., Казахстан — с 2014 г.), что говорит о выходе этих государств де-факто из состава участников Соглашения о статусе Экономического суда СНГ.

⁴ Экономический суд СНГ разъясняет, но не судит // URL: <https://www.dw.com/ru/экономический-суд-снг-разъясняет-но-не-судит/a-16074014> (дата обращения: 01.04.2021).



Сегодня в составе Экономического суда СНГ осталось только двое судей — от России и Белоруссии⁵, что фактически превращает его в суд Союзного государства. Существенным изменением статуса Суда является использование только средств дистанционной работы, письменной процедуры рассмотрения дел без проведения устных слушаний⁶.

Вспоминается, к сожалению, данная еще в начале 90-х гг. XX в. характеристика СНГ как инструмента цивилизованного развода постсоветских стран, пролонгируемая в наши дни⁷. СНГ все больше превращается в межгосударственную площадку для политического диалога. Изменяющийся формат деятельности СНГ оставляет государствам все меньше оснований для рассмотрения споров между собой в судебном порядке. Вместе с тем, сохраняющиеся экономические связи обуславливают продолжение функционирования и Экономического суда СНГ. Думается, что проблемы совершенствования деятельности Суда как уставного органа Содружества должны рассматриваться в контексте определения перспектив развития самого Содружества.

В качестве базы для расширения полномочий Экономического суда СНГ длительное время рассматривалось развитие других интеграционных проектов — Таможенного союза, ЕврАзЭС. Предпринимались даже определенные практические шаги в этом направлении, однако в итоге этого не произошло.

Развитие единого экономического пространства и создание Таможенного союза с неизбежностью привело к формированию единого правового пространства в рамках ЕврАзЭС. Важную роль в его развитии призваны играть органы правосудия. Осознание этого факта потребовало осуществления адекватных шагов по их созданию. В качестве первых шагов можно назвать принятие решения о прекращении виртуального существования Суда ЕврАзЭС и утверждение новой редакции его статута⁸.

Суд ЕврАзЭС начал свою работу с 1 января 2012 г. в Минске, первый иск был рассмотрен 27 июня 2012 г. Статус, совокупность достаточно широких юрисдикционных полномочий, результаты деятельности позволяют констатировать, что Суд ЕврАзЭС, зарекомендовав себя в качестве «сильного» суда, обозначил новое место юстиции в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Несмотря на существование многих проблем, можно констатировать, что

⁵ Экономический суд СНГ.

⁶ Протокол о внесении изменений в Соглашение о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 г. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/542607722> (дата обращения: 01.04.2021).

⁷ См.: *Нешатаева Т. Н.* Евразийская интеграция: роль суда. М. : Статут, 2015. 301 с.

⁸ Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 502 (с изм. от 10 октября 2011 г.) «О новой редакции Статута Суда Евразийского экономического сообщества, утвержденного Решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 27 апреля 2003 года № 122, и проекте Протокола о внесении изменений в Соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества от 3 марта 2004 года» // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103670/ (дата обращения: 01.04.2021).

Суд ЕврАзЭС сыграл важную роль в наращивании эффективности интеграционных процессов.

«Правопреемником» Суда ЕврАзЭС стал Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС), созданный в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. как постоянно действующий судебный орган Союза. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда Союза определяются Статутом Суда Евразийского экономического союза согласно приложению № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе. В условиях отмеченного правопреемства Суда ЕАЭС логичным выглядит рассмотрение его «институциональной» конструкции в сравнении с его предшественником — Судом ЕврАзЭС.

Обращает на себя внимание ряд новшеств в Статуте Суда ЕАЭС. Назначение судей Суда на должность осуществляется решением Высшего Евразийского экономического совета по представлению государств-членов, им же утверждается регламент Суда. Срок полномочий судей (два судьи от каждого государства — члена ЕАЭС) увеличивается с шести до девяти лет. Суд рассматривает дела в составе Коллегии из трех судей, Большой коллегии (в составе всех судей Суда) и Апелляционной палаты. Введен новый институт — создаваемые из представителей государств специализированные коллегии экспертов, решения которых при рассмотрении Судом ряда видов споров являются рекомендательными, а при рассмотрении некоторых, в частности при решении вопроса о компенсационных мерах, обязательными для Суда ЕАЭС.

Решения Суда ЕАЭС являются обязательными для исполнения сторонами спора. Однако стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда. В случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший орган Союза за поддержкой в принятии необходимых мер, связанных с исполнением данного решения.

Принципиально важным моментом является исключение преюдициальной юрисдикции из полномочий Суда ЕАЭС и ограничение в этой части лишь вынесением классических рекомендательных заключений по запросам государств или органов Союза. Это, по общему мнению, существенно ограничивает потенциал Суда по обеспечению единообразного применения норм права Союза и созданию единого правового пространства, а в конечном счете — полноценного единого внутреннего рынка ЕАЭС.

В то же время нельзя отрицать сохранение возможностей диалога Суда ЕАЭС с национальными судами, которые применяют акты Союза, непосредственно действующие в национальных правовых системах стран — членов Союза. Судья Суда ЕАЭС Т. Н. Нешатаева совершенно обоснованно, на наш взгляд, указывает на развивающиеся, пусть и весьма отличающиеся от присущих другим интеграционным объединениям, способы интеграции правовых позиций актов Суда ЕАЭС в национальные правовые системы.

Применительно к России прежде всего следует назвать введение постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» обязательности для судов Российской Федерации толкования Судом ЕАЭС норм таможенного права ЕАЭС.

В более широком страновом контексте такими способами интеграции являются также использование правовых позиций консультативного заключения в



национальном законе и акте национального конституционного суда, осуществляющего нормоконтроль в своей стране, а также прямое принятие правовой позиции Суда ЕАЭС в международных договорах или актах наднациональной организации. Очевидно, что специфика этих способов проявляется в самостоятельном толковании и добровольном применении национальными властными органами (судами) положений норм права Союза, опосредованном особенностями правовой системы, достигнутым уровнем развития каждой страны⁹.

Понятно, что ограниченная юрисдикция Суда ЕАЭС обуславливает его авторитет и легитимность у национальных судов, а также у потенциальных заявителей. Востребованность суда определяется количеством обращений в суд. С момента образования и по 2919 г. Судом ЕАЭС рассмотрено 33 заявления о разрешении споров и о разъяснении, из которых 15 было подано хозяйствующими субъектами, 16 — государствами-членами или органами Союза и 2 — сотрудниками и должностными лицами органов Союза¹⁰.

Очевидно, существует не одна причина ограничений в статусе Суда ЕАЭС со стороны учредителей интеграционного объединения. Безусловным упрощением выглядит объяснение их решения неоправданным судебским активизмом Суда ЕврАзЭС и намерением стран-учредителей противодействовать возникающим рискам. Проблема не может быть сведена к «излишней» активности судей Суда ЕврАзЭС.

Статус Суда ЕАЭС явился, на наш взгляд, признанием сложной природы Экономического союза, в которой наряду с указываемыми еще Экономическим судом СНГ объединяющими чертами (кооперационные связи, общие правовые традиции, сохраняющаяся языковая общность), заложена сложная политико-ментальная основа. Это требует более эволюционного развития взаимодействия коммунитарного законодательства и национальных правовых систем, учитывающих традиции и правосознание в странах — членах ЕАЭС.

При размышлениях о возможных перспективах развития суда в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве исследователи неизменно проводили и проводят аналогию с Судом ЕС¹¹ и, исходя из этого, высказывают различные предложения по расширению его юрисдикции, введению преюдициального запроса, штрафов в качестве меры обеспечения обязательности судебного решения, расширению перечня органов, уполномоченных обращаться в Суд и др.

Конечно, в качестве отправной точки для осознания новой реальности, глубокой научной разработки проблемы и выработки подходов для конкретных решений по усилению роли Суда ЕврАзЭС в становлении общего евразийского правового пространства такие аналогии вполне уместны. При этом очевидно, что любая зарубежная политико-правовая институция социально и функционально детерминирована и уже в силу этого не может являться образцом для решения наших проблем. Евразийский экономический союз, творчески используя правовой

⁹ См.: *Нешатаева Т. Н.* Указ. соч.

¹⁰ Экономический суд СНГ.

¹¹ См.: *Шинкарецкая Г. Г.* Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза // *Международное правосудие.* 2012. № 1. С. 98—106.

опыт Европейского Союза, призван создать судебные органы, отражающие специфику Союза, способствующие динамичному и последовательному развитию евразийской интеграции.

Становление эффективного правосудия в рамках интеграционных объединений на постсоветском пространстве — процесс, развивающийся в рамках существующих ограничений, преодоление которых возможно лишь в эволюционном режиме. И именно с этих позиций следует оценивать шаги по дальнейшему развитию судебных органов в существующих и возможных интеграционных объединениях. Несомненно одно — стремление к развитию евразийской интеграции должно быть распространено на развитие судебных органов. Состояние, юрисдикция и авторитет этих судебных органов в значительной мере обуславливают качество процесса евразийской интеграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Интеграционное право / В. В. Блажеев, С. Ю. Кашкин [и др.]. — М. : Проспект, 2017. — 720 с.
2. *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 34—48.
3. *Нешатаева Т. Н.* Евразийская интеграция: роль суда. — М. : Статут, 2015. — 301 с.
4. *Шинкарецкая Г. Г.* Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза // Международное правосудие. — 2012. — № 1. — С. 98—106.
5. Экономический суд СНГ // URL: <http://sudsng.org/analytics/sudobzor/> (дата обращения 01.04.2021).





**Виктор Викторович
МОМОТОВ,**

секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации,
председатель Совета
судей Российской
Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
viktormom@mail.ru
121260, Россия, г. Москва,
ул. Поварская, д. 15

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. Отечественное правосудие сегодня находится, как и все государственно-правовые сферы, в постоянном поиске новых решений. Каждый человек должен чувствовать не только прозрачность и доступность суда, но и его справедливость, гуманизм, индивидуализм. Россия не может отстать в гонке за технологиями. Прогресс, как и всегда в истории цивилизации, способен вывести нашу страну на новый качественный уровень судопроизводства. В статье автор анализирует практику применения технологии искусственного интеллекта в организационной деятельности суда и при осуществлении правосудия, а также рассматривает перспективы и риски расширения его использования.

Ключевые слова: государство, право, искусственный интеллект, новые технологии, технический прогресс, правосудие, суд, судья, судопроизводство, электронный документооборот, суперсервис.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191

VIKTOR V. MOMOTOV,

Secretary of the Plenary Session, Justice,
The Supreme Court of the Russian Federation,
President of the Council of Judges of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Professor
viktormom@mail.ru
15, ul. Povarskaya, Moscow, Russia, 121260

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LITIGATION: STATE AND PROSPECTS FOR USE

Abstract. Domestic justice today is like all state-legal spheres in a constant search for new solutions. Everyone should feel not only the transparency and accessibility of the court, but also its justice, humanism, and individualism. Russia cannot lag behind in the race for technology. Progress, as always in the history of civilization, is able to bring our country to a new qualitative level of legal proceedings. The author analyzes the practice of the application of artificial intelligence technology in organizing court work and in administration of justice, and also addresses the prospects and risks of its broader use.

Keywords: state, law, artificial intelligence, new technologies, technological progress, justice, court, judge, legal proceedings, e-document workflow, superservice.

Повсеместное внедрение электронных и цифровых технологий стало неотъемлемой частью нашей жизни. Развитие судебной системы, повышение эффективности и качества правосудия становится невозможным без использования передовых технологий и решений. Использование технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве является одним из наиболее перспективных направлений. Условно можно выделить два направления применения искусственного интеллекта в судебной деятельности: использование в организационной деятельности суда и непосредственно при осуществлении правосудия.

В настоящее время наиболее активно идет внедрение технологии искусственного интеллекта в организационную деятельность суда, уже введены электронный документооборот, электронное правосудие обеспечивается через соответствующую подсистему ГАС «Правосудие», также задействованы информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов», которые обеспечивают электронный документооборот в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, создавая единое информационное пространство федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Для расширения возможностей использования электронного правосудия разрабатывается единый суперсервис «Правосудие онлайн», который будет базироваться на технологии так называемого слабого искусственного интеллекта.

Суперсервис позволит обеспечить возможности дистанционного взаимодействия граждан и организаций с судом, через сервис можно будет обратиться в суд в электронном виде, получить информацию о назначении судебного заседания, участвовать в судебном заседании с использованием технологии веб-конференции, а также получать электронные копии судебных документов, подписанные электронной подписью.

Возможность участия в судебном заседании с использованием технологии веб-конференции из офисных или жилых помещений будет обеспечена внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного процесса по лицу и голосу. Кроме того, данный суперсервис будет интегрирован с другими информационными системами, в том числе с Облачной цифровой платформой обеспечения оказания государственных (муниципальных) услуг, Цифровым профилем, Национальной системой управления данными, что будет способствовать созданию единого цифрового пространства и упрощению сбора и проверки необходимых сведений и материалов.

Основной задачей искусственного интеллекта в сервисе «Правосудие онлайн» станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела. Также мы рассматриваем потенциал его использования для расшифровки аудиопrotocolов, создания интеллектуальной поисковой системы с возможностью анализа и систематизации судебной практики.

В целом использование искусственного интеллекта в организационной деятельности суда возможно без существенных ограничений, единственный значимый риск — безопасность всех персональных данных, материалов и сведений, поступающих и аккумулирующихся в электронных системах. Поэтому важно обеспечить защиту при хранении и передаче данных, в том числе предусмотрев



механизмы защиты от несанкционированного доступа и внесения изменений в электронные документы. Возможным решением такой задачи может стать, например, и технология блокчейн.

Применение технологии слабого искусственного интеллекта в организационной деятельности суда позволит уменьшить рутинную работу судей и работников аппарата суда. Уже сейчас с помощью данной технологии можно решать задачи по автоматизированному вводу и обработке информации при осуществлении делопроизводства, рассмотрению поступающих в суд процессуальных документов с целью выявления их несоответствия требованиям процессуального законодательства, идентификации личности и полномочий для участия в судебном разбирательстве.

Потенциал использования сильного искусственного интеллекта при осуществлении правосудия на сегодняшний день является дискуссионным вопросом. При этом международное сообщество и отечественные эксперты в большей степени склонны считать, что полная автоматизация процесса отправления правосудия и замена судьи на «машину» не просто невозможна, но и опасна. Специфика судебной работы, связанная с умением не только применять и понимать закон, изучать и определять роль различных факторов при принятии решения, но и учитывать в некоторых случаях психологические и даже этические аспекты делают такую работу непосильной для искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект не может стать гарантом защиты прав и свобод человека и обеспечить справедливое и гуманное правосудие. Поэтому его применение возможно только в ограниченном виде, с четко определенными рамками и правилами. Такая технология может быть использована для рассмотрения гражданских и административных дел по бесспорным требованиям, т.е. там, где принятие решения не связано с анализом правоотношений сторон и в большей степени имеет технический характер.

Перспективным направлением здесь может являться предиктивное (прогностическое) правосудие. Так, исследованию подобного опыта осуществления predictive justice и разрешения споров посредством технологии искусственного интеллекта уже посвящены отечественные монографии¹.

Предикативная аналитика позволяет на основе больших объемов судебных актов определить факторы, от которых зависит принимаемое судом решение. Выявление подобных закономерностей при осуществлении правосудия на основе искусственного интеллекта может обеспечить непрерывность совершенствования судебной деятельности, а также выявить и устранить проблемы формирования единой практики применения законодательства. Однако ответственность за принятие окончательного решения должна лежать только на судье, именно он должен оценить полученные от искусственного интеллекта результаты, их качество и применимость в конкретном деле. Поэтому такая технология может рассматриваться в качестве помощника судьи, но не его замены. Судьба человека не может быть в руках бездушного робота-интеллектуала.

¹ См.: Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 240 с.

Взаимодействие судей и работников аппарата суда с технологией искусственного интеллекта должно приводить к синергии, при сохранении в таком партнерстве главенствующей роли человека. По мере развития информационных технологий сфера их применения расширяется от технических и рутинных функций к решению более сложных задач, а информационные системы становятся средой осуществления процессуальных действий. Если право «не следит за жизнью — тогда оно становится вредным тормозом, и тут уже священный долг науки сказать свое веское слово»². Научные дискуссии безусловно помогут актуализировать современные проблемы цифрового мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 261—263.
2. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / под ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 240 с.

² *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 263.

Иррациональное в рациональном: путь к правовому идеалу



**Сергей Викторович
КОРОЛЕВ,**

главный научный сотрудник
сектора международного
права
Института государства
и права
Российской академии наук,
доктор юридических наук,
профессор
sko.05@mail.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

«ТОПИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» Т. ФИВЕГА В СВЕТЕ УЧЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

Аннотация. В 1953 г. небольшое эссе «Топика и юриспруденция» Теодора Фивега — малоизвестного приват-доцента из Университета города Майнца — подвергло радикальной критике догму юридического позитивизма о праве как замкнутой иерархии правовых норм. Более того, в этом эссе Фивег настаивал на том, что юридическое мышление является, скорее, индуктивным и проблемным, чем дедуктивным и абстрактным. Термину «проблема» Фивег даже часто предпочитает термин «апория», т.е. проблема, с одной стороны, внутренне противоречивая и вроде безысходная, но, с другой стороны, требующая обязательного разрешения. Автор сопоставил основные тезисы юридической топики как универсальной юридической методологии и взгляды Аристотеля как родоначальника философской топики. Автор приходит к выводу, что Фивег в целях обновления теоретического базиса юриспруденции существенно сублимировал «топический метод», который у Аристотеля по преимуществу носит дидактический характер. **Ключевые слова:** юриспруденция, философия, история, наука, философская топка, юридическая топка, правовая система, юридическое мышление, юридический метод.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.192-197

SERGEJ V. KOROLEV,

Chief Researcher, Department of international law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Law), Professor
sko.05@mail.ru

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

T. FIVEG'S TOPICS AND JURISPRUDENCE IN THE CONTEXT OF ARISTOTLE'S TEACHINGS

Abstract. The small essay "Topics and Jurisprudence", which was published in 1953 by a then obscure assistant professor of the Mainz University Theodor Viehweg, boldly challenged the self-complacency of the corner stone of legal positivism, i.e. the thesis of the hierarchical structure of legal norms.

Moreover, Viehweg maintained that legal thinking is sooner inductive and problematic, than deductive and abstract. Viehweg is even eager to dismiss the term “problem” in favour of the more stringent term “aporia”. This word rather means a dead-end problem with inherent contradictions, demanding nonetheless an obligatory solution. The author compared the main theses of legal topics with the original views of Aristotle, who had laid the philosophical foundation of topics as a tool of philosophical investigations. The author concludes that in order to rejuvenate the theoretical basis of jurisprudence Viehweg tried to sublimate the “topical method”, which according to Aristotle had to play a rather modest role as a “one more” didactic tool.

Keywords: law, philosophy, history, science, philosophical topics, legal topics, legal system, legal thinking, legal method.

Греческое слово *topos* означает «место» (отсюда, топография). В гуманитарном знании аристотелевский термин «топика»¹ еще в античную эпоху был вытеснен термином «риторика».

Слово «топика» понадобилось Аристотелю для того, чтобы дистанцироваться от термина «софистика». Упрощенно говоря, для Платона и для Аристотеля софисты — «лжемудрецы», которым неинтересна истина как таковая. Своим красноречием они лишь симулируют видимость истины: «пассивная теоретическая рассудительность»².

Как бы то ни было, риторическая традиция генетически связана с софистикой. Эта античная традиция сумела пережить нападки Платона и Аристотеля как сторонников строгого (логического) знания.

В исторической перспективе не имеет смысла задавать вопрос о том, когда софистика «трансформировалась» в риторику: слова суть синонимы. Проблема лишь в том, что в силу авторитета Платона и Аристотеля термин «софистика» стал пейоративным. С тех пор и донныне термин «риторика» (слово, незапятнанное эмоциональной склокой между философами и софистами) служит визитной карточкой для теории и искусства убеждения.

Античный спор между философами и софистами до сих пор отягощает самоидентификацию юриспруденции. Для многих неюристов, особенно для носителей обыденного сознания, это соперничество является поводом рассматривать все юридические профессии лишь как вариации «софистических уловок». В этом смысле мини-монография Т. Фивега «Топика и юриспруденция»³ убивает сразу трех зайцев: — «скелет софиста в шкафу юриста» теперь выставлен напоказ; — было продемонстрировано принципиальное родство между философской «топикой» Аристотеля, с одной стороны, и риторикой как дидактикой и искусством убеждения, с другой;

¹ Аристотель. Топика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 347—533.

² Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 47.

³ Viehweg Th. Topik und Jurisprudenz. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Grundlagenforschung. München : Becksche Verlagsbuchhandlung, 1953. 75 S.



- был радикально поставлен вопрос о месте и роли юридической топики в системе юридических дисциплин (юснатурализм, нормативизм, аналитическая юриспруденция, юридическая герменевтика и др.);
- брошюра Т. Фивега вызвала в Германии бурные дебаты. Они фокусировались вокруг взаимосвязанных его тезисов;
- юридическое мышление является проблемным и даже апоретическим, а не систематико-иерархическим мышлением в духе юридического позитивизма;
- право (порядок) представляет собой открытую, а не замкнутую систему и не столько юридических норм, сколько разнообразных проблем, требующих незамедлительной юридизации и приемлемого решения.

В некотором смысле концепцию Т. Фивега можно рассматривать как попытку отыскать теоретическую платформу для так называемого судейского права (*Richterrecht*)⁴. Ведь судьи в первую очередь сталкиваются с проблемами, которые порой неожиданно ставит сама жизнь и которые они должны еще уметь опознать как юридически значимые. Лишь на втором этапе начинает работать традиционное систематическое (нормативистское) мышление судей, прежде всего в виде субзумпции⁵ (= подведение юридических фактов под имеющуюся норму права). Если же правовая система постулируется как замкнутая система юридических норм, то у судей нет возможности даже опознать юридическую значимость новых и часто неожиданных проблем, с которыми граждане приходят в суд.

Т. Фивег полагает, «Топика» Аристотеля приобретает функцию «спасательного круга», прежде всего для юристов-практиков и особенно для судей.

Вернемся к первоисточнику: в первом положении своей «Топики» Аристотель заявляет, что цель его исследования заключается в том, чтобы «найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы отстаиваем какое-нибудь положение»⁶. «Топика» Аристотеля, как видим, телеологически привязана к его логическим изысканиям: как и строго логический метод, нестрогий метод «Топики» преследует цель уберечь исследователя от логических противоречий.

Вместе с тем в приведенной цитате наглядно присутствует модель состязательного, например судебного, разбирательства. Каждая сторона строит свою линию аргументации, опираясь прежде всего на то, что сообразуется со здравым смыслом. Другими словами, участники дискуссии опираются на «общие места» (топосы), с которыми разумные люди не спорят. Задача же судьи, упрощенно говоря, состоит в том, чтобы следить за логической последовательностью аргументов сторон. При таком «топическом подходе» судья выносит решение не «за» победителя, а «против» проигравшего. Судебное решение наказывает ту сторону, которая не сумела удержать логическую последовательность своих аргументов в терминах здравого смысла⁷.

⁴ *Bumke Ch. Richterrecht zwischen Gesetzesrecht und Rechtsgestaltung*. Tübingen : Mohr-Siebeck, 2012. 121 S.

⁵ *Larenz K., Canaris Cl.-W. Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. Berlin : Springer Verlag, 1999. 340 S.

⁶ *Аристотель*. Указ. соч. С. 349.

⁷ *Holocher J. Juristische Topik. Erfindungs- und Begründungsperspektive*. Krakau : Jogailo Universitätsverlag, 2011. 349 S.

Продолжая линию Аристотеля, Т. Фивег полагает, что «топосы» — это «разнообразно используемые, повсеместно приемлемые точки зрения, которые изменяются как мнения — “за” и мнения — “против” и могут привести к истине»⁸. В терминах юридической топика судейское право — не что иное, как процедура поиска судьей приемлемого решения в данном конкретном деле. «Судья» как идеальный тип судейского права при столкновении с каждым новым, особенно неожиданным, делом, берет на себя труд мучительного поиска казуальной индивидуальной справедливости. Заранее «топический судья» не знает, куда именно выведет его этот путь с открытой опцией будущего решения.

Судья же в тривиальном смысле, как «элемент» замкнутой системы позитивного права, просто «штампует» свои решения посредством субзумпции (см. выше). Согласно позитивистской идеологии он «просто» подводит «юридический факт под норму закона». На самом деле субзумпция не столь проста, как хотелось бы законодателю.

Как бы то ни было, согласно юридическому позитивизму, судья сфокусирован на принципе абстрактного равенства. Напротив, «топический судья» сконцентрирован на поиске индивидуальной справедливости, которая в принципе не может быть абстрактной — для всех одной и той же.

В теоретической позиции Т. Фивега привлекает признание того, что юридическая топика как методика опознания и фиксации новых юридических проблем сама представляет собой незамкнутую систему. Другими словами, юридическая топика открывает простор для юридизации новых проблем и социальных вызовов любыми способами, которые совместимы со здравым смыслом. Однако сама топика, в отличие от юридического позитивизма, вовсе не претендует на исключительность. Юридическая топика не имеет собственных критериев для определения приоритета одной опознанной проблемы по отношению к другой и, соответственно, вечного приоритета одного метода по отношению к другому.

Актуальный пример: классический университет как самодостаточная система⁹, гарантирующая личный контакт и доверительную эмпатию между профессором и студентом, в принципе не нуждается в оффлайн-формате. Вместе с тем объективные предпосылки глобальной цифровизации (о ее субъективных аспектах следует говорить отдельно) неизбежно вторгаются внутрь классического университета, например, трансформируя классическую книжную библиотеку в электронную. Это поднимает вопрос о так называемом электронном университете вообще.

Соответственно, для юридической топика, во-первых, возникает задача юридизировать «электронный университет», т.е. признать этот вызов как юридическую проблему. Во-вторых, возникает необходимость сопоставить каталог топосов классического университета (например, топос под названием «преемственность») и каталог топосов «электронного университета» (например, топос под названием «диверсификация, или разнообразие»).

⁸ *Viehweg Th.* Topik und Jurisprudenz. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Grundlagenforschung. München : Beck, 1974. S. 24.

⁹ *Jaspers K., Rossmann K.* Die Idee der Universität für die gegenwärtige Situation. Berlin : Duncker und Humblot, 1961. 250 S.



При таком сопоставлении сразу видно:

- топос «диверсификация, разнообразие» не является логической противоположностью топоса «преемственность». Так, классический университет базируется на принципе *e pluribus unum*¹⁰, который имплицитно включает в себя и принцип разнообразия;
- бросается в глаза, что топос «диверсификация», взятый изолированно, представляет собой «распадчивое» слово (А. И. Солженицын)¹¹. Это слово не имеет собственной опоры и нуждается «спрятаться под понятие-зонтик».

Неизбежно возникают вопросы: диверсификация для чего? Диверсификация в рамках чего? Однако на эти вопросы юридическая топика Фивега сама по себе ответить не может. Как сказано, выше она представляет собой методiku с открытой опцией юридического решения (не путать с политическим!). Юридическое решение за рамками юснатурализма и юридического позитивизма могли бы сформулировать юридическая герменевтика или же юридическая семиотика.

Если критерий замкнутости считать одним из необходимых признаков системы как таковой, то к юридической топике уже невозможно применять термин «система», поскольку при таком подходе она уже не может быть «открытой». Фактически топике Фивега можно рассматривать как юридическую методологию проблемного мышления. Такая методология базируется на принципе плюрализма, т.е. на принципе множественности и допустимости разных ракурсов опознания и оценки юридических проблем. Другими словами, нормативистский метод внутри юридической топики признается как приемлемый, но не как исключительный.

На первый взгляд принцип плюрализма легко может стать жертвой «принципа» волюнтаризма, но топике Фивега такой тандем не угрожает. Ведь топосы, или «общие места», как аргументы при опознании и оценке (новых) юридических проблем, подчиняются императиву здравого смысла, который объединяет мировоззрение и поведение всех адекватных людей. Здравый смысл и волюнтаризм несовместимы.

Важнее и проблематичнее более глубинная аналогия между юридическим плюрализмом и дискретностью: прерывностью в содержании права и, соответственно, внутри юридической науки. «Античные споры (*arguments*) между Аристотелем и атомистами по поводу непрерывности (*continuity*) и дискретности материи хорошо известны и были предметом второй антиномии Канта. С математической точки зрения непрерывность и дискретность радикально отличаются друг от друга»¹². Так, математическая модель той или иной теории может иметь черты, которые как бы отображают «дискретность» или «непрерывность» того, что именно данная модель описывает. Однако математическая модель как теория не является дискретной, поскольку она должна отвечать принципу непротиворечивости, связности и, следовательно, непрерывности.

¹⁰ Латинское выражение «из множества единое», например из «множества факультетов единый университет».

¹¹ См.: Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. М. : Русский путь, 2000. 280 с.

¹² Suppes P. A Pluralistic View of Foundations of Science // Topics in the Foundation of Statistics. Dordrecht : Springer-Science+Business Media, 1997. P. 13.

В терминах юридической топика можно сделать вывод: дискретные, т.е. не соприкасающиеся с точки зрения методов, концепции права погружены в единую (непрерывную) проблематику правопорядка (равенство, справедливость, правильность, приемлемость). Юридическая топика сама как «открытый список» возможных методов опознания и анализа юридических проблем неизбежно вовлечена в непрерывность социокультурного контекста. С ним юридическая топика связана прежде всего лингвистически (через профессиональный язык) и институционально (например, через систему правосудия или классический университет).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Топика // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — С. 347—533.
2. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
3. *Солженицын А. И.* Русский словарь языкового расширения. — М. : Русский путь, 2000. — 280 с.
4. *Bumke Ch.* Richterrecht zwischen Gesetzesrecht und Rechtsgestaltung. — Tübingen : Mohr-Siebeck, 2012. — 121 S.
5. *Holoher J.* Juristische Topik. Erfindungs- und Begründungsperspektive. — Krakau : Jogailo Universitätsverlag, 2011. — 349 S.
6. *Jaspers K., Rossmann K.* Die Idee der Universität für die gegenwärtige Situation. — Berlin : Duncker und Humblot, 1961. — 250 S.
7. *Larenz K., Canaris Cl.-W.* Methodenlehre der Rechtswissenschaft. — Berlin : Springer Verlag, 1999. — 340 S.
8. *Suppes P.* A Pluralistic View of Foundations of Science // Topics in the Foundation of Statistics. — Dordrecht : Springer-Science+Business Media, 1997. — P. 9—14.
9. *Viehweg Th.* Topik und Jurisprudenz. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Grundlagenforschung. — München : Becksche Verlagsbuchhandlung, 1953. — 75 S.



**Дженеэра Игоревна
ЛУКОВСКАЯ,**

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского
государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
lukovskaia@yandex.ru

199105, Россия,

г. Санкт-Петербург,
22-я линия В. О., д. 7

**Наталья Ивановна
МАЛЫШЕВА,**

доцент кафедры теории
и истории государства и
права

Санкт-Петербургского
государственного
университета,

кандидат юридических
наук, доцент

nma160@list.ru

199105, Россия,

г. Санкт-Петербург,
22-я линия В. О., д. 7

**Никита Дмитриевич
СТРОГОВ,**

аспирант Санкт-
Петербургского
государственного
университета

strogovofficial@mail.ru

199105, Россия,

г. Санкт-Петербург,
22-я линия В. О., д. 7

**Г. КЕЛЬЗЕН О ЕСТЕСТВЕННОМ
ПРАВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ:
АРГУМЕНТ О ПРАВЕ
НА СОПРОТИВЛЕНИЕ¹**

Аннотация. В статье представлено авторское видение аргумента о праве на сопротивление, использованного Г. Кельзеном для критики естественно-правовых учений. Обращение к истории идей и природе права на сопротивление угнетению позволило рассматривать его как атрибут справедливого правопорядка, требования к которому вытекают из естественного права. Естественное право издревле используется для оценки права позитивного. Апелляция к справедливости является весьма характерным приемом для естественно-правовой доктрины, которая особенно востребована в сложные переломные периоды человеческой истории, когда возникает необходимость легитимировать установление нового правопорядка.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, право, идея, учение, история права, нормативизм, естественно-правовые учения, справедливость, право на сопротивление, Г. Кельзен.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.198-206

© Д. И. Луковская,
Н. И. Малышева,
Н. Д. Строгов, 2021

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00528).

DZHENEVRA I. LUKOVSKAYA,

Professor, Department of theory and history of state and law of Saint Petersburg State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation lukovskaia@yandex.ru
7, 22 line, V. O., Saint Petersburg, Russia, 199105

NATALIYA I. MALYSHEVA,

Associate Professor, Department of theory and history of state and law of Saint Petersburg State University, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation nmal60@list.ru
7, 22 line, V. O., Saint Petersburg, Russia, 199105

NIKITA D. STROGOV,

Postgraduate Student, Saint Petersburg State University strogovofficial@mail.ru
7, 22 line, V. O., Saint Petersburg, Russia, 199105

**G. KELSEN ON NATURAL LAW AND JUSTICE:
AN ARGUMENT ON THE RIGHT TO RESIST**

Abstract. *The article presents the author's approach of the argument on the right of resistance, which used by Hans Kelsen to criticize the theory of natural law. The study of the history of ideas and the nature of the right of resistance to oppression makes it possible to consider this right as an attribute of fair law and order, which natural law makes demands on. Natural law has been used since ancient times to evaluate positive law. The appeal to justice is a very characteristic technique for the natural law doctrine, which is especially in demand in complex critical periods of human history, when there is a need to legitimize the establishment of a new legal order.*

Keywords: *jurisprudence, state, law, idea, doctrine, history of law, normativism, natural law teachings, justice, the right to resist, H. Kelsen.*

Что есть справедливость?

Этим вечным вопросом задавались лучшие умы человечества. В устах выдающегося ученого-юриста Г. Кельзена ответа на вопрос, что есть «та справедливость, по которой тоскует человечество», мы не услышим. Но он успел сказать, что является справедливостью для него самого: «...справедливостью является тот социальный строй, под защитой которого может процветать поиск истины. Тогда моей справедливостью является справедливость свободы, справедливость мира, справедливость демократии — справедливость терпимости»².

² Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб. : Алф-пресс, 2015. С. 374.



Естественное право в самом общем виде можно понимать как требование справедливости действующего правопорядка. Вслед за Г. Кельзеном, различающим идею естественного права и учения о нем, в дальнейших рассуждениях будут иметься в виду прежде всего естественно-правовые учения. Несомненно, отдельного серьезного разговора заслуживает сама идея естественного права, для многих юснатуралистов сводимая к идее справедливости, и далее — к идее естественных прав человека.

Г. Кельзена не устраивает, что теория естественного права для анархиста, рассматривающего позитивные правоотношения (отношения собственности, договоры оказания услуг и проч.) как голые властеотношения, а в нормах должностования видящего лишь чистую «фикцию», будет означать попытку формулировки легитимирующей идеологии³. Соответственно, идея естественного права в понимании Г. Кельзена может приобрести радикально-революционный и даже анархистский характер (например, в трактовке Ж.-Ж. Руссо).

Г. Кельзен не отрицает «фактически революционный характер» учения Ж.-Ж. Руссо, но полагает, что оно не может быть приравнено к многовековому основному течению естественного права⁴, решительно отвергая «школьное мнение» о революционности юснатурализма в целом. По-видимому, известный правовед использует такую характеристику в первую очередь для критики юснатуралистских учений, что приводит Г. Кельзена к полному отрицанию естественного права, позиционированию его как бессодержательного идеала.

При обращении к оценкам естественного права со стороны Г. Кельзена поражает, какое множество его работ посвящено анализу юснатуралистских концепций. Этот повышенный интерес требует объяснения. Ученый-юрист с его теорией основной нормы использовал методологию, сравнимую с естественно-правовой. Можно попробовать объяснить факт демонстрации критического отношения Г. Кельзена к юснатурализму боязнью упрека в том, что его основная норма — все же норма естественного права (в его понимании): «...позитивное право представляется как делегированное правом естественным — из природы выводится норма, согласно которой должно повиноваться существующему позитивному праву»; «...само позитивное право в большей или меньшей степени отождествляется с естественным правом, в силу чего конфликт между ними исключается или же сводится к минимуму»⁵.

Может быть, как раз из-за возможных параллелей между учениями об основной норме и о естественном праве (в такой его интерпретации) Г. Кельзен так скептически, с раздражением критикует теории юснатурализма, заранее опровергая своих предполагаемых оппонентов.

Для подтверждения негативной оценки юснатурализма Г. Кельзен использует аргумент о праве на сопротивление⁶. Однако представляется, что названное

³ Кельзен Г. Указ. соч. С. 256.

⁴ Кельзен Г. Указ. соч. С. 274—275.

⁵ Кельзен Г. Указ. соч. С. 527.

⁶ Г. Кельзен под сопротивлением угнетению, скорее всего, понимал насильственные формы его реализации, выраженные коллективным субъектом — народом. Из такого подхода мы будем исходить и далее в настоящей работе, хотя существуют и другие трактовки

право может быть использовано и в качестве контраргумента в поддержку естественного права. Для Г. Кельзена естественное право — учение, которое на протяжении всей своей истории защищало позитивное право, как уже существующее, так и то новое, за установление которого боролись реформаторы и революционеры.

По его мнению, речь идет о догме, по которой естественное право не допускает права на неповиновение⁷ либо допускает его в ограниченном масштабе⁸. То, что ранее естественное право представляло собой консервативную силу, что оно требовало повиновения существующему правителю, обладающему властью в силу естественного, Богом данного порядка, — одна из известных интерпретаций этой доктрины. Тем не менее, по разделяемому нами мнению английского специалиста в области философии права Д. Ллойда, в естественно-правовой доктрине с самого начала не присутствовало ничего такого, что заставляло бы всегда поддерживать существующих монархов и правителей⁹.

Любопытно, как полемизирует Г. Кельзен при рассмотрении права на сопротивление угнетению, которое традиционно причисляют к естественному. При описании революции Г. Кельзен возвращается к категории справедливости. Он пишет, что действенный принудительный порядок может быть несправедливым, однако это не означает, что его не следует признавать действующим. В своих размышлениях юрист ссылается на опыт российской революции, в результате которой к власти пришла «банда гангстеров», что не помешало зарубежным судам со временем смириться и признать принудительный порядок действительным¹⁰.

Успешно реализованное народное сопротивление, по Г. Кельзену, получает легитимацию посредством издания новым правительством закона, фактически амнистирующего насильственные действия революционных сил¹¹. Категория справедливости здесь уходит на второй план.

права на сопротивление (индивидуальное, мирное и др.). Это подтверждение гипотезы о насильственности коллективного сопротивления.

⁷ Словосочетание «право на неповиновение» использует переводчик с немецкого языка на русский, однако, на наш взгляд, этот перевод в данном случае имеет варианты. Г. Кельзен ведет речь о «праве на сопротивление». Разница между обоими понятиями имеет большое значение в исследовании рассматриваемого права. Дело в том, что современные трактовки права на сопротивление предполагают выделение как активных форм реализации (например, бунт), так и пассивных (например, гражданское неповиновение). Таким образом, неповиновение является одним из вариантов реализации права на сопротивление. Предложенный перевод, на наш взгляд, сужает понимание Г. Кельзеном рассматриваемого права, выделяя только пассивную форму. Нашу гипотезу подтверждают английские переводы труда философа, где используется формулировка «right of resistance», а не «right of disobedience». См.: *Kelsen H. What is justice? Justice, Law, and Politics in the mirror of science.* New Jersey : The Lawbook Exchange, 2000. P. 148.

⁸ Кельзен Г. Указ. соч. С. 300.

⁹ Ллойд Д. Идея права М. : ЮГОНА, 2002. С. 95.

¹⁰ Кельзен Г. Указ. соч. С. 67—68.

¹¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 24.



Подобные выводы не мешают Кельзену рассматривать революцию (включающую государственный переворот) как в целом нелегитимный акт. Он пишет, что «с юридической точки зрения совершенно безразлично, произошло ли это изменение правовой ситуации в результате направленного против легитимного правительства насилия или к этому привели действия самих членов правительства, было ли оно осуществлено в результате массового народного движения или небольшой группой людей»¹².

Само собой, подобный подход идет вразрез с классическими представлениями о праве на сопротивление угнетению, согласно которым антиправительственные действия получают легитимацию за счет народной поддержки и в противовес антиправовым (с точки зрения естественного права) действиям руководства государства.

Критика идеи сопротивления угнетению находит наиболее полное отражение у Г. Кельзена в размышлениях о юснатурализме, о соотношении естественного и позитивного права.

Многие исследователи, в числе которых и Г. Кельзен, считают дуализм естественного и позитивного права, характерный для юснатурализма как минимум с Нового времени, типологическим критерием отнесения тех или иных идей к естественно-правовым. В гносеологическом аспекте речь идет о проблематизированном Ж.-Ж. Руссо различии разума и воли, в онтологическом — о различии гражданского общества и политического государства. Субъект гражданского общества желает быть независимым, свободным от произвола государства. Идея индивидуальной свободы (прав человека) становится инновационной в естественно-правовой традиции в условиях смены парадигмы. Эта идея сохраняется в современных интерсубъективных теориях как легитимационный критерий (при всех оговорках) позитивного права.

Возможен вопрос: если естественное право присутствует в самом позитивном праве как справедливость, правильность, то сохраняет ли оно свой критический потенциал? Представляется, что юснатурализм всегда обладал и будет обладать таким потенциалом.

Позитивное право может рассматриваться как действительное или ничтожное (в сравнении с естественным правом) по итогу толкования нормы позитивного права. Субъектом толкования, по Г. Кельзену, может быть либо любой человек, подчиненный позитивному праву, либо авторитет, создающий законы: «В первом случае возникает угроза полной анархии. Во втором случае вероятность принятия решения, по которому данное позитивное право будет признано противоречащим естественному праву, исключена или сведена к минимуму»¹³.

Он приходит к вполне категорически выраженному выводу о юснатурализме. Оказывается, сторонники естественного права отдают должное «авторитету, кому принадлежит учредительная власть в данном позитивном правовом порядке»¹⁴ и который, таким образом, может толковать позитивное право в целях выяснения его соответствия праву естественному. Г. Кельзен при этом ссылается на Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Фому Аквинского. Любопытно, что именно они так или иначе

¹² Кельзен Г. Указ. соч. С. 261.

¹³ Кельзен Г. Указ. соч. С. 531.

¹⁴ Кельзен Г. Указ. соч. С. 532.

упоминают право на сопротивление в своих теориях и частично оправдывают тиранубийство. При этом круг таких теорий гораздо обширнее и не ограничивается вышеперечисленными мыслителями.

Г. Кельзен, вновь ссылаясь на Фому Аквинского, пишет, что «не надлежит повиноваться позитивному праву, противоречащему праву естественному; но это требование оказывается существенно ограниченным за счет того, что оно не должно рассматриваться в качестве обязательного в тех случаях, когда неповиновение позитивному праву влечет гнев властей или опасность»¹⁵. С этим, по Г. Кельзену, и связано негативное отношение юснатуралистов к праву на сопротивление.

Позволим себе не согласиться с такой оценкой. Известно, что право на сопротивление у сторонников юснатурализма во многих случаях безусловно: это право на сопротивление только незаконной власти, только власти, вставшей в крайний произвол. Но в таком случае, разве можно утверждать, что естественное право «служит трону»? Причем неважно, «старому» или «новому». Как пишет Г. Кельзен, естественно-правовое учение, в понимании большинства его представителей, служит для того, чтобы оправдать существующий правопорядок и его основные политические и экономические институты как соответствующие естественному праву. По его мнению, обращение к естественному праву лишь в качестве исключения выполняет революционную или даже реформаторскую функцию, как это было в конце XVIII в. в Америке и во Франции¹⁶. Из этого следует, что философ во многом сводит функцию естественного права к роли служанки действующего «алтаря и трона».

Уже после дискуссионных размышлений о праве на сопротивление Г. Кельзен несколько расширяет роль естественного права. Философ пишет, что, решая вопрос о справедливости позитивного права не в пользу последнего, естественное право признает установленный позитивный правопорядок недействующим. В этом утверждении, на наш взгляд, исследователь вновь указывает на служение «алтарю и трону» — правда, тому, что установится в будущем, когда справедливый с точки зрения естественного права позитивный правопорядок возьмет верх (возможно, в результате свершившейся революции, о чем неоднократно упоминает ученый).

Таким образом, Г. Кельзен отводит естественному праву служебную роль. Обращение к истории становления и развития права на сопротивление позволяет оспорить данную характеристику.

Идея тиранубийства дает о себе знать с древности. Еще Аристотель высказывал сомнения, так ли оправданно насилие по отношению к рабам, взятым в ходе войны, и так ли оправданна терпимость с их стороны. Великий Стагирит дает негативную оценку каждому, кто, будучи во власти, проявляет наглость, корыстолюбие, что ведет в итоге к недовольству населения¹⁷. Чуть позже Цицерон сделает более радикальный вывод: Гай Юлий Цезарь заслужил смерть как тиран, который преступил «все божеские и человеческие законы», ведь «против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу»¹⁸.

¹⁵ Кельзен Г. Указ. соч. С. 532.

¹⁶ Кельзен Г. Указ. соч. С. 525.

¹⁷ Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 384, 530.

¹⁸ Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М. : Мысль, 1975. С. 64, 105.



Фома Аквинский, может, и видит божественную волю в правлении государя, однако не забывает упомянуть, что, раз большинство обладает правом выдвигать царя, то его же может и свергнуть¹⁹. В таком же ключе о необходимости поддержания дружбы с народом заявит позже Н. Макиавелли²⁰.

Г. Гроций высказывался о праве на сопротивление неоднозначно. Государство, хотя и может наложить ограничение на всеобщее право сопротивления в интересах мира и порядка, однако некоторые факты легитимируют бунт: неправая война с нарушением права народов, удержание власти силой без соблюдения соглашений, гарантий и т.д.²¹ Упомяни Г. Кельзен этого философа, он бы наверняка причислил его к противникам народного сопротивления и был бы прав. Но такие рассуждения не отменяют «досадного» допущения Г. Гроцием тираноубийства²², а его обоснование идет в связке с концепцией естественного права.

Г. Кельзен обращается для иллюстрации аргумента о праве на сопротивление к Т. Гоббсу, предтече позитивизма, известному акцентом на праве на самосохранение, что уже вызывает удивление. Г. Кельзен верно отмечает, что Т. Гоббс признает силу позитивного закона и не рассматривает естественное право вне его. Но ведь английский философ является приверженцем идеи, что человек свободен в сопротивлении, если «суверен приказывает человеку... убить, ранить или изувечить себя», или в отношении того, «кто на него покушается»²³. Это некий вариант необходимой обороны, взятой в большем масштабе. Г. Кельзен не замечает этого в своих ссылках на мнение английского мыслителя.

Г. Кельзен обращается также к учению С. Пуфендорфа — сторонника рационалистически истолкованного естественного права, который, однако, отдает предпочтение законодателю в вопросах толкования законов на предмет соответствия естественному праву. С. Пуфендорф упоминается Г. Кельзеном как мыслитель, который не готов дать прямой ответ на вопрос о реализации права на сопротивление угнетению. И тем не менее именно С. Пуфендорф допускает право на восстание, ведь «народу позволительно защищать себя, когда он доведен до крайности несправедливой жестокостью со стороны своего государя»; «как только государь начинает обращаться со своим народом как с врагом, считается, что он освобождает его от клятвы верности себе»²⁴.

¹⁹ *Фома Аквинский*. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.) Л. : Наука, 1990. С. 243.

²⁰ *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М. : Азбука, 2006. С. 34.

²¹ *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права М. : Ладомир, 1994. С. 23.

²² Г. Гроций одним из первых увязывает право на сопротивление угнетению с позитивным законом, ссылаясь на правомерность восстания в случае, если оно было включено в текст закона ранее. Впрочем, это только один из легитимационных признаков восстания. См.: *Гроций Г.* Указ. соч. С. 25.

²³ *Гоббс Т.* Левиафан. М. : Мысль, 1996. С. 150.

²⁴ Цит. по: *Галимова А. Ш.* Право народа на восстание в учениях юристов «школы естественного права» и Ж.-Ж. Руссо // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 44—45.

Это ли не пример приоритета естественного закона над позитивным? Конечно, С. Пуфендорф не уточняет, какие действия может предпринять индивид в случае, если от верховной власти исходит неправомерный с позиций естественного права приказ. Только в крайнем случае, когда властитель не блюдет самые фундаментальные человеческие заповеди и подвергает подданных жестоким преследованиям, когда государственные законы противоречат закону естественному, С. Пуфендорф, скорее, теоретически, чем практически, допускает борьбу граждан против подобной несправедливости, признавая их право на неповиновение власти при особых обстоятельствах.

Дж. Локк, сторонник компромисса, хотя и противник абсолютизма, но отнюдь не революционер, с осторожностью признает, что право на восстание существует. Дж. Локк назовет право на сопротивление народной обязанностью, что оправданно с точки зрения идеи общественного блага (а значит, справедливости)²⁵.

Это ли то служение естественного права «алтарю и трону», на которое постоянно намекает Г. Кельзен? И разве не будет удерживать «в узде» нового правителя потенциальная угроза рецидива народного бунта? Поддержат тираноубийство также Э. Ваттель²⁶ и, разумеется, Ж.-Ж. Руссо. Последний абсолютизирует идею сопротивления через обоснование народного суверенитета, теорию общественного договора²⁷. Не зря философа считают предтечей Французской революции.

Анализ права на сопротивление угнетению показывает, что свержение правителя легитимируется в ряде случаев вопреки позитивному закону. Власть всегда возводит покушение на себя в разряд тяжчайших преступлений, однако несправедливость правления сводит на нет силу позитивного акта. Об этом говорят как юснатуралисты, которые обосновывают тираноубийство соображениями естественно-правового толка (позитивный закон не закон, если покушается на неотъемлемые права), так и «государственники», которые исходят из категорий восстановления общественного порядка и самообороны.

Г. Кельзен указывает, что естественное право сводится к роли «критико-нормативной идеи» и вовсе не может ставить под вопрос действительность позитивного права, а лишь обозначает его как справедливое или нет. В итоге естественное право в формулировках его представителей лишь укрепляет авторитет позитивного, делает вывод мыслитель²⁸.

Между тем именно право на сопротивление — самое яркое доказательство всегда присущего естественному праву критического потенциала, который заключается прежде всего в требовании справедливости права. Для Г. Кельзена неприемлема вера в Бога, Разум, а отсюда — и в естественное право, что обусловлено методологическими релятивистскими основаниями его учения.

Г. Кельзен не мог согласиться с тем, что теория естественного права, берущая начало в «абсолютистских» классических античных, средневековых концепциях, обладает столь серьезным критическим потенциалом в отношении права позитивного. Классический юснатурализм утверждает, что объективность подлинного права состоит в объективности его источников, каковыми выступают Природа или

²⁵ Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 340, 349.

²⁶ Vattel E. The Law of Nations. Indianapolis : Liberty Fund, Inc., 2008. P. 109.

²⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. С. 73, 214, 216.

²⁸ Кельзен Г. Указ. соч. С. 532.



Бог (в зависимости от концепции), тогда как человеческие установления (позитивное право) могут быть субъективны, произвольны, что правитель по своей воле может на свое усмотрение восполнить «писанный Разум».

Право на восстание, родившееся в недрах естественного права, допуская убийство тирана или просто отдаленно ему угрожая, может внушить очередному правителю страх перед народным гневом и в связи с этим боязнь узурпировать власть.

«Жизнь постоянно меняется, а с нею должно меняться и право»²⁹. Правитель (единоличный или коллегиальный) вынужден с этим считаться, и даже гипотетическая опасность народного восстания выступает неким гарантом соблюдения «правил игры» властью. Право на сопротивление, используя в некоторых случаях и инструменты анархии, в конечном счете служит справедливому, правильному порядку, а не любой действующей или становящейся власти. То же стремление к справедливости, составляющей содержание естественного закона, диктует и естественное право.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
2. *Галимова А. Ш.* Право народа на восстание в учениях юристов «школы естественного права» и Ж.-Ж. Руссо // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 2. — С. 43—49.
3. *Гоббс Т.* Левиафан. — М. : Мысль, 1996. — 480 с.
4. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. — М. : Ладомир, 1994. — 868 с.
5. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. — СПб. : Алеф-пресс, 2015. — 704 с.
6. *Ллойд Д.* Идея права. — М. : Югона, 2002. — 416 с.
7. *Локк Дж.* Сочинения : в 3 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.
8. *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. — М. : Азбука, 2006. — 272 с.
9. *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 261—263.
10. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. — М. : Наука, 1969. — 704 с.
11. *Фома Аквинский.* О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). — Л. : Наука, 1990. — 243 с.
12. *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М. : Наука, 1975. — 245 с.
13. *Kelsen H.* What is justice? Justice, Law, and Politics in the mirror of science. — New Jersey : The Lawbook Exchange, 2000. — 397 p.
14. *Vattel E.* The Law of Nations. — Indianapolis : Liberty Fund, Inc., 2008. — 868 p.

²⁹ *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Предисловие // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 263.

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА¹

Аннотация. Этноконфессиональные факторы играли далеко не главную роль при формулировании первых федераций. Однако их значение возрастает в XX в. и особенно в эпоху глобализации. Опыт Швейцарии и Германии говорит о значении конкуренции между конфессиями. Канада демонстрирует негативные последствия этнического дуализма, а Индия показывает возможности этнолингвистического размежевания в условиях особо высокой мультиэтничности. Вряд ли при этих обстоятельствах имело бы смысл планировать преобразование многонациональной Российской Федерации по чисто территориально-административному принципу.

Ключевые слова: государство, право, власть, зарубежный опыт, федерализм, этнос, этнофедерализм, этнический федерализм.



Алексей Юрьевич САЛОМАТИН,
заведующий кафедрой
теории государства и
права и политологии
Пензенского
государственного
университета,
член-корреспондент
Международной академии
сравнительного права,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук,
профессор
valeriya_zinovev@mail.ru
440026, Россия, г. Пенза,
ул. Красная, д. 40

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.207-212

ALEKSEJ Y. SALOMATIN,

Head, Department of theory of state and law and political science
of the Penza State University;

Corresponding Member, International Academy of Comparative Law,
Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (History), Professor
valeriya_zinovev@mail.ru

40, ul. Krasnaya, Penza, Russia, 440026

THE IMPORTANCE OF ETHNO-CONFESSIONAL FACTORS FOR THE STUDY OF FEDERALISM

Abstract. Ethno-confessional factors played far from the main role in the formulation of the first federations. However, their importance increases in the XX century and especially in the era of globalization. The experience of Switzerland and Germany speaks of the importance of competition between faiths. Canada demonstrates the negative effects of ethnic dualism, while India shows the possibility of ethno-linguistic demarcation in conditions of particularly high multi-ethnicity. Under these circumstances, it would hardly make sense to plan the transformation of the multinational Russian Federation according to a purely territorial-administrative principle.

Keywords: state, law, power, foreign experience, federalism, ethnicity, ethno-federalism, ethnic federalism.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00341).

Первые федеративные государства стали образовываться с конца XVIII в. не на европейском континенте, а вдали от него, на чисто территориально-административной основе. Для этих переселенческих моделей федерализма на первых этапах развития, при наличии огромных массивов земель, низкой плотности населения, как правило, не существовало конкуренции между этносами и религиями. Этноконфессиональное соперничество было присуще в большей мере перенаселенной и обремененной конфликтами старой доброй Европе, где первые федерации — Швейцария и Германия — возникли не без влияния религиозных споров.

В Швейцарии поводом для создания слабоцентрализованного государства было желание буржуазных либералов-протестантов предотвратить выход пяти католических кантонов из конфедеративного союза. Опасность положения заключалась в примерном равенстве сил противоборствующих сторон: в Швейцарии проживало примерно 60 % протестантов и 40 % католиков. Причем в половине кантонов они были перемешаны почти в одинаковых пропорциях². Радикалы-протестанты явно хотели войны³, они одержали быструю победу над католиками-консерваторами, но не могли преступить многовековые кантонально-общинные традиции и создать высокоцентрализованную федерацию.

Швейцария за полтора века своего существования сохранила свою прежнюю этнолингвистическую архитектуру, основанную на двух ведущих (немецкий, французский) и двух менее распространенных (итальянский, ретороманский) языках. Осталась в целом прежней и дуалистическая конфессиональная структура (42 % католиков и 33 % протестантов). Однако исчезла былая религиозная конфликтность благодаря разумной приверженности правам кантонов. Отношения между религиозными общинами и государством определяются кантональными конституциями, но свободу вероисповедения гарантирует федеральная Конституция, что обеспечивает гармонию в государстве⁴.

Как и в Швейцарии, в Германии взаимные религиозные предубеждения между католиками и протестантами, процветавшие в XVI—XVII вв. и вылившиеся в разрушительную Тридцатилетнюю войну, в середине XIX в. все еще сохранялись — правда, в ослабленном виде. Но особенностью ситуации, в отличие от Швейцарии, был моноэтничный состав германских земель, сохранивших конфедеративную раздробленность вначале в рамках Священной Римской империи германской нации, а затем Германского Союза. При этом между германскими монархиями была четкая религиозная дифференциация, поскольку вероисповедание своих подданных еще со времен Аугсбургского религиозного мира 1555 г. фактически определял монарх, а все несогласные получали право на эмиграцию⁵.

² Мижурев П. Г. Главные федерации современного мира. СПб., 1907. С. 78—79.

³ Рейхардт Ф. История Швейцарии. М. : Весь мир, 2013. С. 106.

⁴ Саломатин А. Ю., Корякина А. С. Швейцария и Индия как полярные модели этнического федерализма (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 158.

⁵ Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555—1648. СПб. : Гуманитарная Академия, 2002. С 52—53.

В германских землях соотношение между католиками (36 %) и протестантами (62 % населения) в последней трети XIX в. было примерно таким же, как и в Швейцарии.

Строителю Германской империи прусскому канцлеру О. Бисмарку пришлось учитывать негативное мнение католического духовенства, элит и народных масс южногерманских государств по поводу милитаристской протестантской Пруссии⁶ и пойти на некие символические уступки. Однако терпеть политическую консолидацию католиков и католического духовенства вокруг партии Центра он не стал и развернул безуспешную борьбу с противниками в виде ограничительных мер против религиозных институтов⁷. С тех пор католические партийные организации стали неизменной частью политического ландшафта, а в германском федеративном государстве между двумя конфессиями установились мирные, конструктивные взаимоотношения.

В настоящее время католиков чуть больше, чем протестантов (37 % против 35 %) при значительном числе атеистов — особенно на территории бывшей ГДР. При этом провоцирующим стабильность федерации фактором являются не религиозные конфессии, а иммигранты из исламских стран.

Примечательно, что в середине XIX в. этнический фактор дал о себе знать даже в Новом Свете, когда исторически на одни и те же территории претендовали два европейских государства — Великобритания и Франция, представлявшие разные этносы. В борьбе колониальных держав за Канаду победили англичане, но они никуда не могли переселить уже обосновавшихся французских колонистов. Возник феномен относительно замкнутого и проигрышного в хозяйственном отношении франкоканадского анклава в провинции Нижняя Канада (Квебек), которому противостояли быстро растущие англоканадские колонии.

Впрочем, на основе согласия между лидерами англоканадцев и франкоканадцев при более чем прохладном отношении приморских провинций⁸ удалось сформировать в 1867 г. Канаду как британский доминион в форме федерации. Акт о Британской Северной Америке содержал некоторые упоминания об особом статусе франко-канадцев. Так, ст. 94 делала исключение в отношении единообразия гражданского законодательства для Квебека. Ст. 133 допускала в палатах общенационального парламента и палатах законодательного органа Квебека употребление в прениях французского или английского языков. Ст. 93 ограничивала в определенной степени возможные гонения на католические школы франко-канадцев⁹.

Квебек, чье экономическое и демографическое значение в XX в. падало, в 1960-е гг., выдвигая экономические¹⁰ и политические сепаратистские требования к

⁶ Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М. : Наука, 1977. С. 82—83.

⁷ Власов Н. Великий Бисмарк. «Железом и кровью». М. : Яуза ; Эксмо, 2011. С. 356—364.

⁸ Райерсон С. Б. Неравный союз. История Канады, 1815—1873. М., 1970. С. 278—281, 304.

⁹ Silver A. I. The French-Canadian Idea of Confederation. 1864—1900. Toronto, 1982. P. 16.

¹⁰ Bourgault J. Quebec's Role in Canadian Federal-Provincial Relations. McGill-Queen's Univ. Press, 2004. P. 34.

федеральному центру¹¹, по сути дела, подавал недолжный пример другим, прежде всего богатым западным провинциям¹². К счастью, канадское общество нашло в себе силы предотвратить дальнейшую децентрализацию, а силы сепаратизма в самом Квебеке в последние 15–20 лет находятся в меньшинстве¹³.

Значение этнолингвистических факторов резко возрастает в XX в. Множатся примеры националистических выступлений и кризисов многонациональных государств. Крах Австро-Венгерской монархии в 1918 г., реформирование Российской империи в связи с падением самодержавия, образование Королевства сербов, хорватов и словенцев как малоэффективной межэтнической государственной комбинации на Балканах. После Второй мировой войны ситуация еще более усложняется. «По некоторым оценкам, 70 % из более чем 20 млн погибших после 1945 г. в различных войнах и восстаниях стали жертвами насилия на этнической почве...»¹⁴.

Индия с ее беспрецедентной мультиэтничностью (свыше 1 000 языков и наречий) стала наиболее ярким примером формирования и перестройки федеративных отношений на этнолингвистической основе. Формально первоначальная схема территориально-административного деления стала во многом наследием британского колониального прошлого. Индийская Республика была поделена на штаты четырех категорий в зависимости от степени самостоятельности от федерального центра. Однако уже через несколько лет «по всей стране разгорелась борьба за то, чтобы переписать карту Индии по языковому принципу. Говорившие на маратхи, пенджаби, гуджарати, тамильском, пелугу — все требовали создания собственных штатов. В довершение говорившие на хинди все громче требовали признать его официальным взамен английского»¹⁵.

Власти были вынуждены уступить общественному давлению. Границы между штатами были проведены таким образом, чтобы в каждом субъекте в качестве доминирующего фигурировали один или несколько языков. В последующие годы преобразования продолжались, теперь они касались не западных и южных регионов, а менее развитого северо-востока, который находится на периферии индуистской цивилизации и относится к тибето-бирманской языковой группе¹⁶.

Третья волна территориальных изменений прокатилась в начале XXI в. и была связана с претензиями этносов, за которыми стояли не лингвистические, а социально-экономические соображения. В будущем властями допускается в целях удовлетворения чаяний различных национально-этнических групп учредить

¹¹ Coleman W. D. The Independence Movement in Quebec. 1945—1980. Toronto, 1984. P. 219, 221—222.

¹² Busted J. M. The Peoples of Canada. A Post-Confederation History. Oxford, 2004. P. 505.

¹³ Солянова М. Квебек в федеративной модели Канады: современный этап // США & Канада. Экономика — политика — культура. 2019. № 10. С. 102—105.

¹⁴ Нарочницкая Е. А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 4.

¹⁵ Таммита-Дельгода С. Индия. История страны. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. С. 269—270.

¹⁶ Гамуллин М. З., Ягудин Б. М. Становление федеративной системы постколониальной Индии (50—70-е гг. XX в.). Казань, 2015. С. 194.

до 20 новых штатов¹⁷, что, возможно, снизит риски сепаратизма за счет формирования менее самодостаточных субъектов. Но улучшит ли это управляемость федерации?

Наша Родина долгое время была единственной федерацией, которая не маскировала этнические факторы территориально-административным принципом ее построения. И это было честно и правильно.

Было бы политически нецелесообразным, видя то, как актуализируются в нынешнем столетии этноконфессиональные отношения¹⁸, стремиться перевести искусственно российский федерализм в плоскость только территориально-административного деления. Явно поспешной абсолютизацией является утверждение, что «появление и существование “этнических” или “национальных” субъектов федерации становится фактором, рано или поздно дестабилизирующим любую федерацию»¹⁹.

Следует иметь в виду, что длительность и успешность любой федерации зависит не от одной какой-то причины, а от множества факторов, сущностных характеристик и этапов развития федерализма — словом, от всего того, что составляет модель федерализма²⁰. В то же время в эпоху глобализации этноконфессиональные противоречия обостряются, и это обстоятельство нельзя не учитывать в государственном строительстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Власов Н.* Великий Бисмарк. «Железом и кровью». — М. : Яуза ; Эксмо, 2011. — 650 с.
2. *Галиуллин М. З., Ягудин Б. М.* Становление федеративной системы постколониальной Индии (50—70-е гг. XX в.). — Казань : Intelpress+, 2015. — 256 с.
3. *Гуляков А. Д.* Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании // Правовая политика и правовая жизнь. — 2016. — № 1. — С. 37—41.
4. *Ившина И. Н.* Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 328 с.
5. *Мижухев П. Г.* Главные федерации современного мира. — СПб., 1907. — 252 с.
6. *Нарочницкая Е. А.* Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). — М. : ИНИОН РАН, 2000. — 96 с.

¹⁷ Этничность. Культура. Государственность : Проблема этнического федерализма в XXI в. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2014. С. 135—136.

¹⁸ *Саломатин А. Ю., Наквакина Е. В.* Этнический федерализм в условиях глобальной нестабильности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 22—27.

¹⁹ *Ившина И. Н.* Создание федеративного государства: сравнительно-правовое исследование. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 55.

²⁰ *Гуляков А. Д.* Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 37.

7. *Оболенская С. В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. — М. : Наука, 1977. — 336 с.
8. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555—1648. — СПб. : Гуманитарная академия, 2002. — 382 с.
9. *Райерсон С. Б.* Неравный союз. История Канады, 1815—1873. — М. : Прогресс, 1970. — 398 с.
10. *Рейхардт Ф.* История Швейцарии. — М. : Весь мир, 2013. — 142 с.
11. *Саломатин А. Ю., Корякина А. С.* Швейцария и Индия как полярные модели этнического федерализма (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 4. — С. 155—162.
12. *Саломатин А. Ю., Наквакина Е. В.* Этнический федерализм в условиях глобальной нестабильности // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2020. — № 1. — С. 22—27.
13. *Таммита-Дельгода С.* Индия. История страны. М. : Эксмо; СПб: «Мидгард», 2007. 352 с.
14. Этничность. Культура. Государственность. Проблема этнического федерализма в XXI в. — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2014. — 183 с.
15. *Silver A. I.* The French-Canadian Idea of Confederation. 1864—1900. — Toronto, 1982. — 257 p.

ПОНЯТИЕ «БОГ» В ЮРИДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Аннотация. В статье рассматривается юридико-антропологический взгляд на понятие «бог» и роли института церкви в конституционной и государственно-правовой системе России. Современное политико-государственное пространство немыслимо без роли религиозных организаций, ставших неотъемлемой частью гражданского общества. Исследование посвящено государственной политике России в вопросах религии, взаимодействию церковной и светской властей на основе анализа конституционного законодательства. Констатируется сохранение традиционных отношений в правосознании и правовой культуре России, восстановлении юридической конструкции о роли божественного начала в построении и развитии государственности.
Ключевые слова: бог, церковь, светское государство, свобода совести, гражданское общество, юридическая антропология.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.213-218



**Сусанна Джамилевна
БАГДАСАРЯН,**

профессор кафедры
теории права и
государственно-правовых
дисциплин Международного
юридического института,
доктор исторических наук,
доцент

bsd73@mail.ru

127427, Россия, г. Москва,
ул. Кашенкин Луг, д. 4

SUSANNA D. BAGDASARYAN,

Professor, Department of theory of law and state legal disciplines
of the International Law Institute,

Dr. Sci. (History), Professor

bsd73@mail.ru

4, ul. Kashenkin Lug, Moscow, Russia, 127427

THE CONCEPT OF “GOD” IN LEGAL ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article deals with the legal and anthropological view of the concept of “god” and the role of the institution of the church in the constitutional and state-legal system of Russia. The modern political and state space is unthinkable without the role of religious organizations, which have become an integral part of civil society. The study is devoted to the state policy of Russia in matters of religion, the interaction of the church and secular authorities based on the analysis of constitutional legislation. The article states the preservation of traditional relations in the legal consciousness and legal culture of Russia, the restoration of the legal structure about the role of the divine principle in the construction and development of statehood.

Keywords: God, Church, secular state, freedom of conscience, civil society, legal anthropology.

Развитие доктрины светского государства открыло научную дискуссию о роли церкви и сущности употребления понятия «бог» в политической и государственно-правовой системах. О. А. Пучков¹ в диссертационной работе и последующих публикациях, посвященных эволюции юридической антропологии в России, поднял проблему сохранения традиционных форм влияния божественного начала в правовой культуре современного человека.

В исследовании А. В. Еремина² подчеркивается, что влияние церкви на современное общество есть следствие традиций и культурных связей, дань историческому контексту, в рамках которого развивалась государственная форма. В работах И. В. Катина³ и М. А. Шестапалова⁴ затронут вопрос о переосмыслении подходов к выделению типов взаимодействия институтов государства и церкви в исторической и правовой перспективе.

Вновь открывшаяся научная полемика стала следствием признания, что церковь активно влилась в новое информационное пространство и стала частью культурной парадигмы человека настоящего времени. Такие публикации позволяют подчеркнуть, что светская форма государственного состояния признает роль культурного и идеологического влияния религии на культурную идентичность любого народа.

Следовательно, подчеркивают в своей работе В. А. Зверева и Е. В. Белогубова, конфессии⁵ продолжают формировать нравственные представления народа, его правовую культуру, менталитет и правосознание.

Рассмотрим модели соотношения церковной организации и государства как института, оформляющего правовой статус церкви и религии в юридино-антропологическом разрезе. Отечественная наука, анализируя эволюцию церкви и государства как социальных институтов, придерживается исторической классификации, которая сложилась в ходе общественных изменений.

Первая модель складывалась в период становления древних цивилизаций и признается старейшей с времен оформления первых государственных форм, когда церковь становилась частью государственной и правовой системы, а правовые нормы носили религиозное значение. Такое взаимодействие можно выстроить в следующих формах:

— цезаропапизм как единство верховной светской и духовной власти (окончательное доктринальное оформление получила в римской политической мысли);

¹ Пучков О. А. Роль антропологического знания в оценке правовых теорий // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. 2011. № 2. С. 119—122.

² Еремин А. В. Историко-культурный дискурс государственно-церковного взаимодействия на рубеже XX—XXI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 75—78.

³ Катин В. И. Типология взаимоотношений церкви и государства // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 181—185.

⁴ Шестапалов М. А. К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Юридические науки. 2015. № 2 (18). С. 101—105.

⁵ Зверева В. А., Белогубова Е. В. Диалектика государственно-конфессиональных отношений в России: историко-культурный аспект // Власть. 2016. № 3. С. 97—100.

— папоцезаризм, когда глава церкви осуществлял политико-государственное управление⁶ (классическое существование в православной культуре и политической модели Византийской и Российской империи).

Вторая модель в научном дискурсе представлена положением о государственной церкви или государственной церковности⁷. При данной форме институт церкви получает правовое закрепление привилегированного положения в политической и государственной структуре. При этом церковь пользуется правом государственного финансирования, участия в образовательном процессе (преподавание предмета «Слово Божие»); приняты признание юридической действительности браков, заключаемых в церкви; использование символики государственной церкви в нормативных правовых актах, различных документах, церемониях, в государственных учреждениях.

Обратной стороной этих привилегий, однако, является участие государственных инстанций в делах внутри церковного управления вплоть до возможного присвоения монарху статуса главы церкви. Такая модель зачастую создает проблемы канонического характера, например, возникает вопрос о правомерности участия светской власти в церковном законодательстве.

Что касается оформления данной модели в России, то следует отметить важный нормативный правовой документ: «В 1797 г. император Павел издал “Акт о наследовании Всероссийского Императорского Престола”. Он утвердил порядок перехода высшей государственной власти, и, что явилось важнейшим фактором для РПЦ и ее положения в России, невозможность восшествия на престол лица, не принадлежащего к Православной церкви»⁸.

В остальных чертах модель государственной церковности сформировалась в Российской империи на основании слияния церкви и государства гораздо раньше. Можно сделать вывод, что в таком случае государство порождает или уже подразумевает существование модели государственной церкви.

Третья модель представлена современными демократическими государствами в форме закрепления отделения института церкви от государства и образовательных организаций. Эта юридическая и политическая парадигма⁹ закрепляет конституционно во многих странах свободу совести (вероисповедания). В истории Российской государственности такая форма была реализована в соответствии с теорией построения будущего коммунистического общества первой советской Конституцией РСФСР 1918 г. в ст. 13, далее подтверждалась основными законами в рамках преемственности (ст. 4. Конституции РСФСР 1925 г., ст. 128. Конституции РСФСР 1937 г., ст. 44 Конституции РСФСР 1978 г.).

⁶ Камалова А. А. Взаимодействие государства и Русской православной церкви в дореволюционной России // Вестник МГОУ. 2018. № 4. С. 55—68.

⁷ Бруггер В. Разделение, равноправие, близость: три модели отношений государства и церкви // Религиоведение. 2009. № 4. С. 135—143.

⁸ Шайрян Г. П. Законодательное регулирование престолонаследия в Российской империи (конец XVIII — начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 367 с.

⁹ Штекль К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 3. С. 195—223.



С выходом России из состава СССР в ст. 14 Основного закона, принятого всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., была декларирована светская модель и отделение церкви от государства, в ст. 28 — свобода совести и право выбора духовного ориентира. Конституционная реформа 2020 г. привела к внесению новой статьи — 67.1 с указанием «Бога» как историко-культурного транслятора единства российского народа, что открывает новую полемику о трактовках и соотношениях понятий «светское государство» и «церковь». Возможно ли вообще, чтобы конституция воспринималась в сакрализованном виде по аналогии с библейским законом как договор избранного народа?¹⁰

Религиозные объединения, став частью нового гражданского общества, вынуждены использовать культурную и юридическую формулу наибольшей дистанции между государством как политическим институтом и различными конфессиями¹¹. Это положение закреплено в действующем национальном законодательстве Российской Федерации с предоставлением церковным институтам различных конфессий прав на регистрацию своего объединения в виде группы или организации, на ведение некоммерческой деятельности, организацию фондов, проведение культурных мероприятий и т.д.

При этом пунктом 3 ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» вводится норма оказания различных форм помощи со стороны государства на сохранение культурных религиозных объектов, прав на льготное налоговое обложение и бюджетное финансирование, ведения педагогической деятельности по подготовке профессиональных кадров. Статья 5 Закона предоставляет права на создание религиозных образовательных организаций и преподавание в них теологии. Модель рассматривает институты государства и церкви как действующие в рамках закона и правопорядка¹²: Церковь как участник гражданского общества становится активным участником общественной жизни¹³.

В теоретическом аспекте данная модель должна максимально обеспечивать свободу выбора религиозных или атеистических учений, свободу конфессий от государственного регламентирования; при этом в стране не возникает вопроса о равноправии религиозных организаций в связи с их одинаковой отстраненностью от государства и фактическим юридическим равноправием, так как государственная власть законодательно гарантирует реализацию прав общественных институтов¹⁴.

¹⁰ *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 27.

¹¹ *Стругова Е. В., Ханахмедова Л. В.* Взаимодействие государства и Церкви в России: историко-теоретический аспект // Юрист-правовед. 2017. № 2 (81). С. 15—21.

¹² *Гартина Ю. А., Гудилин Д. С.* Правовое положение Русской православной церкви как некоммерческой организации // Наука. Общество. Государство. 2019. № 1 (25). С. 113—120.

¹³ *Долгушина С. В.* Принципы взаимосвязи правовой и религиозной форм общественной жизни // История государства и права. 2010. № 4. С. 22—25.

¹⁴ *Багдасарян С. Д.* Место церкви в государственно-правовой системе России // Актуальные вопросы развития современного российского публичного права : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2020. С. 19—22.

Генезис государственности в мировой цивилизации неотделим от роли церкви и бога как духовного фактора и морально-нравственного регулятора для правосознания¹⁵ индивидуума. XX век научно-технологических изменений и социальных революций не поколебал позиций религии, церкви и божественного начала в осознании роли этих категорий, даже наоборот — необходимо констатировать на евроазиатском пространстве, в арабо-мусульманском мире определенный ренессанс консервативных религиозных теорий, а распад Советского государства привел к восстановлению позиций Русской православной церкви и иных конфессий в России в начале 1990-х гг., возвращению церковной собственности и материально-культурных ценностей религиозным организациям¹⁶.

Исторический дискурс о модели государственного и церковного взаимодействия идет в обществе десятки столетий, с времен античной философии и зарождения научной мысли. С учетом данного аспекта сложилось определение моделей взаимосвязи этих институтов через оценку влияния на общественную систему. Только детальное изучение позволит выстроить систему гармоничной и взаимодополняющей связи государства и церкви, что благоприятно скажется на развитии гражданского общества в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Багдасарян С. Д. Место церкви в государственно-правовой системе России // Актуальные вопросы развития современного российского публичного права : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону, 2020. — С. 19—22.
2. Бруггер В. Разделение, равноправие, близость. Три модели отношений государства и церкви // Религиоведение. — 2009. — № 4. — С. 135—143.
3. Гартина Ю. А., Гудилин Д. С. Правовое положение Русской православной церкви как некоммерческой организации // Наука. Общество. Государство. — 2019. — № 1 (25). — С. 113—120.
4. Долгушина С. В. Принципы взаимосвязи правовой и религиозной форм общественной жизни // История государства и права. — 2010. — № 4. — С. 22—25.
5. Еремин А. В. Историко-культурный дискурс государственно-церковного взаимодействия на рубеже XX—XXI в. // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 4. С. 75—78.
6. Зверева В. А., Белогубова Е. В. Диалектика государственно-конфессиональных отношений в России: историко-культурный аспект // Власть. — 2016. — № 3. — С. 97—100.

¹⁵ Матвеева Е. С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 90—96.

¹⁶ Кузнецов В. А. Цивилизационный подход к изучению государственно-конфессиональных отношений в современной России (на примере Русской православной церкви) // Человеческий капитал. 2014. № 1 (61). С. 41—46.

7. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
8. *Камалова А. А.* Взаимодействие государства и Русской православной церкви в дореволюционной России // Вестник МГОУ. — 2018. — № 4. — С. 55—68.
9. *Катин В. И.* Типология взаимоотношений церкви и государства // Известия Иркутского государственного университета. — Серия : Политология. Религиоведение. — 2015. — Т. 13. С. 181—185.
10. *Кузнецов В. А.* Цивилизационный подход к изучению государственно-конфессиональных отношений в современной России (на примере Русской православной церкви) // Человеческий капитал. — 2014. — № 1 (61). — С. 41—46.
11. *Матвеева Е. С.* Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России // Ученые записки Орловского государственного университета. — Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 1. — С. 90—96.
12. *Пучков О. А.* Роль антропологического знания в оценке правовых теорий // Вестник Удмуртского университета. — Серия : Экономика и право. — 2011. — № 2. — С. 119—122.
13. *Стругова Е. В., Ханахмедова Л. В.* Взаимодействие государства и Церкви в России: историко-теоретический аспект // Юрист-правовед. — 2017. — № 2 (81). — С. 15—21.
14. *Шайрян Г. П.* Законодательное регулирование престолонаследия в Российской империи (конец XVIII — начало XX в.) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 367 с.
15. *Шестопапов М. А.* К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. — Серия : Юридические науки. — 2015. — № 2 (18). — С. 101—105.
16. *Штекль К.* Три модели церковно-государственных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2018. — Т. 36. — № 3. — С. 195—223.

САМОУПРАВЛЕНИЕ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению самоуправления в дореволюционной России, его теоретическому осмыслению и представлениям о нем российских ученых. Исследуются виды и формы самоуправления. Рассматриваются общественная и государственная теории самоуправления, освещены основные утверждения их сторонников. Рассмотрена исторически первая форма самоуправления — вечевое собрание, характерное для того времени, когда самоуправление обладало широким объемом полномочий, централизация власти и ослабление самоуправления, присущие периоду Московского княжества. Проанализированы реформа самоуправления, проведенная Иваном Грозным, сословно-представительный характер самоуправления в период его правления; административно-территориальное деление Петра I и система магистратов; система сословного местного самоуправления во главе с дворянством при Екатерине II; затронувшая государственных крестьян реформа местного самоуправления Александра I; отмена крепостного права в 1861 г. во времена правления Александра II и, наконец, земская 1864 г. и городская 1870 г. реформы П. А. Столыпина с введением куриальной системы.
Ключевые слова: история государства и права, государство, право, самоуправление, местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, общинное самоуправление, община, вече, земство.



Екатерина Алексеевна БРАТЦЕВА,
соискатель Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
brattseva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.219-224

EKATERINA A. BRATTSEVA,

Applicant, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

brattseva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

SELF-GOVERNMENT IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)

Abstract. The article is devoted to the community self-government in pre-revolutionary Russia, its theoretical reasoning and its understanding Russian scientists. The types and forms of self-government are studied. The social and state theories of self-government are considered, the main statements of their supporters are highlighted. Historically, the first form of self — government is considered-the veche assembly, characteristic of the time when self-government had a wide range of powers. Centralization of power and weakening of self-government, inherent in the period of the Moscow Principality.

© Е. А. Братцева, 2021

The article considers the reform of self-government carried out by Ivan the Terrible (Ivan IV), the class-representative nature of self-government during his reign; the administrative-territorial division of Peter I and the system of magistrates; the system of class-based local self-government headed by the nobility under Catherine II; the reform of local self-government of Alexander I that affected the state peasants; the abolition of serfdom in 1861.

Keywords: *history of state and law, state, law, self-government, local self-government, territorial public self-government, community self-government, community, veche, zemstvo.*

Российский опыт становления самоуправления вызывает достаточно большой научный интерес в части моделей и форм общественного самоуправления, которые исследуют современные авторы. Цифровые технологии актуализируют данную проблематику, позволяя «создать информационную область размещения обращений государственных органов, органов местного самоуправления»¹.

Работы А. И. Чвикалова посвящены исследованию дворянского самоуправления, анализ земского и городского самоуправления в дореволюционной России проводит В. И. Фадеев. Исторические аналогии современным формам самоуправления отмечает В. В. Комарова, соборность и общинность в развитии местного самоуправления исследует Н. С. Тимофеев, В. И. Фадеев идеи соборности видит и в развитии народного представительства.

Становление местного самоуправления в России имеет ряд предпосылок, связанных с земледелием, скотоводством, различными промыслами. Исторически первая форма самоуправления — вечевое собрание — берет свое начало в городах Новгород и Псков. В исторических документах можно найти замечания еще византийских историков, которые говорили, что славяне «не управляются одним лицом, но издавна живут при народовластии»².

Вечевые собрания существовали не только на уровне города, но и на уровне «концов» (районов города) и улиц. Район города зачастую включал в себя и пригородную территорию, а те, в свою очередь, и близлежащие села. Такая система характеризовалась вертикальной подчиненностью небольших вечевых собраний более крупным³. Общественное самоуправление того периода можно характеризовать широким объемом полномочий. Так, в Древней Руси князь не обладал правом объявления войны. В Киеве население вынудило князя Святослава отказаться от походов в Дунайскую Булгарию⁴.

¹ Першин А. Н. Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 110.

² Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М. : Книга, 1990. С. 334.

³ Буров А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. М., 2000. С. 20.

⁴ Постовой Н. В. Местное самоуправление: история, теория, практика. М. : Реклам.-изд. центр «Федоров», 1995. С. 13.

О вече, о форме непосредственной демократии следует говорить как о форме участия населения в управлении делами. В. В. Комарова видит в вече прародителя современного института референдума⁵. Появление форм представительной демократии видится в участии на вечевом собрании города не всех жителей города, а представителей от иных вечевых собраний. К полномочиям более мелких вечевых собраний относилось решение вопросов местного значения: обустройства улицы, организации сбора податей, обработки общественной земли и др. Все решения, принимаемые на таких вечевых собраниях, не должны были идти вразрез с общей политикой города. Решать все эти задачи общине позволяло наличие своей материальной базы — общинного имущества.

Новым этапом развития самоуправления можно назвать вторую половину XI в., этот этап характеризуется появлением вотчин частного характера. В условиях сосредоточения всей власти в руках князя в монголо-татарский период земщина, местное население все меньше принимают участие в местных делах. К моменту восстановления суверенитета русских княжеств значение земщины сократилось во много раз, за ней оставалось лишь право распределения податей⁶.

К концу монголо-татарского завоевания институт самоуправления отчасти сохранился в Новгороде и Пскове. Сельская община утратила свой статус основополагающего элемента самоуправления в русских землях, попав под влияние центральной власти.

Начиная с XV в. центральная власть стремится ликвидировать удельные княжества, что приводит к жесткой централизации власти в Московском княжестве. Самоуправление существовало лишь в местах, где центральная власть по ряду причин не могла быть осуществлена надлежащим образом. Самоуправление в общине свелось к распределению земли и налоговых податей; взаимодействию с помещиками. Структура крестьянской общины была нацелена на ограничение любой инициативы, свободы, прогресса и социально-экономического развития⁷.

Систему местного самоуправления в этот период возглавляли наместники — представители княжеской власти, они предоставляли местному населению право самостоятельного решения ряда вопросов. В данный период собирались мирские сходы, которые решали наиболее важные местные вопросы. Постепенно эта система была ликвидирована. В 1549 г., в период правления Глинских, центральной властью вводятся губные и земские избы. Созданы губные округа, охватывавшие уезд. На общем собрании уезда избирался губной староста, который формировал губную избу из целовальников и ведавшего документооборотом дьяка.

Иван Грозный своим указом «Приговор царской о кормлениях и о службе» на землях, где отсутствовала помещичья власть, предоставил местному населению отдельные права самоуправления. Население на местах имело право избирать судей, целовальников, а также старост. Стремления Ивана Грозного не послужили созданию единой системы местных органов, но проведенные

⁵ Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России : учебное пособие. М. : Проспект, 2011. С. 32.

⁶ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М. : Институт русской цивилизации, 2011. С. 243.

⁷ Валишевский К. Ф. Иван Грозный. М. : Икпа, 1989. С. 61.



реформы придали местному самоуправлению в тот период сословно-представительный характер.

Отметим правление Федора Алексеевича (1676—1682), который ввел должность воеводы, что можно расценивать как период контрреформ. Здесь следует сказать о создании системы земских учреждений, лаконично встроенных в приказную систему. Общественное самоуправление в данный период представлено лишь казачеством, которое формируется в XVI в. и представляет собой симбиоз общины и военной системы управления. Роль высшего органа самоуправления осуществлял военный круг. Своего рода военно-демократическое самоуправление можно было наблюдать в запорожских землях.

Петр I осуществил административно-территориальные преобразования. В 1699 г. в городах учреждена выборная должность бургомистра, который образовывал палаты бургомистра с основной функцией сбора местных податей и управления делами в городе. В 1720 г. эти учреждения были преобразованы в магистраты, они представляли собой сословные выборные органы местного самоуправления с широким кругом полномочий в различных сферах городского общества. Избрание магистратов происходило на посадских сходах. Всю систему возглавлял Главный магистрат.

Местное самоуправление во время Екатерины II нашло отражение в таких правовых актах, как Учреждение о губерниях 1775 г., Жалованная грамота дворянству 1785 г. и Грамота на права и выгоды городов 1785 г. Была создана возглавляемая дворянством система сословного местного самоуправления, которую составляли губернские магистраты и магистраты городов.

Законодательно было закреплено понятие «городское общество», которое делилось на шесть курий; органы городского самоуправления выбирались независимо от сословий⁸. К таким органам относилось городское собрание, избиравшееся из городских обывателей с большим доходом и недвижимостью в собственности. Обыватели избирали общую городскую думу и шестиглавую думу — постоянно действующий исполнительный орган в городе, наделявшуюся большим объемом полномочий. Однако фактически управление в городе осуществлялось все же государственной властью, состоявшей из дворянского сословия.

Проведенная Александром I реформа местного самоуправления 1838 г. затронула государственных крестьян. Согласно реформе, во всех казенных селах учреждались сельские общины, высшим органом становился сход, надлежало избрать сельского старосту и иных должностных лиц⁹.

Таким образом, в масштабах государства с XI в. и до отмены крепостного права приходится говорить лишь об элементах самоуправления в различных регионах с их спецификой (мелкие торговцы и ремесленники, различные сословные группы, например казаки, территории новгородских земель, сохранившие самобытные традиции самоуправления и общины).

⁸ Барышкова К. В., Подсумкова А. А. История государственного управления и муниципального самоуправления России. М., 2008. С. 44.

⁹ Бурое А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. М., 2000. С. 46.

С отменой крепостного права в 1861 г., во времена правления Александра II, общественное самоуправление начинает возрождаться. Проводимая земская реформа была методом децентрализации власти. Сторонник общественной теории самоуправления В. Н. Лешков отмечал в земских учреждениях, ответственных перед населением, «суть учреждения земства, народа». Права земских учреждений имели самостоятельный системный характер¹⁰.

Земства в своей деятельности зависели от центральной власти, которая имела право отменить любое решение, принятое земским самоуправлением, в случае если оно шло вразрез с интересами государства. Сельская община перестает отвечать потребностям государства, сдерживая развитие села. Проводимые с 1906 по 1913 г. П. А. Столыпиным преобразования всячески поощряли выход крестьян из общины, но тем не менее до 1917 г. община оставалась для села основой хозяйственной деятельности.

Считаем возможным поддержать мнение Н. С. Тимофеева о том, что «соборность, общинность, коллективизм для русского национального сознания представляет особое значение, связанное прежде всего с возрождением таких прогрессивных традиций, как коллективное лидерство и взаимная поддержка»¹¹.

На протяжении всего периода развития России примерами общественного самоуправления были:

- исторически первая форма — вечевое собрание, которое выстраивалось в вертикальную систему подчинения небольших вечевых собраний более крупным;
- соседские общины в виде улиц и концов;
- сельские общины;
- артели, которые оформлялись как братство и дружины, земское и губное управление.

Можно выделить различные виды и формы самоуправления:

- территориальное, производственное, церковное;
- сословное — традиционное крестьянское, ремесленное, купеческое, дворянское — его систему составляли губернский магистрат и магистраты городов;
- казачье самоуправление, где роль высшего органа этого военного демократического самоуправления выполнял военный круг,
- традиционными были общинные сходы, в том числе станичный сход.
- в структуру сельского общественного самоуправления входили сельские сходы и выборный староста.

Самоуправление сопутствовало всем этапам развития России, процветая или приходя в упадок и возрождаясь, в зависимости от исторических условий. Элементы самоуправления сохранялись в различных регионах с учетом их специфики. Оно не исчезало ни в Московском царстве, ни в Российской империи.

¹⁰ Лешков В. Н. Опыт теории земства // День. 1865. С. 42—44.

¹¹ Тимофеев Н. С. Соборность и общинность в развитии местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 59—65.



БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Барышкова К. В., Подсумкова А. А.* История государственного управления и муниципального самоуправления России. — М., 2008. — 222 с.
2. *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. — М. : Институт русской цивилизации, 2011. — 896 с.
3. *Буров А. Н.* Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2000. — 221 с.
4. *Валишевский К. Ф.* Иван Грозный. — М. : Икпа, 1989. — 420 с.
5. *Комарова В. В.* Формы непосредственной демократии в России : учебное пособие. — М. : Проспект, 2011. — 78 с.
6. *Лешков В. Н.* Опыт теории земства // День. — 1865. — С. 42—44.
7. *Першин А. Н.* Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2. — С. 108—115.
8. *Постовой Н. В.* Местное самоуправление: история, теория, практика. — М. : Реклам.-изд. центр «Федоров», 1995. — 189 с.
9. *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. — М. : Книга, 1990. — 334 с.
10. *Тимофеев Н. С.* Соборность и общинность в развитии местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 59—65.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В издательстве «Проспект» вышли в свет две монографии, объединенные актуальной на сегодняшний день проблематикой информатизации, механизации, роботизации всего сущего, раскрывающие новые цивилизационные тенденции.

Глобальная цифровизация мира, прогрессирующая на фоне событий первой половины этого года, невольно приобщает всех нас к открытой полемике о власти техники: машина становится и богом, и демоном для человеческого существования.

Исаев И. А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа) : монография. — М. : Проспект, 2021. — 384 с.

Автор — заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Игорь Андреевич Исаев — рассматривает проблемы, связанные с реализацией политической (государственной) власти в «эпоху машин», т. е. средств информационно-электронной коммуникации, информационного общества и цифровых технологий. В произведении отражается эволюция технологии управления, которая становится все более бесконтактной и приобретает виртуальные формы. Показывается роль сетевых структур, активно влияющих на политические процессы, создающих конкуренцию официальным государственным институтам. Освещаются роль права, его неизбежная трансформация, касающаяся как формы, так и содержания.



Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Иерархии и сети: власть и закон : монография. — М. : Проспект, 2021. — 192 с.

Авторы — заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Игорь Андреевич Исаев; заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Аркадий Владимирович Корнев; профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент Сергей Васильевич Липень. В книге предпринята попытка осмысления современного политического процесса, динамика которого стала в определенной степени зависеть от технологических, цифровых форм политических коммуникаций. В связи с этим меняется природа традиционных политических институтов и форм их деятельности в условиях четвертой промышленной революции.





Монографии «„Машина власти“ в виртуальном пространстве (формирование образа)» и «Иерархии и сети: власть и закон» — это отказ от повседневных оценок цивилизационного пути.

Настоящие издания представляют интерес как для юристов, так и для специалистов в области междисциплинарных исследований, могут быть использованы при изучении учебных дисциплин: история государства и права, теория государства и права, история политических и правовых учений, философия права, социология права, история и методология юридической науки. Несомненную пользу монографии принесут практикующим политикам, всем тем, кто изучает систему и правовые аспекты государственного (политического) управления.

Игорь Андреевич Исаев пишет: *«Опыт истории убедительно доказывает, что за происходившими в мире технологическими революциями чаще всего следовали революции социальные, культурные и политические»*. Концепты книг оживают в рамках научных мероприятий кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — например, в проекте «Эра человека и “машины”: историческая динамика государственно-правовых перемен».

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Богдан Александрович Кистяковский (1868—1920), юрист, социолог права. Принадлежит к школе классической русской либеральной философии естественного права. Оказал значительное влияние на ее интеллектуальную историю. Сторонник преобразования либерализма в «правовой социализм». Подобно русским ученым — последователям школы субъективной социологии Н. И. Кареева, сделал акцент на изучении конкретных идей.

Защитил диссертацию по философии «Общество и индивидуальность» (1898), опубликованную в Берлине на немецком языке, высоко оцененную немецкими учеными. Публиковался в журнале «Освобождение», сборниках «Проблемы идеализма» (1902, статья о русской социологической школе) и «Вехи» (1909, статья «В защиту права» о правовом сознании российской интеллигенции).

С 1904 г. в Киеве сотрудничал в журнале «Вопросы жизни». Редактировал сочинения М. П. Драгоманова (т. 1, М., 1908). Являлся редактором «Критического обозрения» (1907—1910), «Юридического вестника» (1913—1917), «Юридических записок» (1912—1914). С 1906 г. — преподаватель государственного и административного права в Московском коммерческом институте, на Высших женских курсах. В 1909 г. в качестве магистра государственного права принят приват-доцентом в Московский университет. Поддержал протест профессуры против нарушения университетской автономии.



Б. А. Кистяковский ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ¹

В изучении права в последнее время обнаруживается чрезвычайно отрадное явление — оно стало более углубленным и вместе с тем оно шире захватывает различные проявления права. Лучшим показателем современного движения в изучении права может служить психологическая теория права. Конечно, крайние выводы сторонников этой теории, стремящихся доказать, что право есть только известное психическое переживание и что единственная и истинная сущность права коренится в человеческой психике, не верны. Но изучение права как психического явления заставило посмотреть на право с новой стороны и обратить внимание на многое такое, что раньше оставалось вне круга научно-юридического интереса.

¹ Публикуется по изданию: Кистяковский Б. А. Право как социальное явление // Вопросы права. 1911. Кн. VIII (4). С. 1—17.

Более полное и всестороннее изучение права заставляет пересмотреть вопрос и о социально-научном изучении его. На необходимость социально-научного изучения права было обращено внимание еще в семидесятых годах прошлого столетия. Русский научный мир может гордиться тем, что именно в русской научно-юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление. Во второй половине семидесятых годов С. А. Муромцев чрезвычайно последовательно разработал стройную социально-научную теорию права. К сожалению, наше научное развитие до сих пор идет какими-то прерывистыми скачками и ему менее всего свойственны преемственность и традиции. В данном случае присоединилось еще и то обстоятельство, что в силу внешних препятствий, насильно вторгшихся в преподавательскую и научную деятельность С. А. Муромцева, он мог иметь только отдельных последователей и почитателей, но был лишен возможности создать школу в точном смысле этого слова. Таким образом, и то идейное богатство, которое заключается в трудах С. А. Муромцева, до сих пор остается у нас не совсем использованным. На западноевропейскую научно-периодическую литературу труды С. А. Муромцева оказали очень мало влияния, так как из них были переведены на немецкий язык только два сочинения².

Но сам вопрос о необходимости социально-научного изучения права все определеннее выдвигается в последнее время и в немецкой, и во французской литературе. Появился целый ряд исследований, в которых особенно настаивается на значении социологического метода в правоведении. В этих исследованиях отчасти повторяется то, что уже раньше было установлено у нас С. А. Муромцевым, но во многом в них сделан значительный шаг вперед. Это вполне понятно, так как в них может быть принят во внимание практический и научный юридический опыт за последние более чем тридцать лет.

Моя задача, однако, в данный момент заключается не в том, чтобы определять значение самого этого научного направления. Еще менее целесообразными представляются мне рассмотрение каждого отдельного исследования, принадлежащего к этому направлению, и попытки выяснения, что верного или неверного заключается в каждом из них. Напротив, громадный интерес возбуждает исследование вопроса о социально-научном изучении права по существу. В самом деле, в каком отношении находится такое изучение права к общепринятому догматическому изучению его и что оно может дать юристу, как теоретику, так и практику?

Прежде всего надо отметить, что на необходимость социально-научного изучения права было обращено внимание в связи с вопросом о социологии, т.е. об особой науке, изучающей законы развития обществ. Согласно с общим характером и общими задачами социологии было выдвинуто требование социологического изучения права, направленного на открытие общих причин происхождения и развития права³. Такое социологическое изучение права противопоставлялось

² Ср. оценку научной деятельности С. А. Муромцева в работах: *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 196—214 и 220; *Он же.* С. А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 80—91; *Яблочков Т. М.* С. А. Муромцев как ученый. Ярославль, 1910.

³ Именно так определяет задачи правоведения С. А. Муромцев. По его словам, «правоведению надлежит изучать законы развития той области социальных явлений, которая

догматическому его изучению; целью последнего признавалась чисто подготовительная работа, именно описание в правильной системе фактов гражданского права⁴. Не подлежит сомнению, что этим теоретическим требованием была сформулирована одна чрезвычайно важная задача научного изучения права. Задача эта сохраняет свое научное значение и до сих пор, тем более что для осуществления ее сделано сравнительно немного. В такой постановке социологическое изучение права есть отрасль юридических наук, аналогичная истории права, только более общая. Подобно истории права это социологически-эволюционное изучение права важно для общего образования юриста, так как оно помогает ему более сознательно относиться к праву. Но оно не имеет непосредственного отношения к догматике права.

Возникает, однако, вопрос: исчерпывается ли социологическим изучением права в этом смысле вообще социально-научное изучение права? Иными словами, нельзя ли наряду с социально-научным изучением эволюции права изучать социально-научно и всякую действующую систему права? Далее, если такое изучение возможно, то спрашивается, какое значение оно имеет: должно ли оно заменить общепринятое догматическое изучение права или его надо поставить рядом с ним? Наконец, что может дать такое социально-научное изучение права для уразумения системы права, а следовательно, и для применения правовых норм? Вот ряд вопросов, ответ на которые представляет первостепенную важность как для юриста-теоретика, так и для юриста-практика.

Если мы теперь обратимся к рассмотрению основного из этих вопросов, именно вопроса о социально-научном изучении действующих систем права, то прежде всего мы должны отметить, что нет более общепризнанного положения, как то, что право есть социальное явление. Из этого положения вполне очевидно должен вытекать вывод, что право и следует изучать прежде всего в его социальных проявлениях, т.е. его надо исследовать социально-научно. Однако самый термин «социальное явление» чрезвычайно многозначен: из того, что все согласны в признании права социальным явлением, еще не следует, что все понимают одно и то же, когда говорят, что право есть социальное явление. Даже более, можно сказать, что это утверждение разделяет судьбу многих ходячих истин, так

известна под именем права». См.: Муромцев С. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 11 и 164; Он же. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877. С. 196; Он же. Что такое догма права? М., 1885. С. 7.

К этому же мнению присоединяется и Ю. С. Гамбаров. Он утверждает, что «правоведение, как и социология, разыскивает законы развития общественной жизни». См.: Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения // Журнал М. Ю. СПб., 1907., Янв. С. 31 и 33; Он же. Курс гражданского права. СПб., 1911. С. 37—38.

Здесь он формулирует то же в следующих выражениях: «Правоведение, как и социология, разыскивает — по крайней мере в своем теоретическом отделе — законы развития общественных учреждений».

⁴ Так, С. А. Муромцев утверждает, что общее гражданское правоведение изучает законы развития гражданского права. Оно предполагает, как подготовительную стадию, описательное гражданское правоведение, которое описывает в правильной системе факты гражданского права.



как оно приобрело неясные и туманные очертания; и, может быть, большинство из тех, кто настаивает на нем, даже не вполне отдает себе отчет в его истинном значении. Чаще всего социальную природу права видят в том, что оно может существовать только в обществе и что общественная жизнь обуславливает все правовые явления. Это, несомненно, верно, но не характерно для права. Ведь вся наша культура во всех ее проявлениях тесно связана с общественной жизнью. Даже язык не мог бы существовать без общества. То же надо сказать о всех более или менее развитых формах хозяйства, которое уже давно переступило границы изолированного индивидуального хозяйства: конечно, ни торговля, ни производство для неизвестного потребителя, ни современные пути сообщения были бы невозможны без общественной жизни. Так же точно без общества не могли бы существовать ни литература, ни наука, ни искусство. Однако для всякого ясно, что право есть социальное явление в другом смысле, чем все эти проявления культуры; оно как бы более социально, чем все они.

Другая формулировка по существу того же взгляда на социальную природу права заключается в том, что право составляет часть общественного целого. Из этого совершенно верного теоретического положения извлекают, однако, совершенно неверный методологический вывод, что право нельзя изучать изолированно, так как часть зависит от целого. На такой постановке научного изучения права особенно настаивает Ю. С. Гамбаров в своей статье «Задачи современного правоведения», переработанной в его «Курсе гражданского права». По его мнению, «право и жизнь, жизнь и право — неотделимы друг от друга и стоят в вечном взаимодействии»⁵. На этом основании он признает правильным тот метод, «который не изолирует права от других частей социального целого, а рассматривает его в связи и во взаимодействии с ними»⁶. Эти очень заманчивые предложения изучать право в связи с социальным целым методологически совершенно несостоятельны. Мы всегда изучаем только части, и целое недоступно нашему познанию. Прямо противоречат фактам из истории научного развития утверждения, что право нельзя отделять от социальной жизни и что правоведение нельзя изолировать от социологии. Ведь в научном познании право было выделено как особая область явлений гораздо раньше, чем, например, хозяйство. Вместе с тем правоведение издавна разрабатывалось как совершенно особая наука, отдельная от социологии, и это дало очень много весьма ценных научных результатов. Следовательно, метод изолирования был, несомненно, плодотворен в научном отношении, а для решения вопроса о правильности или неправильности того или другого метода единственным критерием является его научная плодотворность. Конечно, можно признавать, что теперь уже недостаточно старых методов правоведения; можно утверждать, что они не

⁵ Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения // Журнал М. Ю. 1907, Янв. С. 21 ; Он же. Курс гражданского права. СПб., 1911. С. 2.

⁶ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. С. 31. Исходя из вышеприведенного методологического принципа, Ю. С. Гамбаров приходит к заключению, что «нельзя изучать и правоведение без социологии, так как часть зависит от целого и не может быть понята изолированно от этого целого и других его частей». Курс гражданского права. С. 38 ; Он же. Задачи современного правоведения. С. 33.

соответствуют вновь назревшим потребностям научного знания и юридической практики; можно стремиться к более полному и всестороннему познанию права. Но исход из этого положения нельзя искать в том, чтобы слить преследование права с исследованием социального целого. От такого приема не только не может получиться более всестороннее знание права, но и вообще никакое новое научное знание его. Действительно, Ю. С. Гамбаров не может указать других результатов от применения рекомендуемых им методов, кроме как исследование причин развития права, приводящее к социологическому изучению права в вышеуказанном смысле. Но юриста интересует в первую очередь не то, как произошло и развилось право, а что оно из себя представляет как действующий правопорядок; в частности для него очень важно знать, в чем социальная природа права и как ее исследовать.

Третье решение вопроса о том, в чем заключается социальная природа права, предложено Р. Штаммлером в его сочинении «Хозяйство и право». Оно прямо противоположно первому решению. По мнению Р. Штаммлера, право есть регулирующая форма совместного существования людей. Только благодаря этой форме совместное существование людей обращается в общество и становится предметом познания. При этом, смешивая логические процессы с реальными, и в частности отождествляя роль права как формы социальной жизни в социальном процессе с ролью кантовских категорий или форм познания в процессе познания, Р. Штаммлер утверждает, что право создает возможность как понятия общества, так и самого реального предмета общества. Согласно этому построению Р. Штаммлера совместное существование людей и их хозяйственная деятельность, называемые им материей общества, взятые сами по себе как нечто бесформенное, не составляющее цельного научного понятия, не могут служить предметом научного познания. Напротив, право, как регулирующая форма, может быть и само по себе предметом отдельного научного познания, так как оно обладает, так сказать, логической законченностью.

Это теоретическое построение, сплошь основанное на смешении логических процессов с реальными, что так превосходно показал в своей критической статье о книге Р. Штаммлера Макс Вебер⁷, не согласно с фактами из истории социальных наук. Отрицаемая Р. Штаммлером возможность исследования совместной жизни людей и их хозяйственной деятельности вне правовых форм в действительности всегда осуществлялась. Об этом свидетельствует несомненный факт существования политической экономии, которая всегда стремилась исследовать изолированно хозяйственную деятельность людей. Возникновение таких научных направлений в политической экономии, как этическое и государственно-правовое, только подтверждают возможность исследовать хозяйственную жизнь изолированно от правовых форм.

С другой стороны, если вникнуть в истинный смысл этого теоретического построения, то надо признать, что только по недоразумению можно причислять штаммлеровскую теорию права к социально-научным учениям о праве. В силу того же недоразумения Ю. С. Гамбаров считает возможным сослаться на учение

⁷ Weber M. R. Stammers «Ueberwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXIV. 1907. S. 94 u сл.



о праве Р. Штамллера в подтверждение своих взглядов на право⁸. В действительности само по себе учение Р. Штамллера о праве как регулирующей форме общественной жизни, которую притом можно отделить от общественной жизни и изучать изолированно, вполне тождественно с традиционным учением о праве как о совокупности известных норм, действующих в обществе. Оно не социально-научно, а формально-юридично, с теми только изменениями, которые внесены Р. Штаммлером, благодаря его ошибочному отождествлению юридического формализма с формализмом гносеологическим и методологическим. Своеобразно, хотя и неверно, не учение Р. Штамллера о праве, а его учение об обществе и хозяйстве. Р. Штаммлер выдвигает и отстаивает не социально-научное учение о праве, в правовое, или, вернее, нормативное учение об обществе и хозяйстве. Для него закономерность социальной жизни заключается в оформлении ее регулирующими нормами и в чисто телеологической обусловленности этого оформления. Поэтому с его точки зрения совершенно невозможны социальные науки, построенные на методологических принципах естественных наук, т.е. исследующие социальные процессы как процессы причинно обусловленные и устанавливающие действующие в них законы в виде причинных соотношений⁹. Это, впрочем, не мешает ему со свойственной ему непоследовательностью признавать, что некоторые ряды социальных явлений состоят из сцеплений причин и действий и должны исследоваться каузально.

Все это заставляет нас признать вышеизложенные попытки определить социальную природу права неудачными. Они не улавливают социальной стороны правовых явлений. Чтобы подойти к этой стороне права, надо сперва отвлечься от тех черт его, которые не являются социальными в точном смысле этого слова. Иными словами, надо прежде всего осознать, что мы до тех пор не приблизимся к пониманию социальной природы права, пока будем рассматривать право как совокупность известных норм или правил, действующих в обществе. С этой точки зрения право всегда останется имеющим отношение к обществу, но не социальным явлением с его характерными особенностями. Уже чрезвычайная легкость, с которой право как норма может быть отделена от социальной жизни и подвергнута исследованию в этом мысленно изолированном от социальных отношений виде, свидетельствует о том, что с этой стороны мы не подойдем к праву как к социальному явлению.

Но право слагается не из тех норм, значение которых можно было бы рассматривать безотносительно к их влиянию на жизнь. Сущность правовых норм не в их внутренней ценности, что по преимуществу можно утверждать о нормах этических и эстетических. Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и потому осуществление есть основной признак права. Иеринг в одном месте своего трактата «Цель в праве» говорит, что право есть не простое долженствование, но и исторический факт. К этому можно прибавить, что право есть и социальный факт. Следовательно, кто хочет изучать право как

⁸ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. С. 365.

⁹ См.: Штаммлер Р. Хозяйство и право. СПб., 1907. Т. 2. С. 265 и *passim*. Ср.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. ; под ред. и вступ. ст. С. О. Гессена. СПб., 1911. С. 19.

социальное явление, тот должен брать право в его осуществлении или в его воплощении в социальный факт.

В ответ могут указать на то, что и традиционное учение о праве всегда принимало во внимание и осуществление права. Рядом с учением о праве в объективном смысле или о праве как совокупности норм всегда ставилось и ставится учение о праве в субъективном смысле, или о праве как известном отношении, как совокупности прав и обязанностей. И не подлежит сомнению, что традиционное учение о праве, поскольку оно является учением о субъективном праве, приближается к той стороне права, которая делает его социальным явлением. Но традиционное учение о праве рассматривает субъективное право как производное объективного права, а это и мешает ему подойти к тем характерным чертам правовых явлений, которые превращают их в социальные явления.

Напротив, при социально-научном изучении права надо признать осуществление права основным моментом для познания его, а соответственно этому исходить из рассмотрения права в его воплощении в правовых отношениях. Итак, надо смотреть на то право, которое живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках, а не на то право, которое установлено в параграфах кодексов. В этом изменении самого объекта наблюдения и заключается расширение нашего познания права, которого попутно достигают в теоретической области представители новейшего направления в юриспруденции, занятые по преимуществу практическим вопросом о правотворческой роли судьи.

Интересующая нас здесь проблема выясняется в научно-юридической литературе вместе с проповедью «социологического метода в гражданском праве», «социологических судебных решений» (*Sociologische Rechtsprechung*), нахождения права путем «взвешивания интересов». Из юристов, принадлежащих к этому направлению и особенно способствовавших выяснению сущности социальной природы права, надо назвать из немцев: О. Бюлова, Эрлиха, Фукса, Штампфа, Гекка, Гмелина, особенно Шпигеля и др., из французов: Жени, Ламбера, особенно Ла-Грассери и др.

Однако могут указать на то, что изучение права, существующего в жизни, а не записанного в законах, только затруднит исследователя, но ничего не даст нового в смысле познания права. Ведь при современной системе писаного права в жизни и осуществляется то право, которое изображено в законах. Такова, несомненно, основная предпосылка традиционной теории права. Но наблюдение показывает, что она, безусловно, неверна. Несоответствие между писаным правом и правом, осуществляющимся в жизни, обусловлено уже самой природой того и другого.

Писаное право состоит из общих, абстрактных, безличных и схематических постановлений; напротив, в жизни все единично, конкретно, индивидуально. Притом жизнь так богата, многостороння и разнообразна, что она не может целиком подчиниться контролю закона и органов, наблюдающих за его исполнением. По этому поводу Эрлих правильно замечает, что «из необозримого количества жизненных отношений только немногие в виде исключения привлекают к себе внимание судов и других учреждений. Ведь наша жизнь протекает не перед учреждениями. Есть миллионы людей, которые вступают в бесчисленное количество правовых отношений и которые настолько счастливы, что никогда не обращаются



ни к одному учреждению»¹⁰. К тому же писаное право неподвижно, оно изменяется только спорадически и для изменения его всякий раз требуется приводить в движение сложный механизм законодательной машины. Напротив, правовая жизнь состоит из непрерывного движения, в ней все постоянно изменяется, одни правовые отношения возникают, другие прекращаются и уничтожаются.

Таким образом, правовая жизнь может уклониться от действующего писаного права, что, однако, до известного момента нисколько не будет влиять на формальную силу писаного права. Писаное право или, вернее, учреждения, которым надлежит ведать его осуществление, часто вступают в борьбу с правовыми явлениями жизни, отклоняющимися от писаного права. Пока эта борьба ведется, писаное право сохраняет полную силу, оно имеет все шансы победить. Но «как только», по словам Шпигеля, «писаное право отказывается от борьбы и спокойно принимает противозаконие (*Rechtswidrigkeit*) и притом не как единичное, изолированное противозаконие, а как противозаконие массовое, тогда именно обнаруживается, что правовая норма, которой это касается, больше не действует»¹¹. Поэтому Шпигель приходит к заключению, что «закон и действительное право не необходимо должны покрывать друг друга и часто и не покрывают друг друга»¹².

Это же положение еще раньше высказал Зинцгеймер в следующих словах: «Нет нужды в том, чтобы установленное право совпадало с правовой действительностью, и оно в самом деле во многих отношениях не совпадает с нею. Ибо не все действующее право действенно и не все действенное право выражено в писаных нормах»¹³. Далее Зинцгеймер приводит целый ряд соображений и фактов, неоспоримо доказывающих, что «правовая действительность имеет самостоятельное значение рядом с правовым порядком»¹⁴.

Отмечаемое здесь расхождение писаного права с правовой действительностью вполне понятно, так как писаное право никогда не может исчерпать всего права, осуществляющегося в жизни. К догматам традиционной теории права относится учение о всемогуществе закона. Часто думают, что закон обладает неограниченной властью над жизнью, он преобразует и формирует ее согласно со своими требованиями. Юрист-позитивист и не имеет права иначе смотреть на отношение между законом и жизнью, так как с его точки зрения, каков бы ни был закон, т.е. как бы он ни противоречил жизни, он прежде всего составляет часть действующего права и должен быть применяем во всей своей полноте¹⁵.

Правда, Великая французская революция и дальнейшая политическая история европейских государств свидетельствуют о массе случаев, когда и радикально-революционные, и радикально-реакционные законы оказывались совершенно бессильными. С другой стороны, представители исторической школы в

¹⁰ Ehrlich E. *Tatsachen des Gewohnheitsrechts*. Leipzig. 1907. S. 7.

¹¹ Spiegel L. *Jurisprudenz und Sozialwissenschaft*. Grfnhut's Zeitschrift. Bd. 36. (1909) S. 7.

¹² Ibid. S. 10.

¹³ Sinzheimer H. *Die soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft*. Munchen. 1909. S. 7.

¹⁴ Ibid. S. 13.

¹⁵ Cp.: Geny Fr. *Methode d'interpretation et sources en droit prive positif*. Paris. 1899. P. 356 и сл.

юриспруденции отрицали у законодателя и право, и возможность законодательствовать по своему свободному усмотрению. Конечно, этот исторический опыт и соответственные ему теоретические построения оказывают влияние на современное законодательство. Но вообще законодателям свойственно переоценивать имеющееся в их распоряжении орудие воздействия на жизнь.

Впрочем, и умеренность в законодательных мероприятиях иногда не помогает, так как часто даже наиболее осторожно и осмотрительно сформулированные законы не могут справиться с жизнью; это бывает в тех случаях, когда жизненные отношения развиваются в противоположном направлении тому, которое предписывается законом. Тогда не жизнь приспосабливается к закону, а наоборот, закон приспосабливается к жизни. Вообще при наших современных социальных знаниях никогда нельзя знать вперед, что станет с законом в его действии, т.е. какой он примет вид при своем применении. Поэтому О. Бюлов совершенно прав, когда он утверждает, что только что изданный закон «еще не есть действующее право. Все, что законодатель в состоянии создать, это лишь план, лишь набросок будущего желательного правопорядка»¹⁶.

В свою очередь, и те изменения, которым подвергается закон при своем применении, имеют не случайный и не произвольный характер. Если наука рассматривает, например, процесс образования цен как социально-закономерный, то на том же основании необходимо исследовать с точки зрения социальной закономерности и процесс преобразования положительного закона путем судебного толкования и применения его. Традиционный взгляд на судью как на изолированного индивидуума должен быть оставлен. Не надо никогда забывать того, что судья член и всего общества, и той или иной социальной группы, и что, следовательно, вся его деятельность подчинена различным общественным влияниям¹⁷. Социальную закономерность результата этих влияний и требуется определить при социально-научном изучении права.

Конечно, все эти явления не могли оставаться совершенно не замеченными традиционной теорией права. Они в том или ином объеме рассматривались в связи с вопросом о роли и значении обычного права. Но обычное право в современной правовой теории занимает положение какого-то пасынка; ему уделяется лишь чисто декоративное значение. В действительности в обычное право обыкновенно не верят; от него часто требуют, чтобы оно оправдало или легитимировало себя перед правом, установленным в законе.

Так, например, придается серьезное значение вопросу о том, допускает ли или не допускает та или иная законодательная система обычай в качестве источника права. Далее верят в возможность установить границы действия обычного права законодательным путем. Наконец, иногда отрицают правомерность некоторых форм обычного права; существует, например, целая группа теоретиков, утверждающих, что обычай не может дерогировать или отменять законодательные постановления.

Все это, несомненно, свидетельствует о том, что традиционная теория права влияет на психику большинства теоретиков права и создает одностороннее

¹⁶ *Bulow O. Gesetz und Richteramt. Leipzig, 1885. S. 3.*

¹⁷ *Spiegel L. Jurisprudenz und Sozialwissenschaft. S. 27.*



устремление их внимания на право как совокупность норм и, в частности, исключительный интерес к праву, выраженному в законах. В силу этого они видят право, осуществляющееся в жизни, не таким, каким оно является в действительности, а таким, каким оно им кажется с точки зрения действующих правовых норм. Только новейшие теории судебного толкования и применения законов разрушили эти иллюзии относительно характера права, осуществляющегося в жизни.

С социально-научной точки зрения весь вопрос о возникновении, изменении и уничтожении права представится совершенно в другом свете. Теперь из того положения, что при современном правовом строе право должно возникать, изменяться и уничтожаться только предусмотренными самим правом путями, обыкновенно делают вывод, что это действительно так. Но более тщательное наблюдение над правом, осуществляющимся в жизни, несомненно, покажет, что есть много путей для возникновения нового права и изменения или уничтожения права старого. Вообще процесс правообразования — по крайней мере на первых стадиях своих — чисто социальный процесс.

Итак, масса обстоятельств свидетельствует о том, что правопорядок, существующий в жизни, обыкновенно не тождествен правопорядку, выраженному в правовых нормах. Это и заставляет Шпигеля прийти к заключению, что «как бы ни было удобно отождествлять закон и право, мы не можем более закрывать глаза перед фактами. Требование отделять одно от другого есть не что иное, как постулат научной честности»¹⁸. Отсюда и возникает необходимость изучать правовой порядок, существующий в жизни, как нечто самостоятельное; это и приведет к социально-научному исследованию права или к исследованию права как социального явления.

В новейшей юридической литературе обыкновенно говорят в этих случаях о применении социологического метода к исследованию права. Что задачи социологического метода определяются именно в вышеуказанном смысле, это видно из следующих слов Зинцгеймера: «Мы называем этот метод социологическим потому, что он для того, чтобы охватить правовую действительность, должен исходить не из правовых положений, а только из самих общественных условий жизни». И далее он говорит: «Своеобразие задачи, которая поставлена социологическому методу в науке гражданского права, заключается в выдвигании правовой точки зрения при рассмотрении общественных жизненных отношений или в обработке общественных форм как правовых форм»¹⁹.

Все это заставляет нас прийти к заключению, что есть целая область явлений и фактов, которые должны послужить самостоятельным предметом социально-научного исследования права. Громадный интерес такого исследования в теоретическом отношении не может подлежать сомнению. Но и в практическом отношении такое исследование чрезвычайно важно. Только оно даст возможность законодателю работать не вслепую, не наугад, как это бывает по большей части теперь, а вполне ясно отдавая себе отчет о том, как должен быть издан тот или другой закон для того, чтобы он оказал желаемое воздействие на жизнь. Судье и администратору оно поможет устанавливать решения, согласные с потребностями

¹⁸ Ibid. S. 19.

¹⁹ *Sinzheimer H.* Ibid. S. 14—15.

жизни и способствующие развитию здоровых социальных отношений. Что судье и администратору приходится выбирать между различными решениями, это хорошо известно, так как законы допускают много различных толкований. Особенно это важно в тех случаях, когда в действующих законах встречаются пробелы, неясность или противоречие.

До сих пор мы выясняли по существу вопрос о том, в чем должно заключаться социально-научное исследование права. Теперь представляло бы интерес остановиться и на том, не высказывались ли вышеизложенные идеи и раньше. Конечно, здесь речь идет не о приоритете, так как, строго говоря, приоритет принадлежит не тому, кто первый высказал ту или иную идею, а тому, кто сумел ее сделать плодотворной. Но указание на то, что те или иные идеи уже высказывались, часто показывает, что они логически необходимо вытекают из известной постановки вопроса, а это, в свою очередь, служит лишним доказательством правильности этих идей. В данном случае надо признать чрезвычайно ценным то обстоятельство, что вышеизложенная постановка социально-научного исследования права отстаивалась уже С. А. Муромцевым.

Когда характеризуют социологическую теорию права С. А. Муромцева, то обыкновенно останавливаются на том, что С. А. Муромцев противопоставлял догме права социологическое учение о праве, которое должно устанавливать законы возникновения и развития права. Только такое учение он признавал научным, между тем как догме права он придавал значение лишь прикладного знания и причислял ее к искусствам. Так как затем по своим философским воззрениям С. А. Муромцев был позитивист и, в частности, по своим методологическим взглядам примыкал к Дж. Ст. Миллю и Бену, т.е. был строгим методологическим монистом, то обыкновенно и считается, что социологическим учением о праве в вышеуказанном смысле и исчерпывается вся сущность его социологического учения о праве²⁰.

Но если отвлечься от философского мировоззрения С. А. Муромцева и принять во внимание, что можно в теории придерживаться одних методологических принципов, а на практике под влиянием здорового научного инстинкта следовать совсем другим методам исследования, то социологическая теория С. А. Муромцева окажется гораздо более многосторонней и содержательной.

В своем основном теоретическом сочинении «Определение и основное разделение права» С. А. Муромцев не столько стремится установить социальные законы развития права, сколько пытается дать социально-научное учение о праве в вышеизложенном смысле. Он сам определяет характер своего исследования в следующих словах: «Главная особенность определений, которые должны быть предложены в первом отделе этого труда, состоит в том, что вместо совокупности юридических норм под правом разумеется совокупность юридических отношений (правовой порядок). Нормы же представляются, как некоторый атрибут порядка»²¹.

В дальнейшем изложении С. А. Муромцев стремится установить и точно выяснить, что представляет из себя право, воплощенное в социальных отношениях.

²⁰ Совершенно неверную оценку научного дела С. А. Муромцева дает Н. М. Коркунов (История философии права. Изд. 5. СПб., 1908. С. 443—446).

²¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 47.



В заключение, сопоставляя свою социально-научную теорию права с общепринятой, он указывает, что примененная им точка зрения требует, между прочим, изучения субъективного права в первую очередь, т.е. раньше права объективного²². Но признать первенство субъективного права над объективным, хотя бы в чисто методологическом порядке их изучения, это и значит выдвинуть задачу об изучении права как социального явления.

Таким образом, мы здесь имеем попытку исследовать действующее или осуществляющееся право само по себе, т.е. дать социально-научное учение о праве в подлинном смысле.

Для выяснения сущности социально-научного изучения права нам пришлось все время противопоставлять его традиционному, или догматическому, изучению права. Это может подать повод думать, что социально-научное изучение права исключает догматическое. Такое понимание было бы крайне ошибочно. Социально-научное изучение права не исключает догматическое изучение, а дополняет его. Юрист в первую очередь должен изучать действующее право как систему норм. Иными словами, юрист прежде всего должен знать законы и уметь обращаться с ними. Но для того, чтобы стоять на высоте современного уровня знания, юрист не только не должен забывать жизни, как говорили в старину, а и научно изучать «правовую жизнь» в вышеуказанном направлении. Юристу-практику это необходимо и для наиболее справедливого применения действующего права.

Итак, изучение права как социального явления нужно не только для осуществления теоретической цели — достичь наиболее полного знания права. Оно является насущной потребностью для того, чтобы право не расходилось со справедливостью и чтобы само право было справедливым. Коротко говоря, оно приводит к господству справедливости в правовой жизни.

²² Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. С. 159.

«АКАДЕМИЧЕСКИЙ СОЛДАТ»¹

Эксперты в области высшего образования отмечают, что нынешнее поколение студентов — прагматично, реалистично и нацелено на практику. И тем не менее есть нечто общее, что роднит это многовековое сообщество.

Столетия меняют внешний облик студента, учебный распорядок, содержание обучения. Но сам студент — молодой неутомимый исследователь жизни, стремящийся найти применение себе в науках или в практической деятельности — остается таковым на протяжении столетий независимо от своей Alma mater — будь то средневековая Сорбонна или Московский университет. Студента всегда отличают жизнелюбие и амбиции.

Но вуз для каждого студента — это не только лекции, семинары и экзамены. Это верные друзья, новые увлечения, интересные творческие проекты. А во многих университетах — еще и свои особенные традиции, уходящие корнями в века.

Однако речь в этой статье пойдет несколько о других материях, хотя не менее интересных. Поговорим об истории, точнее — об истории университетского костюма. Сегодня трудно представить студентов вузов нашей страны, облаченных в форменный костюм, но были времена, когда это считалось обязательной нормой.



Профессор университета петровской эпохи

Идея утвердить единую форму одежды студентов Петербургского университета принадлежит его основателю — Петру I. Эта мера была призвана помочь устранить видимые признаки социального неравенства, а также повысить ранг студенческого звания. По замыслу, благодаря мундиру студент должен был выглядеть представителем образованного общества, поэтому и форма его была «срисована» с костюма современного светского человека.

Как писал в свое время А. С. Пушкин, «чины сделались страстью русского народа. Того требовал Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России» и, соответственно, отношение к мундиру как важнейшему атрибуту чина в России было очень заинтересованным.

Прообразом студенческой формы и мундиров преподавателей стал модный придворный костюм. Студенту полагались: один кафтан и один камзол — они надевались друг на друга, две пары коротких штанов с застежками под коленями, четыре полотняных галстука, шесть рубашек из холста. Дополняли мундир сапоги, башмаки и гарусные (шерстяные) чулки,



А. С. Пушкин на экзамене



Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

© Ю. Г. Шпаковский, 2021

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.



Форменные студенческие мундир и сюртук в соответствии с Положением о гражданских мундирах 1834 г.

треугольная шляпа и кошелек на волосы — модный атрибут в виде мешочка, куда убиралась напояженная и напудренная коса прически или парика.

Еще одним важным атрибутом костюма универсанта была шпага. Ношение шпаги было привилегией дворянства, и обучение фехтованию, наряду с обучением придворным танцам и другим «благородным» умениям, входившее в программу университета, подчеркивало престиж получаемого образования.

Интересно, что казенный мундир включал также «штрафной» кафтан неблагородного серого цвета, в который принудительно облачались студенты, пропускавшие занятия и не выучившие урока.

В условиях реальной жизни форма не справлялась с возложенной на нее «уравнительной» функцией. Состоятельные студенты находили, как выделиться, заказывая детали форменного гардероба лучшим портным и из лучших материалов. У студентов же, рассчитывавших только на стипендию, форма быстро изнашивалась и вид имела плачевный.

11 марта 1834 г. Николаем I было утверждено новое Положение о гражданских мундирах. Его подготовило Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Одновременно российский государь утвердил «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему двору». Так в Российской империи появился один из первых официальных кодексов одежды. В нем указывалось студентам «иметь мундир темно-зеленого сукна, с темно-синим воротником, с золотыми или серебряными петлицами из галуна. Покрой мундиров, как и положенных студентам сюртуков, иметь ныне существующий и носить им фуражки суконные темно-зеленые, с околышком по цвету воротника».

С течением времени мундир все больше приобретал полувоенные черты. В 1837 г. появились официальные правила ношения студенческой формы. Студентам полагалась большая треугольная шляпа с серебряными кистями, шпага без темляка, которую носили с небольшими отличиями в повседневные и праздничные дни. Фуражки, так полюбившиеся студентам из-за их практичности, оставались им, но только для домашнего употребления.

Шпага была гордостью студента XIX в. До 1837 г. приобрести ее было возможно лишь по окончании университетского курса, о чем свидетельствовала 32 статья Общего устава российских университетов 1835 г. Студенческая форма стала напоминать гвардейский мундир, и подражание этим представителями военной

формы была гордостью студента XIX в. До 1837 г. приобрести ее было возможно лишь по окончании университетского курса, о чем свидетельствовала 32 статья Общего устава российских университетов 1835 г. Студенческая форма стала напоминать гвардейский мундир, и подражание этим представителями военной



Студент университета в парадном мундире

элиты было свойственно студентам, часто форму даже заказывали военным портным. Носить студенческий мундир стало модно и престижно среди молодежи.

Вплоть до упразднения в 1917 г. мундир студента сохранял свой высокий статус. Художник Александр Бенуа, вспоминая годы обучения на юридическом факультете Петербургского университета, отмечал: «Уже одно то, что на мне не было мундира, а на боку не висела шпага, сообщало моему сознанию известную приниженность... помнится, что мне особенно тогда захотелось поступить в университет, но манила меня вовсе не наука, а все этот ребяческий соблазн гарцевать в мундире и при шпаге!»

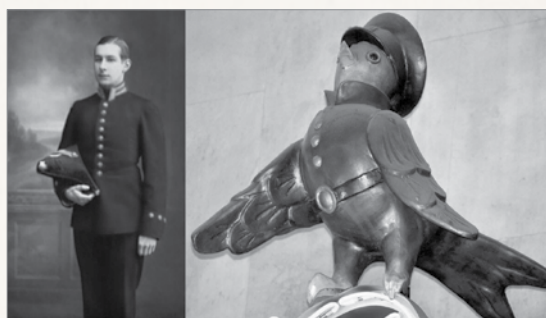
В отношении студенческой формы существовали и шуточные истории. Так, в Петербурге в доме № 6 по набережной Фонтанки, с 1835 по 1918 г. располагалось Императорское училище правоведения, студенты которого носили мундиры зеленого цвета с желтыми петлицами и обшлагами, зимой — шинели тех же цветов и шапки из пыжика. Согласно популярной петербургской легенде, за расцветку обмундирования, напоминавшую оперение чижа, а также за традиционные пыжиковые шапки студентов училища прозвали «чижиками-пыжиками».

Мундир как признак успеха и движения по карьерной лестнице был высоко чтим и являлся предметом вождедений. А поскольку форменная одежда зачастую сопровождала человека чуть ли не всю жизнь, начиная со школьного возраста и до пенсии, то мундир становился неотъемлемой частью личности. Мундиропочитание было столь велико, что форменная одежда защищала своего владельца. Так, полицейские избегали столкновений со студентами, поскольку их форма была сходна с офицерской.

Мундир рассматривался как награда. Об этом, в частности, говорит такое явление, как выход в отставку с почетным правом ношения мундира. Например, младшие чиновники Синода, Министерства путей сообщения и т.д., которым не полагалось иметь шитье, могли за успешную службу (в качестве награды) получить право на это шитье. Но в то же время мундиры изготавливались за счет их обладателей, и для некоторых новый чин и, следовательно, новый мундир (из-за золотого или серебряного шитья) мог быть чрезмерно дорогостоящим. Здесь же можно вспомнить и о страданиях гоголевского Акакия Акакиевича, полностью износившего свою «шинель», заношенный вицмундир которого был не зеленый, «а какого-то рыжеватомучного цвета».



Студенты конца XIX в.



Студенты начала XX в.



*В. Ульянов, студент
Казанского университета*

Начало XX в. — это переломный момент для всего студенческого общества в целом. Недовольство уставом 1884 г.² вынуждает студентов отстаивать свои права, что выливается в первые студенческие забастовки. Кроме того, они принимают активное участие в Первой российской революции 1905—1907 гг. Из-за этого в университетах приостанавливают занятия.

После Октябрьской революции в стране отвергалось все, что находилось в противоречии с принципом всеобщего равенства — и прежде всего внешние признаки и символы социального различия и угнетения: титулы, чины, звания, мундиры и т.д.

В 1918 г. постановлением Наркомпроса РСФСР от 18 февраля «Об отмене форм и учебных знаков всех учебных заведений» ношение форменной одежды «служащими, учащими и учащимися Народного комиссариата по просвещению, а также всякого рода кокард, значков и знаков, выдаваемых по окончании учебных заведений и присвоенных ученым степеням» было отменено.

Как показала история, довольно часто все из отвергнутого старого возвращалось и реставрировалось. Ярким примером являлось частичное возвращение воинских званий и знаков различия Российской империи в 1943 г. В 40-х гг. XX в. происходила фактическая реставрация Табели о рангах с соответствующими чинами и званиями для советских чиновников, с характерными внешними атрибутами (расшитые мундиры с «золотыми» погонами).

Первыми гражданскими ведомствами, где в законодательном порядке была введена форменная одежда, были Наркомат иностранных дел СССР, Наркомат путей сообщения СССР и Прокуратура СССР. 28 мая 1943 г. было принято Постановление СНК СССР «О введении форменной одежды дипломатических работников Народного комиссариата иностранных дел, посольств и миссий СССР за границей». Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1943 г. и 8 октября 1943 г. вводились персональные звания и знаки различия для личного состава железнодорожного транспорта и работников прокурорско-следственных органов.

В течение 1947—1953 гг. персональные звания и форменная одежда были введены для ряда гражданских министерств и ведомств СССР: финансов и Госбанка, государственного контроля, геологии и охраны недр, угольной промышленности, нефтяной промышленности, черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности, лесной и бумажной промышленности, речного флота и др.³

² Александр III в 1884 г. принимает новый университетский устав. Его основной идеей является придание университетам вида государственных учреждений, что подразумевает увеличение чиновничьего аппарата внутри учебного заведения. Ношение формы является обязательным, ужесточаются правила поступления и сдачи выпускных экзаменов. По новому уставу в университет могли поступить юноши не моложе 17 лет и неженатые.

³ Следует заметить, что эта система просуществовала недолго. Все было отменено после выхода 12 июля 1954 года указа Президиума Верховного совета СССР «Об отмене персональных званий и знаков различия для работников гражданских министерств и

Политика возврата к историческим традициям России, предпринятая руководством страны в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., затронула и деятельность такого ведомства, как Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Система персональных званий и форменной одежды в 40-е гг. могла затронуть студентов и профессорско-преподавательский состав вузов СССР.

Так, председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. Кафтанов направил письмо от 3 апреля 1944 г. № СК—03/60 на имя заместителя председателя Совета народных комиссаров Союза ССР В. М. Молотова «О введении форменной одежды для студентов высших учебных заведений». В нем обосновывается необходимость введения форменной одежды для студентов высших учебных заведений в целях укрепления дисциплины среди студентов высших учебных заведений и повышения их ответственности за учебную работу и поведение как в стенах учебного заведения, так и за пределами его.

Согласно проекту постановления СНК СССР для студентов всех вузов было намечено ввести единую форму, в основном похожую на старую студенческую форму (двубортная тужурка с наплечниками, шинель, форменная фуражка). Студентам различных вузов предлагалось иметь на форменной одежде канты соответствующего цвета (в зависимости от типа вуза) и вензеля из начальных букв названия вуза на наплечниках, а также значок соответствующего образца на фуражке.

Учитывая экономическую составляющую предложений, Госплан СССР вопрос о введении форменной одежды для студентов высших учебных заведений предложил снять с обсуждения на период войны. Однако в фондах Государственного архива РФ хранятся подлинные эскизы проектируемой форменной одежды, представленные в СНК СССР Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР.

Однако уже в 1948 г., когда шла полным ходом работа по разработке проекта закона об основных началах просвещения в СССР, председатель правительственной Комиссии, он же министр высшего образования СССР, С. В. Кафтанов направил И. В. Сталину соответствующий проект закона, в котором, среди прочего, предусматривалось установление формы одежды для студентов высших учебных заведений, а также персональных званий и формы для работников высшего образования.

Крайне интересным было предложение о введении персональных званий для руководящих и научно-педагогических работников высших учебных заведений, а также формы одежды и знаков различия. Знаки различия (погоны) напоминали армейские.









Проектные вензеля (слева направо):
Тбилисского медицинского института,
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова, МВТУ
имени Н. Э. Баумана



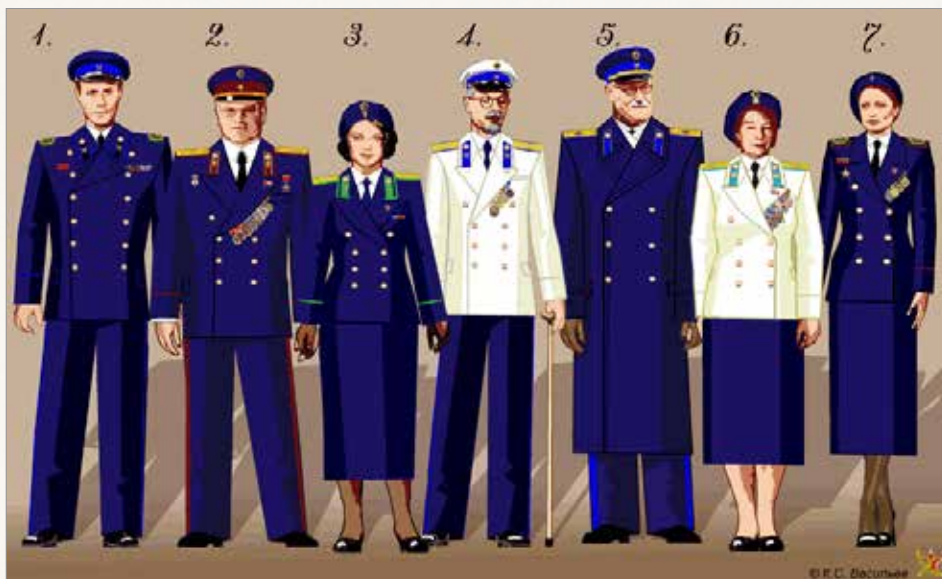
ведомств» и постановления Совета министров СССР «Об отмене форменной одежды и персональных званий для работников гражданских министерств и ведомств».

В таблице приведены персональные звания и знаки различия для некоторых категорий должностных лиц, профессорско-преподавательского состава вузов.

Должность	Персональное звание	Знаки различия
Ректор университета и директор высшего учебного заведения 1-й категории, имеющий ученое звание или ученую степень	Государственный советник высшего образования 2 ранга	
Проректор университета, заместитель директора по учебной и научной части высшего учебного заведения 1-й категории, имеющий ученое звание или ученую степень; ректор университета и директор высшего учебного заведения 2-й и 3-й категорий, имеющий ученое звание или ученую степень; заведующий кафедрой	Государственный советник высшего образования 3 ранга	
Профессор кафедры, имеющий ученое звание или ученую степень	Старший советник высшего образования 1 ранга	
Доцент кафедры	Старший советник высшего образования 3 ранга	
Ассистент (преподаватель) высшего учебного заведения, не имеющий ученой степени	Советник высшего образования	
Студент	—	

Описание форменного обмундирования для студентов и профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений позволило представить, как могла бы выглядеть летняя форма одежды (см. рисунок): 1) студентов; 2) высшего профессорско-преподавательского состава (мужчин); 3) старшего и среднего профессорско-преподавательского состава (женщин); 4) белая форма

одежды старшего и среднего профессорско-преподавательского состава (мужчин); 5) высшего профессорско-преподавательского состава (мужчин) в плаще; 6) белая форма одежды высшего профессорско-преподавательского состава (женщин); 7) студенток.



В проекте документа специально было подчеркнуто, что лица, имеющие персональные звания, должны при исполнении служебных обязанностей носить установленную форменную одежду и знаки различия.

Причины, по которым не была проведена всеобщая «форменная реформа» высшей школы, неизвестны. Хотя один вывод, возможно главный, напрашивается сам собой — это чрезвычайная дороговизна столь масштабного проекта. Сложись иначе, в стране в 40—50 гг. прошлого века не только профессора, доценты и преподаватели вузов, но и студенты получили бы по мундиру.

А как обстоят дела с обязательной формой для студентов ведущих мировых вузов в XXI в.? В настоящее время обязательная форма для студентов практически отсутствует в университетах мира. Но ее наличие — вопрос традиций, которые часто являются частью бренда того или иного вуза. При общем сходстве детали «корпоративного» стиля учебных заведений, особенно именитых, заметно разнятся.

Например, требования к учащимся Оксфорда по части внешнего вида довольно просты. Юношам предписано носить костюм и туфли темного цвета с белой рубашкой и бабочкой. Девушкам надлежит приходить на занятия в белой блузе, юбке и черных чулках или брюках темного цвета. Обязательная часть наряда — лента на шее.





Университет Оксфорд,
преподаватели



Университет Оксфорд,
ректор Крис Паттен

В Кембридже очень серьезно относятся к внешнему виду студентов. В требованиях детально прописаны все возможные ситуации: от повседневных выходов до присутствия на выпускном вечере, вручения диплома и присуждения степеней и наград. Правила строги настолько, что «неправильный» костюм может оставить выпускника без диплома (по крайней мере, на церемонию выдачи в нем точно не пустят).

На официальных мероприятиях уместны темные костюмы, юбки, белые рубашки и блузы, минимум украшений, никаких головных уборов. Единственная «праздничная» деталь — лакированная обувь. Тем же, кому до выпуска еще далеко, разрешается носить костюмы, юбки, кофты, толстовки, свитеры, капри разных цветов — зеленого, синего, желтого. В пятницу учащиеся могут забросить форму до следующей недели, главное, чтобы вольный стиль был «чист и опрятен».

Интересно, что в 2000 г. в Великобритании для более глубокого изучения традиций и возможностей академической одежды даже было организовано особое Бургонское общество.

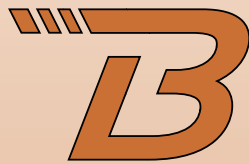
Для высшей школы важны традиции. Мантия в том виде, в котором мы знаем ее сегодня, происходит от церковного одеяния. Традиция облачения студентов в подобные черные плащи уходит корнями в Средние века. Поскольку в то время все студенты возводились в духовный сан, они были обязаны носить церковные одежды.

Что касается цветовой гаммы, то для англоговорящих народностей приоритетным является черный цвет. Но в зависимости от вуза, кафедры или уровня образования и ученой степени (бакалавр, магистр), мантия или шлиц может выполняться из других универсальных цветов.

Но, кроме мантии, академическая одежда включает в себя и головной убор, так называемые академические шапочки. Классическая квадратная форма их предусматривает, что плоская часть должна располагаться на голове параллельно земле. Этот головной убор, известный также как шапочка-конфедератка, в своем классическом варианте предусматривает кисточку в центре шапочки, свободно спадающую.

Преподаватели и высокопоставленные чиновники британских вузов, такие как ректор, вице-ректор, доктора наук или кандидаты на получение ученой степени, часто носят особые торжественные модели академической одежды. Они отличаются богатой отделкой из алой или красной ткани, возможна также вышивка золотом или серебром.

И все-таки вопрос о наличии вузовского костюма возникает с некоторой периодичностью. Трудно ответить на него однозначно. Возможно, форма того или иного вуза не должна искусственно задаваться, а должна стать основанием в продолжение традиций студенческих сообществ того или иного вуза.



ISSN 2311-5998



9 772311 599771 >